

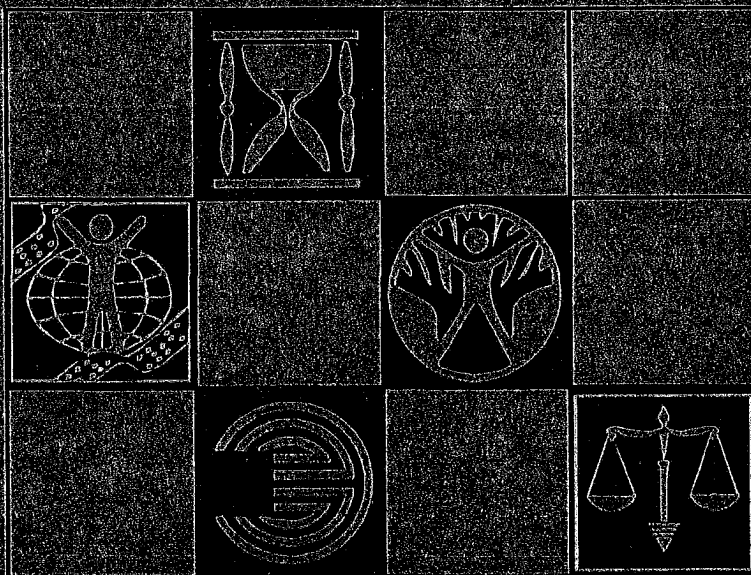
ВЕСНІК

Беларускага дзяржаўнага
універсітэта

СЕРЫЯ 3

Гісторыя
Філасофія
Псіхалогія
Паліталогія
Сацыялогія
Эканоміка
Права

2'99

ЗМЕСТ

НАШЫ ЛАЎРЭАТЫ

Дулов А.В. Пути формирования общей теории расследования преступлений	3
--	---

ІМЁНЫ Ё ГІСТОРЫІ УНІВЕРСІТЭТА

Яноўскі А.А., Зельскі А.Г. Нікіфар Міхайлавіч Бладыка	7
---	---

ГІСТОРЫЯ

Прохараў А.А. Аб міфалагічным падмурку дынастычных паданняў першых славянскіх летапісаў	13
Ярошук С.В. Лесная и деревообрабатывающая промышленность Беларуси в условиях нэпа (1921–1929 гг.)	16
Валаханович И.А. Организационная структура литовского антисоветского подполья на территории Беларуси в 1944–1953 гг.	20
Дорофеева Е.В. Некоторые особенности белорусско-русских культурных связей в период 1965–1975 гг.	25
Еўтухоў І.А. Адлюстраванне познеантычнага менталітэту ў перапісцы Сімаха і Аўсонія	29
Барсук Е.Е. Рассуждения Робина Джорджа Коллингвуда (1889–1943) об истории.....	32

ФІЛАСОФІЯ

Василевская И.В. Особенности представлений о смерти в античной философии	36
Румянцева Т.Г. Обоснование нового типа метафизики в «Критике чистого разума» И.Канта	40

ПАЛІТАЛОГІЯ

Шумский И.И. Эволюция модели государственного регулирования социальных отношений в США в 80-е гг.	47
--	----

САЦЫЯЛОГІЯ

Данилов А.Н. Проблемы развития социологии в Беларуси.....	51
---	----

ПСІХАЛОГІЯ

Агеевкова Е.К. Психосоматические аспекты развития сердечно-сосудистых заболеваний (история вопроса)	56
Сагайдак Д.И., Фролов Г.И., Новикова А.А., Суворов А.А., Богданович С.С. Методология организации совмещенного психофизиологического и психологического портретирования личности	60
Богданович С.С., Дуль Н.В., Суворов А.А. Исследование корреляций параметров типологии нервной системы, межполушарной активности мозга и устойчивости оперативного динамического образа деятельности.....	63

ЭКАНОМІКА

Зеленкевич М.Л., Максименко-Новохрост Т.В. Приватизация и формирование рынка капитала в странах с переходной экономикой	67
Мельникова Н.А., Каверинская И.А. Финансовая устойчивость как фактор конкурентоспособности предприятия	73
Кирвель О.Ч. Теория и практика валютных курсов	77

ПРАВА

Голубева Л.Л. Наследственные права женщин Беларуси в XV–XVI вв.	82
Ляскоў А.А. Уплыў ідэй французскіх мысліцеляў эпохі асветніцтва на развіццё прававой і палітычнай думкі ў Рэчы Паспалітай у канцы XVIII ст.	85
Ананіч С.М. Хеджирование на основе фьючерсных контрактов на товарных биржах.....	89

НАШЫ ЮБІЛЯРЫ

Дмитрий Иванович Широканов	95
----------------------------------	----

РЭЦЭНЗІІ

Клюня В.Л. Н.В. Черненко, Е.В.Мельникова, Г.А.Шмарловская. Мировая экономика: Учебное пособие	96
Радько С.А.,Новиков В.Н. Философия	96

ВЕСНІК

Беларускага дзяржаўнага
універсітэта

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца з сакавіка 1969 года
адзін раз у чатыры месяцы

СЕРЫЯ 3

Гісторыя
Філасофія
Псіхалогія
Паліталогія
Сацыялогія
Эканоміка
Права

2'99

ЛІПЕНЬ

МІНСК
"УНІВЕРСІТЭЦКАЕ"

Галоўны рэдактар В.Р. РУДЗЬ
Адказны сакратар П.М. БАРАНОЎСКИ

Рэдакцыйная калегія серыі:

П.І.БРЫГАДЗІН (адказны рэдактар),
В.М. ГАДУНОЎ, **А.І. ЗЕЛЯНКОЎ** (нам. адказнага рэдактара),
Ю.Л. КАЗАКОЎ (адказны сакратар), **У.Л. КЛЮНЯ**, **Г.М. КУЧЫНСКИ**,
С.В. РАШЭТНІКАЎ, **У.М. ХОМІЧ**, **А.В. ШАРАПА**, **А.А. ЯНОЎСКИ**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Регистрационный № 805.

ВЕСТНИК БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 3, № 2, 1999.

Издательство "Універсітэцкае".

220048, Минск, пр.Машерова, 11. Дом книги.

Адрес редакции: 220080, Минск, Университетский городок, тел. 220-65-42.

На русском и белорусском языках

Рэдактар *А.А. Сычоў*

Мастацкі рэдактар *Дз.Я. Дзвігін*

Тэхнічны рэдактар і карэктар *Г.І. Хмарун*

Набор і вёрстка выкананы ў рэдакцыі часопіса *Г.М. Добыш* і *Ю.І. Дзянісавым*

Падпісана да друку 28.07.99. Фармат 70x108 1/16. Папера афс. Друк афсет. Ум. друк
арк. 8,4. Ум. фарб.-адб. 8,92. Ул.-выд. арк. 9,87. Тыраж 450 экз. Заказ \$\$\$ Цана 100000р.

Надрукавана з гатовых дыяпазітываў заказчыка ў Выдавецкім цэнтры БДУ
220030, Мінск, вул. Чырвонаармейская, 6.

© Веснік БДУ, 1999

Нашы лаўрэаты

Універсітэцкай прэміяй імя У.І.Пічэты за 1998 г. адзначана навуковая і педагогічная дзейнасць доктара юрыдычных навук, прафесара кафедры крыміналістыкі Дулава Андрэя Васільевіча.

А.В.Дулаў – вядомы беларускі вучоны-юрыст (нарадзіўся 21.10.1924 г. у Санкт-Пецярбургу), доктар юрыдычных навук (1964), прафесар (1966). З 1944 г. працаваў следчым пракуратуры Ленінграда. Адначасова вучыўся ва Усесаюзным завочным юрыдычным інстытуце, які скончыў у 1949 г. У 1954–1958 гг. працаваў выкладчыкам Ленінградскага ўніверсітэта. З 1958 г. – у Белдзяржуніверсітэце. У 1966–1989 гг. – загадчык кафедры крыміналістыкі, з 1989 г. – выкладчык гэтай кафедры.

Даследуе праблемы тэорыі судовых доказаў і метадалогіі крыміналістыкі, судовай псіхалогіі, судовай экспертызы, навуковай арганізацыі дзейнасці следчых органаў. Адзін з аўтараў навуковага дапаможніка па крыміналістыцы (1996).

Найбольш вядомыя творы: Судебная псіхалогія. 2-е изд. Мн., 1975; Тактические операции при расследовании преступлений. Мн., 1979; Основы расследования преступлений, совершенных должностными лицами. Мн., 1985.

Трапануем праблемны артыкул лаўрэата.

А.В.ДУЛОВ

ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В современном обществе постоянно усложняется борьба с преступностью, которая становится все изощреннее, технически высоко оснащенной. Но самую большую опасность создает тенденция организованности преступной деятельности. В этих условиях возникает настоятельная необходимость улучшения организованности общества и деятельности правоохранительных органов, постоянного активного поиска новых путей, средств выявления и расследования преступлений. Значительная роль в этом процессе отводится криминалистике.

Традиционный путь разработки криминалистических проблем нуждается в координальном изменении. Криминалистика не может ограничиваться разработками рекомендаций для поиска и исследования отдельных объектов, орудий совершения преступлений, разработкой только тактики проведения отдельных следственных действий, как это продолжалось многие годы. В новых условиях нужна общая теория расследования. Только это позволит успешно вести борьбу с организованной преступностью. К достижению этой цели ведет сложный путь. Необходимо прежде всего концентрировать внимание на тех исходных позициях, которые нужны для формирования общей теории. В частности, следует уделить больше внимания разработке психологических проблем расследования, без чего нельзя понять содержания этой деятельности, а тем более дать рекомендации по ее организации.

Теорию расследования можно формировать только на прочном фундаменте общих научных основ криминалистики. Создание общей теории расследования в криминалистике, к сожалению, сдерживалось отсутствием четкого определения предмета этой науки.

Большим шагом вперед стало определение предмета криминалистики как изучение закономерности выявления, раскрытия, расследования преступлений (Р.С.Белкин). Однако и такое определение не позволило предметно обозначить основные направления исследований. Предмет науки целесообразно конкретизировать следующим образом: криминалистика изучает закономерности развития материальной системы преступления, процессов его отражения и на этой основе – закономерности деятельности по воссозданию модели преступления через все оставленные следы-отражения. Такое определение предмета науки предполагает необходимость установления взаимосвязей между системой преступления, формированием ее отражений, содержанием процессов расследования.

В юридической науке преступление изучается рядом отраслей: уголовным правом, криминологией, юридической психологией. Однако оказалось, что названные науки своими исследованиями охватывают только часть такого явления, как преступление. Как происходит сам процесс, какие закономерности, зависимости, связи здесь проявляются? Эти и многие другие, важные для борьбы с преступлениями, вопросы оставались вне пристального комплексного исследования. Не было общего теоретического подхода к изучению преступления, а отсюда и к выявлению этой специфической системы деятельности. А без этого невозможно разрабатывать теорию расследования преступлений.

Формулирование предмета науки привело к новым возможностям построения методологических основ криминалистики. Методология должна быть определена применительно к предмету, целям исследований. Поэтому недостаточно ограничиваться ссылками на общую методологию научных исследований, необходимо определить методологические основы именно криминалистики. При их разработке особое внимание было обращено на применение системного подхода к изучению ее предмета. Преступление, совокупности следов-отражений, деятельность по расследованию должны рассматриваться как своеобразные взаимодействующие системы, что позволяет изучать эти проблемы комплексно с учетом всех необходимых факторов, связей между ними.

В методологическую основу криминалистики входит также теория отражения, теория деятельности, что обеспечивает глубокое изучение системы преступлений, их отражения, содержания деятельности по расследованию.

Обращение к системному подходу создает возможности использовать целую систему новых для криминалистики методов: структурного, функционального, генезисного, коммуникативного анализа. Обоснованы пути использования этих методов для изучения деятельности по расследованию, системы преступления, его отражений.

Прежде всего, была разработана методика структурного анализа преступления, которая позволяет осуществлять изучение преступлений на трех уровнях.

Первый уровень: установление общих обязательных элементов структуры преступлений. Это субъект, совершающий преступление, объект посягаемости, орудие, средства совершения преступления, а также связи между этими элементами. Материальная структура преступления обеспечивает более предметное изучение и психологических связей между субъектом, жертвой, орудием.

На втором уровне исследуются особенности элементов структуры различных видов преступлений. Здесь конкретизируется объект, орудие, связи между объектом и субъектом, совершившим преступление.

На третьем уровне – в ходе практической деятельности – изучается структура конкретного преступления, углубленно исследуются все его связи и особенности каждого из основных элементов. Структурный анализ дополняется функциональным анализом каждого элемента (субъекта, жертвы, средства совершения преступления).

Особое внимание обращается на генезисный анализ преступления, исследование системы преступления через последовательно развивающиеся этапы. В качестве таких этапов определяется: а) совокупность дефектов в системе, где произошло преступление, б) целенаправленная подготовка к совершению преступления, в) механизм совершения преступления, г) преступный результат, д) сокрытие преступления, е) последствия совершения преступления. Каждый из перечисленных этапов имеет достаточно сложное содержание – свою материальную структуру, совокупность различных действий, функций, использование различных орудий. Так, подготовка может включать подбор орудий, соучастников, психологическую, физическую тренировку. Механизмы могут быть одноактными, длящимися, поэтапными, последовательного развития и т.д. В каждом виде преступления генезисный анализ выделяет множество особенностей, что и обеспечивает глубину и полноту познания преступления.

По каждому преступлению должен осуществляться и коммуникативный анализ – изучение связей преступления с другими системами. Существуют различные виды таких связей: паразитирование, эпизодическое, функциональное использование других систем, спонтанное взаимодействие с другими системами. Последовательное рассмотрение всех возможных видов связей позволяет выявить совокупность оставленных преступлением следов-отражений.

Системный анализ преступления обеспечивает существенное повышение качества расследования, четкую системность деятельности следователя, создает основу для разработки теории расследования преступлений. Подобному системному анализу были подвергнуты все разновидности следов-отражений от преступления (биологические, трасологические, технологические, документальные), а также содержание деятельности следователя.

Исследования привели к выводу о необходимости пересмотра существующей системы науки. Для разработки общей теории расследования следует выделить в системе науки "криминалистика" новый раздел – "криминалистическая стратегия". В содержание этого раздела должно включаться:

1. Криминалистическое исследование преступления. Кроме уже названных основ криминалистического анализа преступления, здесь следует изучать все способы противодействия преступников правоохранительным органам и способы предупреждения и ликвидации подобного противодействия. Раздел стратегии является обязательным для всех наук, изучающих процессы борьбы. Пора признать, что и расследование является сферой проявления противодействия преступников деятельности государства. Особенно убедительно это видно при изучении организованной преступности. Организованные сообщества располагают разведкой, специальным техническим оборудованием. Они подкупают должностных лиц, запугивают свидетелей, уничтожают документы. Этому необходимо противопоставить качественно новую научную организацию всех систем борьбы с преступлениями, включая расследование.

Изучение преступления должно сопровождаться и разработкой средств наиболее раннего их выявления, предупреждения самой возможности совершения преступлений. В связи с этим следует развивать самостоятельное направление стратегии "превентивной криминалистики", которая должна сконцентрировать все усилия на создании технических, технологических приемов, средств, предельно затрудняющих саму возможность совершения преступления; разрабатывать схемы организации деятельности, документооборота, препятствующие совершению преступления, обеспечивающие его немедленное выявление и раскрытие.

2. Проблемы организации расследования включают не только разработку рекомендаций по проведению отдельных следственных действий. Необходимы рекомендации по выработке стратегии мыслительной деятельности следователя. Здесь выявляется особенность в определении конечной и промежуточных целей, в анализе, синтезе, обобщении исследований, поиске фактов, связей между ними.

Исследования в юридической психологии не заменяют криминалистического изучения процессов формирования стратегического мышления, его механизмов, особых мыслительных операций (построения гипотез, выявления зависимостей и связей между фактами, явлениями, событиями, построения особых мыслительных моделей и т.д.).

Изучение процессов организации расследования требует и исследования всех форм контроля деятельности следователя, его взаимодействий с органами, призванными выявлять преступление, выполнять различные самостоятельные или вспомогательные функции в процессе расследования. Борьба с организованной преступностью выявила необходимость создания постоянных следственно-оперативных групп как элемента стратегии расследования, что также требует своего теоретического обоснования.

Значительное увеличение числа пользователей ЭВМ приводит к новым стратегическим подходам к процессам выявления, анализа, использования информации, ее перевода в доказательственные факты.

3. Криминалистическая стратегия включает в свое содержание и то, что в военной терминологии обозначается понятием "оперативное искусство". Следователь должен быть вооружен обширным набором самых разнообразных средств, которые в совокупности обеспечат установление истины, ликвидацию противодействия. Перечислим только некоторые направления этой части криминалистической стратегии:

а) *Применение системы методов воздействия на лицо, совершившее преступление.* Обвиняемый имеет право вообще не давать показания и закон запрещает принуждать его к этому. Но в интересах полноты установления истины (а часто и в интересах самого обвиняемого) следователь должен убедить его дать правдивые показания.

б) *Определение понятия и разновидностей основных моделей расследования.* В зависимости от первоначальной информации об особенностях вида преступления по конкретному уголовному делу могут быть избраны различные модели расследования. Так, при необходимости тщательного изучения системы, в которой произошло преступление, должна использоваться матричная модель расследования, которая предусматривает наиболее оптимальный путь сбора информации об этой системе (нормативное обеспечение, содержание документооборота, особенность системы управления, технологического процесса и т.д.). Самостоятельные сферы применения имеют системные, поисковые, индуктивные, дедуктивные модели. В борьбе с организованной преступностью особое значение приобретают модели изобличения, реализация которых требует взаимодействия между оперативными органами и следователем.

Для каждой разновидности моделей расследования используются соответствующие методы их реализации. Так, для реализации поисковой модели разработаны методы: выявления корреляционных зависимостей, использования теории вероятностей, построения геометрических фигур, психологического анализа и многие другие.

в) *Разработка понятия и разновидностей тактических операций.* Изучение большого числа уголовных дел приводит к выводу, что решение возникающих перед следователем задач в большинстве случаев достигается не проведением отдельного следственного действия, а всей их системой. В зависимости от вида решаемой задачи применяются различные операции: поисковые воздействия, тактический эксперимент и др. Связи с оперативной деятельностью приводят к целой системе стратегических операций разного уровня, где в качестве объекта изучения может выступать отдельная личность, хозяйственная, управленческая операция, наконец, крупный хозяйственный экономический конгломерат.

Даже такой краткий обзор содержания криминалистической стратегии убедительно свидетельствует, что развитие ее содержания призвано формировать, совершенствовать общую теорию расследования преступлений, в которой так нуждается практика борьбы с преступностью.

Імёны ў гісторыі ўніверсітэта

А.А.ЯНОЎСКИ, А.Г.ЗЕЛЬСКИ

НИКІФАР МІХАЙЛАВІЧ БЛАДЫКА

У пачатку чэрвеня 1937 г. з Наркамата асветы БССР у БДУ прыйшоў загад часова выконваючаму абавязкі рэктара І.С.Чымбургу здаць справы новапрызначанаму рэктару ўніверсітэта — Нікіфару Міхайлавічу Бладыку.

Нарадзіўся Нікіфар Міхайлавіч у 1899 г. у вёсцы Рамашка Аршанскага раёна ў заможнай сялянскай сям'і (яго дзед меў 33,5 дзесяціны зямлі, шэсць кароў, трох коней)¹. Як у многіх тагачасных беларусаў, сям'я Бладыкаў была вялікай: Нікіфар Міхайлавіч меў трох братоў і трох сясцёр. Ён быў сярэднім у сям'і і, як гэта было прынята, ужо падлеткам павінен быў шукаць самастойны шлях у жыцці. У 14 год ён выпраўляецца на заробкі. Працаваў землякопам, лесарубам, конюхам, рамізнікам, пекарам, рамонтным рабочым на чыгунцы. Відавочна, адукацыю ён меў толькі пачатковую.

Калі ў лістападзе 1917 г. падзеі кастрычніцкага перавароту дакаціліся да Оршы, Нікіфар Бладыка дабраахвотна ўступіў у Чырвоную гвардыю. Удзельнічаў у баях з кайзераўскімі войскамі, якія ў лютым—сакавіку 1918 г. занялі амаль ўсю Беларусь. З гэтага часу Нікіфар Бладыка — дабраахвотнік Чырвонай Арміі (тады ж ён уступіў у камуністычную партыю) — удзельнічаў у баявых аперацыях, быў разведчыкам, агентам па рэквізіцыі хлеба і жывёлы ў сёлах².

У маі 1922 г. Н.М. Бладыка быў дэмабілізаваны і накіраваны вучыцца на рабфак Горы-Горыцкага земляробчага інстытута. У час вучобы на рабфаку яго прызвалі ў часці асобага назначэння ("ЧОН") і прызначылі камандзірам узвода. Гэтыя часці падаўлялі шматлікія сялянскія антыбальшавіцкія мяцяжы, якія ўспыхвалі на ўсёй тэрыторыі Усходняй Беларусі.

Пасля заканчэння рабфака Н.М.Бладыка па пуцёўцы ЦК ВКП(б) быў накіраваны на вучобу ў Маскоўскую сельскагаспадарчую акадэмію імя К.А.Ціміразева, якую скончыў у 1929 г. Ужо на трэцім курсе студэнт Бладыка быў рэкамендаваны ў аспірантуру Усесаюзнага навукова-даследчага калгаснага інстытута Акадэміі сельскагаспадарчых навук імя У.І. Леніна, якую скончыў у 1933 г. і яму была прысвоена навуковае званне старшага навуковага супрацоўніка, затым працаваў выкладчыкам у Камуністычным ўніверсітэце народаў Захаду і, як успамінаў пазней сам, спадзяваўся працаваць там далей. Аднак лёс распарадзіўся інакш.

Якраз у гэты час у Маскву ад першага сакратара ЦК КП(б)Б М.Ф.Гікалы прыйшоў запыт аб накіраванні на навуковую і выкладчыцкую працу ў Беларусь выпускнікоў аспірантуры. У адпаведны спіс навукоўцаў быў уключаны і Н.М.Бладыка³.

Па прыездзе на Беларусь ён пачаў працаваць у Вышэйшай Камуністычнай сельскагаспадарчай школе Беларусі ў якасці дацэнта⁴. Нікіфар Міхайлавіч разумее неабходнасць пацвердзіць навуковае званне навуковай

ступенню: 1 кастрычніка 1934 г. праз ЦК КП(б)Б ён паступіў у аспірантуру Інстытута эканомікі АН, каб падрыхтаваць і абараніць кандыдацкую дысертацыю.

У 1935 г. Н.М. Бладыка быў прызначаны сакратаром партарганізацыі гэтага інстытута. У той час гэтая пасада азначала не проста ўдзел у розных партыйных сходах, рознага кшталту праверках, але і ўдзел у кіраўніцтве інстытутам, у выкрыцці “шкоднікаў”, разглядзе асабістых спраў супрацоўнікаў інстытута і г.д. Тут праявілася такая рыса характару 36-гадовага сакратара, як аб’ектыўнасць. Ён не браў пад увагу ні паклёпы, ні даносы, стараўся адстойваць чалавека да канца. Тую ж лінію ён працягваў і на пасадзе сакратара партыйнай арганізацыі БелАН, на якую быў вылучаны з адабрэння першага сакратара ЦК КП(б)Б М.Ф.Гікалы. Ва ўмовах уздыму хвалі рэпрэсій Н.М. Бладыка імкнуўся не тое, каб спыніць (гэта, натуральна, ён быў зрабіць не ў стане), але хоць крыху прыцішыць яе гул у сценах Акадэміі навук. Сумленны чалавек, ён адваргаў паклёпы, якія сцякаліся да яго ў заявах (ці, прама скажам, у даносах) на супрацоўнікаў акадэміі Я.Г.Ракава (дырэктар Інстытута эканомікі), П.Я. Панкевіча (нязменны сакратар акадэміі), В.К. Шчарбакова (віцэ-прэзідэнт БелАН), М.А.Дарожкіна (дырэктар Інстытута біялогіі), У.Л.Бурстына (дырэктар фізіка-тэхнічнага Інстытута) і іншых.

Так, у верасні 1936 г. на сходзе партгрупы Інстытута глебазнаўства Н.М. Бладыка спыніў выступленні, скіраваныя супраць дырэктара гэтага Інстытута акадэміка Я.М.Афанасьева і супрацоўніка Р.І.Пратасені, заявіўшы, што гэтыя навукоўцы з’яўляюцца людзьмі сумленнымі і правэранымі і ён не дазволіць узводзіць на іх паклёпы, а хто так будзе рабіць, то ён рызыкуе страціць партыйны білет⁶.

Праз некалькі гадоў такая прынцыповая пазіцыя партсакратара была расцэнена як “пакрываўне ворагаў народа ...вылучэнне ворагаў народа на адказныя пасады і г.д.”⁷

Але гэта будзе пасля. А пакуль Нікіфар Міхайлавіч працаваў. У яго склаліся прыезныя адносіны з тагачасным кіраўніцтвам БелАН, у прыватнасці з прэзідэнтам акадэміі І.З.Суртой. Той неаднаразова настойваў на тым, каб Н.М.Бладыка працягваў працу ў акадэміі, характызаваў яго “як маладога цудоўнага работніка, які падае вялікія надзеі”⁸. У якасці сакратара парткама Н.М.Бладыка ўздзельнічаў у пасяджэннях конкурснай камісіі, якая разглядала і дала рэкамендацыі навуковым працам супрацоўнікаў акадэміі. Напрыклад, праз камісію прайшлі “Нарысы па гісторыі Беларусі” В.К.Шчарбакова, “Ітогі семілетняга изучения по порошистой парше картофеля” М.А.Дарожкіна, “Очерки истории патриархально-родового общества на территории Белоруссии” А.М. Ляўданскага і іншыя. У хуткім часе гэтыя працы будуць вызначаны як шкодніцкія і канфіскаваны органамі НКВД⁹.

Па рэкамендацыі І.З.Сурты 2 студзеня 1937 г. Н.М.Бладыка быў прызначаны выконваючым абавязкі нязменнага сакратара БелАН і ўвайшоў у склад Прэзідыума Акадэміі навук Беларусі. Хутка пасля гэтага ён становіцца старшынёй Савета па вывучэнню вытворчых сіл БССР (“СОПС”). Хаця Н.М. Бладыка не меў неабходнай навуковай кваліфікацыі, каб займаць гэтыя пасады, але калі ўлічыць, што гэтыя вакантныя месцы ствараліся вельмі хутка і не было ўжо каго на іх прызначыць (так, папярэднік Н.М.Бладыкі Б.М.Шпенцар быў зняты, выключаны з партыі, пасля арыштаваны і расстраляны), то ўсе становіцца зразумелым.

Вясной 1937 г. па рэкамендацыі загадчыка аддзела ЦК КП(б)Б І.Задзернюка і наркама асветы БССР А.І.Дз’якава Н.М.Бладыку было прапанавана ўзначаліць Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт. Ці адпавядаў Н.М.Бладыка гэтай пасадзе? Сам Нікіфар Міхайлавіч пасля пісаў, што “ён не даваў згоды ісці на гэтую работу, таму што па спецыяльнасці займаўся агра-наміей, а ва ўніверсітэце па гэтаму профілю работы не было”. Акрамя гэтага, у той час ён працягваў працаваць над кандыдацкай дысертацыяй і разумеў, што ва ўніверсітэце не здолее гэтага рабіць.

Тым не менш рашэннем ЦК КП(б)Б у чэрвені 1937 г. ён быў прызначаны рэктарам БДУ. Магчыма, вышэйшае кіраўніцтва лічыла, што для гэтай працы дастаткова будзе партыйнага і адміністрацыйнага вопыту Н.М. Бладыкі. Афіцыйны загад быў падпісаны 3 ліпеня 1937 г.¹⁰

Для Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта гэта быў найскладанейшы час. Пасля прызначэння ў красавіку 1936 г. рэктара А.І.Дз'якова наркамам асветы БССР кіраўніцтва ўніверсітэтам ажыццяўлялі асобы, выконваючы абавязкі рэктара: А.С.Кучынскі (з красавіка па верасень 1936 г.), М.Лоцманаў — намеснік рэктара па адміністрацыйна-гаспадарчай і фінансавай частцы (з кастрычніка 1936 па красавік 1937 г.), прафесар М.Ф.Ярмоленка (са студзеня па чэрвень 1937 г. — разам з М.Лоцманавым), І.С.Чымбург — дэкан гістфака (чэрвень 1937 г.)¹¹.

Натуральна, што такое становішча не спрыяла нармальнай працы ўніверсітэта. Нагадваць жа атмасферу ўзаемаадносін у калектыве (як і ў грамадстве) непрыемна і балюча. Што гаварыць, калі тых жа Дз'якова, а затым Кучынскага пад час іх кіраўніцтва БДУ адкрыта называлі “национал-фашистской сволочью”, “бандой шпiонов”, “троцкістскімі выродкамі” і г.д. А кіраванне БДУ адначасова двума в.а. рэктара (Ярмоленка і Лоцманаў) зусім пераўтварыла ўніверсітэт у пасмешышча¹². Між тым гэта быў, нягледзячы на ўсе напярэднія “чысткі”, па-ранейшаму буйны навучальны і навуковы цэнтр. Па штатнаму фармуляру на 1937/1938 вучэбны год у БДУ было 20 прафесараў і 44 дацэнты (з іх 8 дактароў і 35 кандыдатаў навук), 1087 студэнтаў, 48 аспірантаў, каля 30 кафедраў, 13 лабараторый, 10 кабінетаў¹³.

Ва ўніверсітэце не хапала кваліфікаваных выкладчыкаў. Адсутнасць спецыялістаў асабліва адбівалася на працы гістарычнага і геолога-геаграфічнага факультэтаў (з-за недахопу кадраў былі закрыты аддзяленні геалогіі і глебазнаўства)¹⁴. А ўсё таму, што адказныя работнікі вышуквалі тут “нацдэмаў”, “трацкісцкае ахвосце”, “распаўсюджвальнікаў контррэвалюцыйных анекдотаў” і г.д.¹⁵ І ў гэтай атмасферы падазронасці і ўзаемнага недаверу ўніверсітэт працягваў працу. У студзені—лютым 1937 г. было скончана будаўніцтва новага інтэрната па вул. Маскоўскай на 56 пакояў. На фізмаце былі ўведзены новыя спецыяльнасці: праектыўная геаметрыя, агульны і спецыяльны курс аналітычных функцый, прыкладны аналіз, спецыяльны курс вышэйшай алгебры. На пяці факультэтах БДУ вучылася 925 студэнтаў.

Новапрызначаны рэктар сутыкнуўся з вялікімі праблемамі, але часу вырашаць іх яму не было дадзена — на гэтай пасадзе Н.М.Бладыка знаходзіўся крыху больш за пяць месяцаў. Не ўдавалася вырашыць праблему забеспячэння кадрамі. Дамоўленасці з навукоўцамі ВДУ Ленінграда і Масквы не выконваліся: яны, за рэдкім выключэннем, не жадалі ехаць у Мінск. Таму ў пачатку новага навучальнага года на географічным факультэце не было ніводнага навукоўца са званнем прафесара. Дэкан геофака А.Н.Андрушчанка вымушаны быў сам чытаць розныя курсы, не з'яўляючыся спецыялістам¹⁶. Тое ж назіралася на гістфаку, фізмаце.

Былі зроблены спробы вырашыць жыллёвую праблему студэнтаў. Спецыяльная камісія Мінскага гарсавета перадала дом у Антонаве для інтэрната БГУ. Аднак сродкаў на яго рамонт выдзелена не было, таму студэнты вымушаны былі жыць без электрычнасці і вады. Шмат хто не вытрымліваў і кідаў учобу. Ва ўмовах недахопу інтэрнацкага жылля Н.М.Бладыка паспрабаваў рабіць упор на завочнае навучанне. Завочны сектар быў павялічаны з 720 да 1000 студэнтаў¹⁷. Адначасова рэктар загадаў заняць пад жыллё для студэнтаў усе грамадскія пакоі, у тым ліку і так званыя “ленінскія куткі”¹⁸. Праблема была вырашана, але такі крок рэктара ў тых палітычных умовах ды яшчэ напярэдадні дэманстрацыі адной з праяў шырока разрэкламаванай “сталінскай дэмакратыі” — выбараў у Вярхоўны Савет СССР — мог быць расцэнены адпаведнымі структурамі як “шкодніцтва”.

У жніўні ад двух супрацоўнікаў АН БССР (у будучым вядомых навукоўцаў) паступілі заявы-даносы у бюро ЦК КП(б)Б і ў парткам Акадэміі

навук, у якіх Н.М. Бладыка абвінавачваўся ў сяброўстве з “ворагамі народа” і пакрыцці іх, у шкодніцтве, падаўленні крытыкі і самакрытыкі і г.д.¹⁹

Аднак на закрытым сходзе партарганізацыі АН БССР 10 кастрычніка 1937 г. Н.М. Бладыка здолеў апраўдацца, абышоўшыся “строгай вымовай з занясеннем у асабістую справу ... за страту бальшавісцкай пільнасці...”²⁰

У гэты час універсітэт рыхтаваўся да “выбараў” у Вярхоўны Савет ССРС і святкавання 20-годдзя Кастрычніцкай рэвалюцыі. На агульным выбарчым сходзе 2 кастрычніка 1937 г. ад студэнтаў, навуковых работнікаў і тэхнічнага персаналу кандыдатам у дэпутаты ў Вярхоўны Савет па Мінскай гарадской выбарчай акрузе быў вылучаны К.Е.Варашылаў. Газета універсітэта “За ленінскія кадры” поўнілася слаvasлоўямі і панегерыкамі ў гонар “стальнога наркама”²¹. Упершыню надзвычай пышна адзначалася свята Кастрычніцкай рэвалюцыі; 5 лістапада адбыўся ўрачысты вечар з канцэртамі, у якім удзельнічалі студэнцкія самадзейныя гурткі – тэатральны, харавы. На дэманстрацыі калона універсітэта ўвасабляла сабою “Сталінскую Канстытуцыю ў дзеянні”²².

На ўрачыстым сходзе адзначаліся поспехі БДУ за 16 год яго існавання: створаны 5 самастойных інстытутаў, падрыхтаваны 2,5 тыс. высокаадукаваных спецыялістаў, адкрыты новыя факультэты, створана вялікая бібліятэка ў дзесяткі тысяч тамоў. Падкрэслівалася, што бюджэт універсітэта складае больш 4,5 млн рублёў, з іх штогод больш за мільён выдаткоўваецца на стыпендыі студэнтам²³. Разам з гэтым не былі забыты і “ворагі народа, агенты фашызма, трацкісты, бухарынцы, нацдэмы... якія арганізавалі ў сценах універсітэта фашысцкае гняздо, прыкладалі ўсе намаганні, каб разваліць работу універсітэта”²⁴.

Тут не можа не скласціся ўражанне, што ўжо шмат хто ведаў пра небяспеку, якая пагражала рэктару, і нават пасільна садзейнічаў гэтаму. Так, нехта І.В. надрукаваў у газеце “За ленінскія кадры” артыкул пад шматзначнай назвай “На старых пазіцыях”, у якім абвінаваціў кіраўніцтва універсітэта, і у прыватнасці рэктара Н.М. Бладыку, у адсутнасці пільнасці, нежаданні ліквідоўваць “вынікі шкодніцтва”, якія нанеслі універсітэту “фашысцкія шпіёны... і нацфашысцкія бандыты”. Так, невядомы аўтар адзначаў, што “т.т. Бладыка і Чымбург не выкарысталі ўсіх магчымасцей для забеспячэння універсітэта выкладчыцкімі кадрамі, у выніку чаго зрываюцца акадэмічныя планы. На геафаку па асноўных дысцыплінах зусім адсутнічаюць выкладчыкі... Гістарычны факультэт таксама не забяспечаны выкладчыцкім саставам. Лекцыі чытаюцца выпадковымі людзьмі... Не прымаюцца меры па арганізацыі практыкі, якая з года ў год зрываецца... Ва універсітэце працягваецца лінія замяшчэння адказных пасадаў людзьмі без праверкі іх палітычных і дзелавых якасцей”²⁵.

У 1937 г. аддзел Вышэйшай школы НКА БССР наладзіў праверку фізмата БДУ, якая доўжылася з 17 па 26 лістапада. Інспекцыя выявіла дрэннае становішча з кадрамі на фізмаце: адзін прафесар і дзесяць дацэнтаў, з якіх тры толькі што скончылі аспірантуру. Недахоп плошчаў для лабараторый і кабінетаў, састарэласць прыбораў і апаратуры, спыненне дзейнасці навуковых гурткоў, дрэнная паспяховасць студэнтаў, іх масавыя прагулы, недахоп месцаў на фабрыцы-кухні – вось такі далёка не поўны пералік прэтэнзій, прад’яўленых дэканату фізмата і непасрэдна рэктару. Усе яны былі, магчыма, і справядлівымі, але ці мог Н.М.Бладыка за некалькі месяцаў пабудаваць новыя памяшканні, новую фабрыку-кухню і г.д.? Як рэктар мог вырашыць пытанне з выкладчыцкімі кадрамі, калі людзі адзін за адным знікалі з універсітэта? Тым больш, што другім напрамкам дзейнасці інспекцыі быў збор кампрамата на выкладчыкаў. У справаздачы падкрэслівалася, што “прафесарска-выкладчыцкі састаў на фізмаце засмечаны варожымі элементамі”. Падрабязна пералічвалася, хто сябраваў з “ворагамі народа”, якія вёў размовы. Навукоўцам даваліся адпаведныя характарыстыкі, накітвалі: “не мае ніякай цэннасці як навуковы работнік”. У заключэнне прама

ўказвалася, што праца рэктара універсітэта Бладыкі мяжуе са шкодніцтвам²⁶.

У выніку загадам Народнага камісарыята асветы БССР 19 снежня 1937 г. рэктара БДУ Н.М.Бладыку знялі з пасады, "абвінаваціўшы ў тым, што ён" не справіўся з работай па выкарчоўванню і ліквідацыі наступстваў шкодніцтва". У хуткім часе гэтай "работай" заняўся прарэктар па адміністрацыйна-гаспадарчай рабоце (былы афіцэр НКУС) М.А.Ліхтарнікаў, якога ў ліпені 1938 г. прызначылі часова выконваючым абавязкі рэктара БДУ. У снежні 1937—студзені 1938 г. дакументы ўжо называюць рэктарам дэкана геафака Ануфрыя Несцеравіча Андрушчанку, які зноў жа не "прыняў мер да ліквідацыі ворагаў народа". Затым на кіраўніцтва БДУ быў спушчаны "зверху" дацэнт, кандыдат хімічных навук Уладзімір Сцяпанавіч Бабраўніцкі²⁷. Гэтая "чахарда" скончылася толькі пасля прызначэння рэктарам Парфёна Пятровіча Савіцкага²⁸.

Магчыма, звальненне выратавала Н.М.Бладыку ад хуткага арышту. У лютым 1938 г. ЦК ВКП(б) накіраваў яго на працу па спецыяльнасці ў г. Горкі (Ніжні Ноўгарад), у сельскагаспадарчы інстытут. Там ён працаваў загадчыкам кафедры "Арганізацыя сацыялістычнай сельскай гаспадаркі". Але ўжо 17 чэрвеня 1938 г. Н.М.Бладыка быў арыштаваны як удзельнік "контррэвалюцыйнай нацыянал-фашысцкай арганізацыі ў Акадэміі навук БССР". Па тым жа абвінавачванні была арыштавана і яго жонка З.І.Бладыка. На допыце (зразумела, з катаваннем) 13 ліпеня Н.М.Бладыку вымусілі прызнаць, што ён з'яўляецца ўдзельнікам "контррэвалюцыйнай нацфашысцкай арганізацыі", існаваўшай у Акадэміі навук БССР, куды быў "завербаваны ў 1936 г. акадэмікам В.К.Шчарбаковым, па заданню якой праводзіў актыўную шкодніцкую і шпіёнскую (на карысць Польшчы) дзейнасць". "Выбілі" з яго і прозвішчы "удзельнікаў" гэтай "арганізацыі"²⁹. На наступных допытах знявечаны чалавек падпісаўся пад тым, што "мэтай арганізацыі было адарванне БССР ад СССР і перадача Беларусі пад пратэктарат Польшчы". Аднак 20 лістапада Нікіфар Міхайлавіч адмовіўся ад ранейшых паказанняў, заявіўшы, што ён пад сілай фізічнага ўздзеяння з боку следчага агаварыў сябе і іншых асоб³⁰. З гэтага моманту Н.М.Бладыка цвёрда стаяў на сваім, адваргаючы ўсякую прыналежнасць да якіх-небудзь арганізацый. Так было і на наступных допытах. Н.М.Бладыка казаў, што з 7 па 13 ліпеня 1938 г. следчы біў яго штодня, таму ён і даў ілжывыя сведчання. Памылкі ў рабоце прызнаваў, сябе не шкадаваў, але поўнасцю адмаўляў свой удзел у контррэвалюцыйнай арганізацыі.

Чаму ж так адбылося? Можна, справа ў тым, што якраз у гэты час праходзіла грандыёзная "чыстка" апарата НКУС. Былі арыштаваны наркам НКУС СССР М.І.Яжоў, наркамы НКУС БССР Б.Д.Берман і змяніўшы яго А.А.Наседкін³¹.

Справа Н.М.Бладыкі зацягвалася. Яе перадавалі ад аднаго следчага да іншага. Для іх справа ўскладнялася і тым, што асобы, якія фігуравалі ў справе, былі альбо асуджаны да лагераў ці расстраляны, альбо адмовіліся ад сваіх ранейшых паказанняў.

У заключэнні па справе Н.М.Бладыкі ўказвалася, што сведкі, якія "выкрывалі Бладыку ў контррэвалюцыйнай рабоце, ад паказанняў адмовіліся, шкодніцкая дзейнасць даказана недастаткова"²². Тым не менш Асобай нарадай пры Народным камісары Унутраных спраў СССР Н.М.Бладыка "за ўдзел у контррэвалюцыйнай нацыяналістычнай арганізацыі і шкодніцтва" быў асуджаны на 8 год лагераў³³. Не было нават камедыі суда. Зрэшты, у параўнанні з іншымі Нікіфару Міхайлавічу яшчэ "пашанцавала".

З Мінскай турмы Н.М.Бладыка быў накіраваны на Калыму ў рэжымны лагер прыіска Джэлгала. Потым працаваў цесляром на будаўніцтве Аркагалінскай электрастанцыі. Скаргі, якія ён пісаў на імя Сталіна і Калініна, заставаліся без адказу³⁴.

Пасля вызвалення ў кастрычніку 1946 г. Міністэрствам жывёлагадоўлі СССР Н.М. Бладыка быў накіраваны на працу ў Астраханскі трэст жы-

вёлагадоўчых саўгасаў, дзе ў той час знаходзілася яго жонка з 12-гадовым сынам. Там ён працаваў старшым аграномам, аграномам-інструктарам, начальнікам аддзела збожжа Астраханскага абласнога ўпраўлення сельскай гаспадаркі, а з верасня 1953 г. – галоўным аграномам Сасыкольскай МТС Астраханскай вобласці³⁵.

Восенню 1954 г. Н.М. Бладыка напісаў вялікі ліст на імя першага сакратара ЦК КПСС Н.С.Хрушчова, дзе падрабязна выклаў усё, што з ім адбылося, і прасіў разабрацца ў яго справе: устанавіць праўду³⁶.

Узбуджанае следства па справе Н.М.Бладыкі высветліла цэлы шэраг грубых парушэнняў законнасці – ад збіцця арыштаваных да падчыстак і падробак подпісаў³⁷. У ходзе праверкі было ўстаноўлена, што Н.М.Бладыка быў асуджаны неабаснавана. 2 ліпеня 1955 г. Ваенная Калегія Вярхоўнага Суда СССР адмяніла прысуд і справу спынілі за адсутнасцю складу злачынства.

Далейшы лёс пятага рэктара БДУ нам невядомы.

¹ Архіў КДБ РБ. Спр.5861-С, арк.14.

² Там жа. Арк.329.

³ Там жа. Арк.330.

⁴ Там жа.Арк.39, 330.

⁵ Там жа. Арк.42, 127, 263.

⁶ Там жа. Арк.265.

⁷ Там жа. Арк.266.

⁸ Там жа. Арк.213.

⁹ Там жа. Арк.268.

¹⁰ НА РБ. Ф.205. Воп.1, адз.зах.694, арк.114.

¹¹ Архіў Музея гісторыі БДУ.

¹² Звязда. 1937. 3 ліпеня; НА РБ. Ф.205, воп.1, адз.зах.687, арк.86.

¹³ НА РБ. Ф.205, адз.зах.698, арк.24,адз.зах.704,арк.57.

¹⁴ Гісторыя не ў пашане на гістфаку //За ленінскія кадры. 1937. 1 студзеня; Дэканат гістфаку не выканаў пастановы ЦК і СНК аб ВНУ //За ленінскія кадры. 1937. 1 мая.

¹⁵ Дучыцкая Я., Качынскі. Вышэй рэвалюцыйную пільнасць //За ленінскія кадры. 1937. 19 сакавіка; Справаздачна-выбарчы сход партарганізацыі БДУ //За ленінскія кадры. 1937. 19 красавіка.

¹⁶ Забяспечыць кадрамі геафак // За ленінскія кадры. 1937. 27 верасня.

¹⁷ Архіў КДБ РБ, Спр.5861-С, арк. 224.

¹⁸ Звярнуць увагу на завочны сектар// За ленінскія кадры. 1937. 27 верасня.

¹⁹ Архіў КДБ РБ. Спр.5861-С, арк.278–287.

²⁰ Там жа. Арк.274–277.

²¹ За ленінскія кадры. 1937. 26 кастрычніка.

²² Там жа. 22 кастрычніка.

²³ XX год Кастрычніка // За ленінскія кадры. 1937. 7 лістапада.

²⁴ Там жа.

²⁵ І.В. На старых пазіцыях // За ленінскія кадры. 1937. 22 кастрычніка.

²⁶ Архіў КДБ РБ. Спр.5861-С, арк.246.

²⁷ Там жа. Арк 261; НА РБ. Ф.205, воп.1, адз.зах.706, арк.73; Звязда. 1938. 6 студзеня.

²⁸ НА РБ. Ф.205, воп.1, адз.зах.706, арк.132.

²⁹ Архіў КДБ РБ. Спр.5861-С, арк.29–38, 39–50.

³⁰ Там жа. Арк. 63–70.

³¹ Кулеш А.Р., Пименов Л.В., Валаханович И.А. Руководители органов государственной безопасности Беларуси. Мн., 1997. С.25,27.

³² Архіў КДБ РБ. Спр.5861-С,арк.317–318.

³³ Там жа. Арк.332.

³⁴ Там жа. Арк.326,331.

³⁵ Там жа. Арк.331.

³⁶ Там жа. Арк.324–332.

³⁷ Там жа. Арк.428–429, 416, 402–406.

А.А.ПРОХАРАЎ

АБ МІФАЛАГІЧНЫМ ПАДМУРКУ ДЫНАСТЫЧНЫХ ПАДАННЯЎ ПЕРШЫХ СЛАВЯНСКІХ ЛЕТАПІСАЎ

Не ацэненай у поўнай меры крыніцай дзеля рэканструкцыі славянскага язычніцтва і духоўнай культуры дахрысціянскага перыяду, на наш погляд, з'яўляюцца паданні і міфы, якія трапілі ў першыя славянскія летапісы. У дадзеным артыкуле мы разгледзім генеалагічныя паданні славянскіх дынастыяў, звязаныя з язычніцкімі ўяўленнямі аб кульце каня, які вучоныя часцяком лічаць адной з галоўных і вельмі распаўсюджаных рыс агульнаіндаеўрапейскіх рэлігійных уяўленняў. Культ каня дастаткова добра вывучаны ў розных індаеўрапейскіх народаў, асабліва ў індаіранцаў. На жаль, менавіта ў славянскіх народаў даследчыкі часцей вызначаюць толькі яго існаванне, але не яго канкрэтныя рысы.

Вялікую ролю у жыцці язычніцкіх славян адыгрывалі абрады варажбы. Сярэдневяковыя візантыйскія і нямецкія храністы адзначаюць, што славяне не пачыналі ніводнай справы, пакуль не будзе праведзена варажба [напрыклад, Пракоп Кесарыйскі III, 14: Цітмар Мерзебургскі VI, 24–25; Гельмольд I, 36,52: II, 12]. Генрых Латвійскі сведчыць, што і ў балцкіх плямён варажба самым значным чынам уплывала на прыняцце хрысціянства¹.

Конь часцяком удзельнічаў у варажбе. Цітмар Мерзебургскі апісвае рытуал варажбы ў храме Сварожыча ў Радзігошчы [VI, 24]: "Дзеля руплівай аховы гэтай святыні жыхарамі пастаўлены спецыяльныя святары. З таямнічым мармытаннем яны пачынаюць шалёна раскопваць зямлю, каб па жэрабям даведацца аб зыходзе сумніўнага прадпрыемства. Скончыўшы з гэтым, яны прыкрываюць жэрабі зялёным дзёрнам і з малітваю вядуць каня, якога шануюць як свяшчэннага, праз воткнутыя ў зямлю крыж-накрыж дзіды, і гэтак варажбаю пры дапамозе свяшчэннага каня яны шукаюць пацвярджэння кінутым жэрабям, па якім яны спярша нешта ўжо вызначылі". Калі вынікі супадаюць, тады пачынаюць здзейсніць задуманае, у іншым выпадку "народ з сумаю адмаўляецца ад задуманага прадпрыемства".

Саксон Граматык паведамляе, што аб станоўчым ці адмоўным выніку варажбы вырашалі па таму, якою нагою конь пераступаў дзіды².

Падобны ж свяшчэнны конь утрымліваўся і ў храме Святавіта ў Арконе.ездзіць на ім мог толькі святар, і тое зрэдку. Калі раніцаю конь Святавіта быў у пене, лічылася, што сам бог уначы ездзіў на ім. Аднымі з галоўных і найбольш шанаваных атрыбутаў Святавіта былі аброць і сядло³.

Этнаграфічныя апісанні XIX–XX стст. фіксуюць мноства абрадаў варажбы ў славян, у якіх удзельнічаў конь. Так у некаторых абласцях Расіі варажылі, паклаўшы аглоблю каля ўваходу ў канюшню, а пасля выводзілі каня. Па таму, якой нагою ён пераступаў праз аглоблю, рабілі вывад аб станоўчым ці адмоўным прадказанні⁴. Варажбу на шлюб рабілі наступным чынам: дзяўчыну саджалі на каня, у якога былі завязаны вочы. Па таму, у які бок ён накіроўваўся, рабілі вывады⁵.

Бліжэйшыя паралелі такіх абрадаў, нават у рытуальных нюансах, адзначаюцца ў балтаў па звестках Генрыха Латвійскага [1, 10].

Усе індаеўрапейскія міфалагічныя сістэмы рэпрэзентуюць як галоўную сакралізаваную ролю каня — яго паспяховы ўдзел у скачках. У выніку перамогі ў іх уладар каня атрымліваў уладу, як напрыклад, у грэчаскім міфе аб Пелопсе і ў традыцыі Алімпійскіх гульняў; у спабарніцтве цара Хаосраваха ў "Авесце"⁶, у абрадавых скачках індыйскіх уладароў⁷.

Славянскія быліны таксама ведаюць сюжэт аб конскай скачцы⁸. Скачкі выкарыстоўваліся ў славян як сродак варажбы. Лепей за ўсё звычай абрадавай скачкі захаваўся ў Балгарыі, дзе ў канцы лютага святкуюць Тодараў дзень, які яшчэ называюць "конскаю пасхай" (Тодар – апякун коней). Звычайна гонкі адбываюцца на драбінах ад месца святкавання да вёскі. Лічыцца, што конь пераможцы і сам пераможца набываюць шчасце і дабрабыт на наступны год. Пераможца, аб'ехаўшы вёску і атрымаўшы падарункі, накіроўваецца з сябрамі ў карчму⁹.

Існуюць некаторыя сціплыя даныя аб абрадавых скачках, якія адбываліся 18 жніўня ў дзень Флора і Лаўра (апекуны коней) у Валагодскай, Кастрамскай, Наўгародскай губернях¹⁰.

На нашу думку, дзеля вырашэння гэтага пытання патрэбна больш уважліва паглядзець на масленіцу з яе абавязковай яздою на санях. На Беларусі масленіца супадала з "конскім святам"¹¹.

Б.А.Рыбакоў даводзіў, што конскія скачкі былі часткай пахавальных абрадаў "трызны" ў славян¹². Мабыць, больш глыбока зразумець сутнасць гэтага звычайу дапамагае апісанне Вульфстанам пахавальнага абраду прусаў: пераможца і ўдзельнікі ў скачках падчас пахавання атрымоўвалі спадчыну памерлага¹³. Гэты звычай таксама звязваўся з варажбаю.

Такім чынам, конь у славян-язычнікаў часцяком выкарыстоўваўся ў абрадах варажбы і адыгрываў у іх вядучую ролю. Па паводзінах коней рабілі вывады аб волі багоў. Конь выступаў у іх як жывёла багоў, вястун іх волі, медыятар паміж людзьмі і багамі.

Таякая роля свяшчэнных коней у абрадах поўнаасцю супадае з выкарыстаннем іх вобразаў у славянскай міфалогіі. Першыя летапісы славян падаюць некалькі міфалагізаваных паданняў аб першых князях. Конь у гэтых паданнях з'яўляецца значнай постаццю.

Нягледзячы на тое, што аўтары летапісаў ужо былі хрысціянамі і з гардаю і асуджаннем адносіліся да язычнікаў, але ж, складаючы звязную гісторыю свайго народа, і асабліва пануючай дынастыі, яны вымушаны былі шукаць вытокі гэтай гісторыі ў старажытных міфах. Асаблівая ўвага ў гэтых выкладках надавалася мясцовай, дахрысціянскай традыцыі, таму што менавіта яна абгрунтавала атрыманне ўлады папярэднікамі сучасных ім князёў. Але ж гэта абгрунтаванне ішло праз прызму язычніцкіх уяўленняў.

Казьма Пражскі запісаў апавяданне аб паходжанні княскай улады ў чэхаў [1, 4–7]. Настаў час, калі чэхі болей не жадалі, каб іх племенем кіравалі святаркі-прарочыцы Лібуша і яе сёстры. Чэхі патрабуюць, каб племя ўзначаліў мужчына. Але новы князь не выбіраецца агульным галасаваннем, як гэта раней было з самой Лібушаю. Справу павінны вырашыць самі сёстры-прарочыцы. На першы погляд, перад намі парадокс – рашэнне аб выбранні прымаюць тыя ж асобы, супраць улады якіх выступілі чэхі. Ды і новы князь адразу павінен зрабіцца мужам Лібушы. Міф падкрэслівае, што выбранне адбываецца шляхам варажбы, якую праводзяць прарочыцы. Казьма падкрэслівае, што нарада сёстраў праходзіла ў поўнай тайне і што выбранне князя адбылося з дапамогаю іх "цудадзейнага мастацтва".

Але пасланцы чэхаў не разумеюць, дзе шукаць новага князя, нягледзячы на тое, што месца ўжо ім было названа прарочыцамі. Тады Лібуша загадвае ім ісці за сваім канём, які вязе сімвалы ўлады – жазло і вопратку. Менавіта конь і ўказвае чэхам на Пржэмысла. Славянскі летапісец-хрысціянін у адпаведнасці з канонамі славянскага язычніцтва параўноўвае новага князя з сонцам – "у раніцу сонечнае святло здалося ўсім больш яркім".

Аўтар "Польскай хронікі" Вінцэнт Кадлубак спрабаваў вывесці гісторыю Польшчы з антычных часоў. Дзеля гэтага ён быў павінен зрабіць міфічную генеалогію польскіх каралёў, выкарыстаць вялікую колькасць мясцовых кракаўскіх паданняў, а часам і апавяданні антычных аўтараў.

Адным з міфічных персанажаў у Кадлубка з'яўляецца Лешак II [1, 13]. Пасля смерці Лешака I не засталася спадчынніка і пачалася барацьба паміж рознымі групамі. Было вырашана аздаць выбар князя ў рукі звычайных людзей. "Выбралі поле для скачкі, паставілі [у мэты] стоўб і чый конь першы прыйдзе да мэты, таго і трэба абвясціць каралём". Скачка была прызначана на наступны дзень.

Далей ідзе вядомае антычнае апавяданне аб хітрыках некалькіх удзельнікаў. Перамогу ж атрымаў малады чалавек нізкага сацыяльнага стану.

Структура летапісных міфаў аб Пржэмысле і Лешаку II у шматлікіх момантах вельмі падобная. Абодва князі з'яўляюцца заснавальнікамі новых дынастый. Абодва першапачаткова прадстаўнікі ніжэйшых сацыяльных слаёў і бяруць у палац сялянскія лапці ці вопратку, каб яны нагадвалі ім аб паходжанні. Чэшскія летапісцы сведчаць, што яшчэ ў XII ст. у Вышэградзе паказвалі лапці Пржэмысла. Аб'ядноўвае абодва міфы і вырашэнне пытання аб уладзе ў прысутнасці ўсяго народа. I, безумоўна, галоўную ролю ў абрадзе адыгрывае конь, які ўказвае на новага князя.

Не меней значную ролю выканаўцы волі багоў конь адыгрывае ў паданні "Аповесці мінулых гадоў" аб смерці Алега Вешчага [912 г.]. Тэма міфа тут іншая: гаворка ідзе не аб атрыманні ўлады, а аб смерці князя (хаця абедзве падзеі па сутнасці даволі блізкія – вырашаецца пытанне аб уладзе). Але структура міфа застаецца той жа: прадказанне вяшчунна, а зброяй гэтага прадказання таксама з'яўляецца конь.

Безумоўна, што ўнутраная сэнсавая сувязь у міфе невыпадковая. Тым не менш зрабіць аргументаваныя вывады, абаяраючыся толькі на гэты сюжэт, ужо немагчыма. Скандынаўскі варыянт міфа аб смерці ад каня не можа нам дапамагчы ў параўнальным даследаванні, бо ён другасны ў адносінах да славянскага.

Структура і сэнс міфа ў рускім летапісе ўжо парушаны, з іх выпалі некаторыя часткі. На маю думку, гэта звязана з асобамі хрысціянскіх летапісцаў, якія лічылі сябе павіннымі змагацца з язычніцтвам, з аднаго боку, а з іншага боку, павінны былі апавядаць аб продках пануючых князёў. Сутыкнуўшыся з міфалагічнымі паданнямі славян, яны ўбачылі ў іх шмат незвычайнага і "негістарычнага".

Але паміж Казьмою Пражскім і Нестарам выяўляецца вялікая розніца. Казьма прывёў першапачатковы тэкст міфа і толькі потым даў яго рацыяналістычную трактоўку. На яго думку, конь Лібушы пайшоў да Пржэмысла таму, што яна была яго каханкай і нярэдка прыязджала да яго.

Рускі летапісец не прывёў першапачатковы варыянт міфа аб смерці Алега, а даў толькі яго рацыяналізаваную трактоўку. Галоўная падзея, якая яго цікавіла, – смерць князя Алега. Але і прадказанне не было выкінута хрысціянскім летапісцам, таму што сувязь яго са смерцю Алега з'яўлялася для яго зусім натуральнай. Яшчэ больш гэты сюжэт спатрэбіўся Нестару. Але сэнс яго разуменняў быў ужо іншым: "Не удзівітельно, что от волхвования сбывается чародейство". I далей хрысціянскі летапісец абрынуўся на прадказальнікаў будучыні і чарадзеяў. Гэтае яго павучанне па аб'ёму ў два разы пераўзыходзіць апавяданне аб смерці.

Такім чынам, постаць свяшчэннага каня-вястуна волі багоў адыгрывала вельмі вялікую ролю ў язычніцкіх генеалагічных паданнях славянскіх князёў. Карані гэтых міфалагічных сюжэтаў славянскага фальклору і гістарычных паданняў трэба шукаць у абрадах варажбы з удзелам каня.

¹ Гуревич Ф. Д. Древние верования народов Прибалтики по данным "Хроники Ливонии" Генриха Латвийского // Советская Этнография. 1948. №4. С.73.

² Там жа.

³ Фаминцын А. С. Божества древних славян. СПб, 1884. С.23–24.

⁴ Там же. С.57.

⁵ Там же.

⁶ Иванов В. В. Разыскания в области анатолийского языкознания. Этимология-1979. М., 1981. С.134.

⁷ Neesterman J. C. The Ancient Indian Royal Consecration. Mouton; s-Gravenhage, 1957. С.127.

⁸ Гл.: Прохараў А. А. Аб значэнні конскіх спаборніцтваў у быліне "Іван Гасціны сын" з улікам індаеўрапейскіх паралеляў // Усебеларуская канферэнцыя гісторыкаў: Тэзісы дакладаў. Мн., 1993. Ч.2.

⁹ Смирнов Ю. И. Славянские эпические традиции: Проблемы эволюции. М., 1974. С.249.

¹⁰ Там же. С.249–250.

¹¹ Богданович А. Пережитки древнего мирозерцания у белорусов. Гродно, 1985. С.98.

¹² Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М., 1988. С.313.

¹³ Гл.: Матузова В. И. Английские средневековые источники IX–XIII вв. М., 1979. С.12.

С.В.ЯРОШУК

ЛЕСНАЯ И ДЕРЕВООБРАБАТЫВАЮЩАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ БЕЛАРУСИ В УСЛОВИЯХ НЭПА (1921–1929 гг.)

Небывалый развал промышленности, сельского хозяйства, торговли – такие следы оставили беспрерывно воевавшие с 1915 по 1920 г. армии Германии, Польши, России на белорусской земле. В советской части территории Беларуси в начале 1918 г. действовало 23% довоенных предприятий¹. К концу 1920 – началу 1921 г. народное хозяйство Беларуси пришло в полный упадок.

Третья сессия ЦИК ССРБ второго созыва 17 апреля 1921 г. распространила на территории Беларуси закон о замене продрозверстки продналогом. Так начался период новой экономической политики, начался очень болезненно: работа по сбору налогов проходила в чрезвычайно тяжелых условиях, вызванных технической бедностью и разорением края².

Перевод белорусской промышленности на рельсы нэпа начался с мер по концентрации средств производства, рабочей силы и капиталов на наиболее жизнеспособных предприятиях. Наказ СНК РСФСР от 9 августа 1921 г. о проведении в жизнь новой экономической политики требовал от советов народного хозяйства и их местных органов оставлять в прямом подчинении прежде всего самые крупные, жизненно важные, технически лучше оснащенные фабрики и заводы и объединять их в групповые управления или тресты³.

В лесной и деревообрабатывающей промышленности уже в 1922 г. было создано два крупных треста – "Лесбел" и "Западолес", имевшие республиканское значение. Общесоюзное значение имело управление лесной и деревообрабатывающей промышленности бассейна Западной Двины – "Двинолес", которое находилось в ведении ВСНХ РСФСР⁴. На территории Гомельской губернии в составе РСФСР был создан трест "Гомлес".

В июне 1922 г. между республиканскими трестами "Лесбел" и "Западолес" было произведено разделение лесных массивов и предприятий республики. Точное определение лесничеств, входящих в сферу деятельности трестов, устанавливалось специальной комиссией из представителей каждого треста. Все лесозаводы, оказавшиеся на разделенных территориях, переходили под управление трестов. В архивах не сохранились документы, четко указывающие, какие территории отошли к "Лесбелу", а какие к "Западолесу". По многочисленным договорам и отчетам можно судить, что "Лесбел" получил в свое распоряжение предприятия Минска, Борисова, Бобруйска и Осиповичей⁵. В соглашении между Экономическим совещанием и ВСНХ БССР читаем, что к "Западолесу" отходят все лесные массивы, тяготеющие к Неману, Ессе, Вилии и Двиносе (Двине) с притоками. Лесозаводы, расположенные в именованных районах, тяготеющие к лесничествам, отведенным "Западолесу", переходят в ведение "Западолеса"⁶. Оба треста

становились монополистами на своих территориях и, судя по указанным документам, имели разную специализацию: привязка "Западолеса" к крупным лесным массивам и водным артериям, впадающим в Балтийское море, красноречиво говорит об ориентации треста на заготовку и сплав в основном экспортного леса; передача "Лесбелу" фанерных и деревообрабатывающих заводов свидетельствует о преимущественно обрабатывающей и внутригосударственной ориентации последнего.

"Западолес" и "Лесбел" как монополисты имели право на установление взаимосогласованных цен на свою продукцию. Все организации, занимавшиеся заготовкой леса на территории республики, обязаны были получать разрешение треста, на территории которого вели заготовку. Однако решающее слово во всех вопросах принадлежало государству в лице Экосо БССР, ВСНХ БССР и ВСНХ СССР.

Перед ВСНХ СССР стояла трудная задача – смягчить топливный кризис в стране и возобновить традиционный экспорт древесины и изделий из нее на рынки Западной Европы. Значительное место в осуществлении этих планов отводилось богатой лесами Беларуси. Выгода в приоритетном развитии у нас лесной и деревообрабатывающей промышленности для ВСНХ СССР была очевидна. Еще до первой мировой войны деревообработка была одной из ведущих отраслей промышленности республики, население края повсеместно сохранило навыки работы с деревом – основным топливным и строительным материалом. Большое значение лесной и деревообрабатывающей промышленности придавалось и в годы "военного коммунизма". В конце декабря 1920 г. СНХ ССРБ постановил объявить все действующие лесозаводы ударными, а рабочих-деревообрабочиков включить в "категорию забронированного снабжения" пайками⁷, что создавало этим рабочим относительно привилегированное положение.

В числе других отраслей народного хозяйства лесная и деревообрабатывающая промышленность республики, начиная с 1922г., находилась на полном самообеспечении и хозрасчете. Если ранее отсутствие хозяйственной самостоятельности и экономических стимулов сдерживало рост производства, то теперь деревообрабатывающая отрасль была поставлена в суровые условия самостоятельного выживания. Казалось бы, что после введения самокупаемости и освобождения от излишней опеки государства дела должны скоро наладиться. Но, увы, белорусские предприятия болезненно переживали такую самостоятельность в условиях нищеты и безысходности. Архивные материалы эту картину подтверждают. В докладе "Лесбела" к съезду представителей лесной и деревообрабатывающей промышленности читаем: "С первых же дней своего существования "Лесбел" стал переживать довольно острый кризис из-за недостатка оборотных средств... С одной стороны, перестали поступать даже те скудные средства, которые отпускались прежде из центра, а, с другой, доставшееся "Лесбелу" наследство для оборотного фонда, значительная часть которого находилась в лесу, по условиям момента было скорее мертвым капиталом"⁸.

К указанным проблемам добавлялся острый финансовый кризис на всем пространстве рухнувшей Российской империи. Безденежье было всеобщим и удручающим. В том же докладе читаем, что имевшиеся запасы лесоматериалов не могли быть реализованы прежним заказчикам на Украину вследствие низкой покупательской способности последних⁹. В связи с этим в Беларуси широкое распространение получила контрабандная торговля с Польшей, Латвией и Литвой. На выручку от продажи леса и других экспортных товаров закупались не только товары потребительского назначения, но и сырье и промышленное оборудование. В денежном обороте Беларуси имели хождение и царские рубли, и американские доллары, и английские фунты стерлингов, и польские злотые, а также литовские и латвийские деньги¹⁰. На предприятиях "Лесбела" 60–70% заработка рабочие получали зерном, мукой, солью или другими продуктами, имевшимися в наличии.

Тем временем шел активный поиск новых рынков сбыта продукции лесной и деревообрабатывающей промышленности. Были установлены особые вознаграждения коммерческим агентам за заключение выгодных договоров.

В 1922 г. возобновляется легальный экспорт древесины и других продуктов деревообработки, причем "Лесбелу" и "Западолесу" была предоставлена различной степени самостоятельность во внешнеэкономической деятельности. Соглашением между Экосо и ВСНХ Беларуси устанавливался порядок реализации всех лесозаготовительных заготовок, один из пунктов которого определял, что реализация всех лесозаготовительных материалов, как имеющихся в наличии, так и заготавливаемых "Лесбелом", происходит через Наркомвнешторг или "Западолес" с преимущественным правом последнего, если предлагаемые им условия более выгодны или одинаковы с условиями Наркомвнешторга¹¹. Западные покупатели, осведомленные о высоком качестве дореволюционной российской продукции, охотно шли на заключение сделок с советскими предприятиями. Однако их ждало разочарование: качество советского товара оставляло желать лучшего. "На качестве фанеры... отражается недостаточное оборудование завода... наша фанера изготавливается из залежалой побуревшей ольхи, что неблагоприятно сказывается на ее внешнем виде"¹² – читаем в докладной записке мастера фанерного завода в ответ на запрос "Лесбела", куда поступила жалоба из Лондонского представительства треста.

Несмотря на все недочеты и проблемы, лесная и деревообрабатывающая промышленность постепенно увеличивала объем выпускаемой продукции. В связи с постепенным расширением лесозаготовок происходило восстановление отрасли, хотя единого плана работ не существовало: каждый трест находил свои пути выхода из застоя. Положение несколько изменилось после ликвидации в 1923 г. "Западолеса". В 1924 г. "Лесбел" осуществил значительную концентрацию оборудования и рабочей силы на нескольких технически оснащенных и удобно расположенных предприятиях. Из 31 лесопильного завода в его ведении было оставлено 13 наиболее крупных, а из 4 фанерных фабрик – только две¹³. Остальные предприятия с изношенным оборудованием либо ликвидировались, либо сдавались в аренду частным предпринимателям.

Частный сектор лесной и деревообрабатывающей промышленности был представлен мелкими предприятиями, оснащенными устаревшим оборудованием. Арендные предприятия не ограничивали себя узкой специализацией, а старались также удовлетворять потребность местного населения в товарах повседневного спроса. На таких предприятиях, кроме обработки древесины, развивали мукомольное, кузнечное, маслобойное и другие производства¹⁴. Такая мобильность и предприимчивость приносила свои плоды: мелкие арендные предприятия очень скоро стали составлять серьезную конкуренцию заводам "Лесбела", правда, нередко путем нарушений закона: скупая у крестьян краденый лес и экономя на страховании жизни и здоровья наемных рабочих¹⁵.

Тем временем государственный сектор лесной и деревообрабатывающей промышленности постепенно не только наращивал объемы производства, но и повышал его эффективность. Например, к моменту образования "Лесбела" (1 апреля 1922 г.) в его распоряжении имелось семь лесопильных заводов (440 рабочих), две колодочные фабрики (38 рабочих), фабрика сапожных гвоздей (53 рабочих) и столярная мастерская (60 рабочих). Уже спустя пять месяцев, 1 сентября 1922 г., были готовы к пуску еще двенадцать лесопильных заводов, две новые фанерные фабрики, три колодочные фабрики и бочарный завод. Хотя на предприятиях происходила ликвидация малоквалифицированных рабочих мест, общий уровень занятости в отрасли повышался за счет ввода в строй новых предприятий¹⁶.

За время существования "Лесбела" было заключено более десятка договоров на поставки продукции как внутри республики, так и за ее пределы.

Доходы от поставок позволяли закупать оборудование для заводов. Так, Бобруйское отделение "Лесбела" в 1922 г. дало заказ на изготовление нового узкоколейного паровоза Коломенскому заводу, новых пил – в Швеции¹⁷.

Повышению эффективности производства наряду с материальным стимулированием содействовало и укрепление трудовой дисциплины. Для этого использовались и весьма строгие меры. Так, на бобруйских деревообрабатывающих заводах рабочие, регулярно не выполнявшие нормы выработки, командировались на другие предприятия на неделю. Если и там они по-прежнему не выполняли нормы, их увольняли¹⁸. Мера суровая, но в условиях самокупаемости такая жесткость была вынужденной.

В годы нэпа лесная и деревообрабатывающая промышленность была прибыльной отраслью. В Национальном архиве РБ хранится текущий счет "Лесбела" с апреля по сентябрь 1922 г. Уже тогда, в начале нэпа, сальдо было положительным и на 19 сентября 1922 г. составляло 8 млн 603 тыс. 594 рубля. Кроме того, были своевременно погашены ссуды на общую сумму около 1 млн рублей (с процентами)¹⁹. Это свидетельствует о прочном финансовом положении "Лесбела" и отрасли в целом.

Надо отметить и то, что восстановление лесозаготовок благоприятствовало привлечению свободной рабочей силы из села в осенне-зимний период и сыграло немалую роль в повышении доходов крестьян. Количество сезонных рабочих, занятых на лесозаготовках, вывозке и сплаве леса, в пересчете на среднегодовое число занятых только по "Лесбелу", составляло в 1923–1924 гг. 3,8 тыс. человек, в 1924–1925 – 3,8, в 1925–1926 – 7, в 1926–1927 гг. – 9,5 тыс. человек²⁰. Более того, спрос на такого рода рабочую силу превышал предложение.

Лесная и деревообрабатывающая промышленность в годы нэпа относилась к числу наиболее перспективных отраслей. Развитие ее, как мы уже говорили, шло по пути увеличения объемов продукции за счет концентрации производства, увеличения его эффективности и централизации управления. Уже в 1925–1926 гг. объем заготовок древесины превышал уровень 1913 г. Объем производства продукции в 1926–1927 гг. в сравнении с довоенным уровнем возрос на 49%, притом, что число предприятий за это время сократилось наполовину²¹.

Правительство республики и в дальнейшем ориентировалось на укрепление производства, создание мощных предприятий, что позволяло повышать уровень технического оснащения, а главное, упрощало процесс управления и контроля.

Начало процессу индустриализации отрасли было положено в 1925 г. строительством в Бобруйске деревообделочного комбината, одного из крупнейших в Европе. В результате уже в 1925–1926 гг. Беларусь давала примерно 4–5% всей заготовленной в СССР древесины, хотя ее удельный вес в обрабатывающей промышленности Союза составлял менее 1%²². Это позволило полностью удовлетворить потребности республики, а также обеспечить вывоз древесины в другие регионы страны и на экспорт, что являлось существенным источником пополнения запасов валюты. В 1927–1928 гг. удельный вес деревообрабатывающей, спичечной, бумажной и лесозаготовительной отраслей промышленности во всей структуре индустрии республики составил 40,3%²³. Однако в дальнейшем в связи с истощением запасов спелой древесины темпы развития деревообрабатывающих отраслей замедлились, но их значимость оставалась высокой.

Таковой она остается и по сей день, как бы ни менялась конъюнктура на мировом и отечественном рынках. Сегодня в деревообрабатывающей отрасли возникли новые проблемы: прежде всего это сильная конкуренция со стороны зарубежных производителей, которая отягощается неблагоприятной налоговой политикой государства в области экспорта и низким уровнем технико-технологической базы нашего производства²⁴. И как здесь не вспомнить опыт нэпа, когда "Лесбел" и "Западолес" обладали широкими

полномочиями во внешнеэкономической деятельности, не ограничиваемыми Наркомвнешторгом. Как мы уже отмечали, белорусские лесообрабатывающие тресты по своей инициативе занимались закупкой оборудования за границей. Эту практику сегодня необходимо закреплять и выводить на более высокий уровень. Пример стран Северной Европы (Швеции, Финляндии), создавших на базе добычи и обработки древесины высокотехнологичную индустрию с высокой культурой эксплуатации и восстановления лесных богатств. Наши национальные традиции позволяют надеяться, что рациональное использование лесных ресурсов принесет государству большую пользу.

¹ Ходзін С. М. Асаблівасці нэпа на Беларусі // Гісторыя: праблемы выкладання. Мн., 1997. Вып. 1. С.17.

² Бяспалая М. Апошнім аргументам была сіла: пачатак новай эканамічнай палітыкі ў беларускай вёсцы // Настаўніцкая газета. 1996. 10 жніўня.

³ Горбачев А. Р. Переход Советской Белоруссии к новой экономической политике (1921–1922 гг.). Мн., 1960. С.7.

⁴ Развитие экономики Белоруссии в 1921–1927 гг. Мн., 1973. С.43.

⁵ Национальный архив РБ (далее НАРБ), ф.148, оп.1, д.17, л.95.

⁶ Там же. Д.12, л.29.

⁷ Там же. Ф.87, оп.1, д.2, л.20.

⁸ Там же. Ф.148, оп.1, д.19, л.14.

⁹ Там же.

¹⁰ Кушнер В. Ф. Некаторыя асаблівасці пераходу БССР ад грамадзянскай вайны да міру // Актуальныя пытанні гісторыі БССР. Мн., 1991. С.42.

¹¹ НАРБ. Ф.148, оп.1, д.12, л.29.

¹² Там же. Д.25, л.115.

¹³ Развитие экономики Белоруссии в 1921–1927 гг. С.29.

¹⁴ НАРБ. Ф.148, д.25, л.312.

¹⁵ Там же. Л.354.

¹⁶ Там же. Ф.148, оп.1, д.17, л.99.

¹⁷ Там же. Д.25, л.351.

¹⁸ Там же. Л.93.

¹⁹ Там же. Д.19, л.13.

²⁰ Развитие экономики Белоруссии в 1921–1927 гг. С.29.

²¹ Там же. С.31.

²² Там же. С.30.

²³ Развитие экономики Белоруссии в 1928–1941 гг. Мн., 1975. С.44.

²⁴ Данильченко А., Хмурович Л. Экспорт: пока лишь робкие попытки... // Человек и экономика. 1997. №8. С.17.

И.А.ВАЛАХАНОВИЧ

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СТРУКТУРА ЛИТОВСКОГО АНТИСОВЕТСКОГО ПОДПОЛЬЯ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В 1944–1953 гг.

История антисоветского подполья в послевоенный период на территории Беларуси до сих пор недостаточно изучена. И если о белорусском, польском (Армия Крайова) и украинском (Организация украинских националистов) подполье в последнее время появился ряд публикаций как в отечественной, так и зарубежной историографии, то по истории литовского антисоветского подполья на территории Белорусской ССР таковых нет¹.

Между тем во второй половине 40-х–начале 50-х гг. литовское националистическое подполье в районах Беларуси с компактным проживанием этнических литовцев (Сопоткинский, Радунский районы Гродненской области; Островецкий, Свирский, Поставский районы Молодечненской области; Видзовский район Полоцкой области*) представляло довольно многочисленную, законспирированную организационную структуру. Влияние литовского антисоветского подполья на внутривнутриполитические процессы БССР рассмат-

*Административно-территориальное деление Беларуси во второй половине 40-х–начале 50-х гг.

риваемого периода было значительным, хотя и менее ощутимым, чем деятельность Армии Крайовой (АК) или Организации украинских националистов (ОУН).

Создание подпольных антисоветских организаций на территории Литвы началось в 1940 г. сразу после ее вхождения в состав СССР на правах союзной республики. В это время бывшим литовским послом в Германии полковником Шкирпой был создан Фронт литовских активистов (ЛАФ). В состав ЛАФ вошли представители политических партий ЛКДП и ТС². Целью Фронта провозглашалась борьба за восстановление независимости и территориальной целостности Литвы с помощью Германии.

В 1940 г. Шкирпа нелегально прибыл из Германии в Литовскую ССР для создания подпольных структур ЛАФ в республике. В 1940–1941 гг. органами НКВД на территории Литвы были вскрыты и ликвидированы Комитет Свободной Литвы, Гвардия Обороны Литвы, Комитет Спасения Литвы и многие другие подпольные организации. Однако к началу Великой Отечественной войны структуры ЛАФ так и не были полностью уничтожены.

23 июня 1941 г. в Каунасе боевики Фронта захватили городскую радиостанцию, провозгласили образование правительства Шкирпы и призвали население к восстанию против советской власти. Вице-премьером стал один из руководителей ЛКДП Амбразявичус. Однако уже 5 августа 1941 г. правительство Шкирпы-Амбразявичуса было распущено немецким военным командованием как выполнявшее свои задачи и ставшее ненужным германским оккупационным властям³.

В декабре 1942 г. политические силы, рассчитывавшие возродить Литовскую республику с помощью США и Великобритании, создали Верховный литовский комитет. Его председателем стал социал-демократ Кайрис. В состав Комитета вошли также представители ТС и ЛВЛС⁴. Но в конце 1943 г. Верховный литовский комитет распался. Его члены так и не смогли выработать единой программы действий по восстановлению независимости Литовской республики. Этому помешала партийная разнополярность представителей Комитета⁵.

В начале 1944 г. в Каунасе был образован Верховный комитет освобождения Литвы (ВЛИК) во главе с Кайрисом. Большинство членов ВЛИК составили представители ЛКДП. ВЛИК в тайне от германских оккупационных властей приступил к созданию так называемых «верховных правительственных органов», чтобы после поражения Германии выступить перед правительствами США и Великобритании в качестве носителя государственной власти в Литве и с их помощью выйти из состава Советского Союза. Однако законспирированный Комитет был раскрыт германскими оккупационными властями, многие его члены были арестованы и отправлены в концлагерь Штуттгофе; оставшиеся на свободе ушли в глубокое подполье, а затем переместились на Запад⁶.

Помимо руководящих центров литовского подполья, в годы Великой Отечественной войны были созданы его подпольные вооруженные формирования. В 1941–1942 гг. образовалась Армия освобождения (свободы) Литвы (ЛЛА). Руководство ЛЛА осуществлял Верховный штаб, которому подчинялось 8 окружных штабов, а им, в свою очередь, – 20 уездных⁷. В 1942 г. при непосредственной помощи английских разведслужб был создан Союз борьбы за освобождение Литвы (ЛЛКС). В 1945 г. образовался Союз литовских партизан⁸.

Общее руководство литовским подпольем во второй половине 40-х–начале 50-х гг. осуществлял ВЛИК. Незадолго до освобождения Литвы советскими войсками от немецко-фашистской оккупации уцелевшие от арестов германских оккупационных властей руководители Комитета покинули территорию республики. В 1945 г. его штаб-квартира находилась в Вюрцбурге (американская зона оккупации Германии), затем в Пфуллингене (французская зона оккупации). В начале 50-х гг. ВЛИК обосновался в США⁹.

Подпольной борьбой на территории Литвы и сопредельных районов Беларуси и Польши в 1944–1947 г. руководил созданный ВЛИК и подчинявшийся непосредственно ему Верховный военно-повстанческий штаб. В свою очередь, Верховный военно-повстанческий штаб, помимо своих территориальных подпольных структур, осуществлял руководство действиями созданных ранее вооруженных формирований ЛЛА, ЛЛКС и др. В качестве главной цели борьбы названных подпольных организаций провозглашалось восстановление литовского независимого государства со всеми его атрибутами в границах 1940 г. Основными противниками объявлялись «русский коммунизм и другие враги».

Создавалось подполье по территориальному принципу. Верховному военно-повстанческому штабу подчинялись шесть окружных комитетов освобождения Литвы со своими окружными военно-повстанческими штабами. Верховный и окружные штабы состояли из отделов: мобилизационного, разведывательного, строевого, хозяйственного и политического. Кроме того, в их состав входили адъютант, врач и военный капеллан (ксендз округа). Штабам подчинялись повстанческие бригады. Каждая бригада состояла из трех батальонов, батальон включал четыре роты, рота состояла из четырех взводов, взвод включал четыре отделения по 8–15 человек в каждом¹⁰.

На территории Беларуси силами ВЛИК руководил округ №6 во главе с полковником бывшей литовской армии Виткусом (подпольная кличка «Казимирайтис»). В округ были включены Вильнюсский, Тракайский, Швенченисский, Ейшинский, часть Алитусского района Литвы, а также Ошмянский, Радунский, Свирский и некоторые другие районы Беларуси¹¹.

Внутренняя жизнь каждого округа регламентировалась уставом. Согласно уставу, членами подпольных формирований («партизанами») могли быть только литовцы – мужчины и женщины. Каждый участник подполья был обязан принимать присягу, после чего не имел права выйти из организации до восстановления независимости Литвы.

«Партизаны» подразделялись на активных (ведущих постоянную вооруженную борьбу), пассивных (имеющих оружие, однако не всегда участвующих в вооруженной борьбе, но готовых сделать это по первому приказу) и сочувствующих (не вооруженных, но оказывающих «партизанам» всестороннюю помощь). Руководящие должности в подпольных формированиях могли занимать только активные «партизаны»¹². Устав определял внутреннюю структуру округа, функциональные задачи каждой структурной единицы, а также содержал текст присяги. Права и обязанности «партизан», а также вопросы, связанные с их поощрениями и наказаниями, регламентировались отдельным дисциплинарным уставом.

В 1944–1947 г. силы литовского антисоветского подполья во главе с ВЛИК делали ставку на открытую вооруженную борьбу с советской властью. Но эта тактика оказалась несостоятельной. Основные силы территориальных звеньев и вооруженных формирований ВЛИК и ЛЛА были разгромлены советскими органами государственной безопасности и внутренних дел.

Однако после перегруппировки сохранившихся сил и средств, а также при активной помощи западных спецслужб на территории Литовской ССР возникли новые руководящие центры антисоветского подполья. В 1948 г. был образован, но вскоре раскрыт и ликвидирован Президиум общедемократического движения сопротивления (Бендрас демократинес пасипреши нимо саудис). В феврале 1949 г. был сформирован Президиум Союза борьбы за освобождение Литвы (Президиум ЛЛКС) во главе с капитаном бывшей литовской армии Жемайтисом (подпольная кличка «Витаутас»). Президиум ЛЛКС просуществовал до 1953 г.¹³

После этого попытки объединения сил литовского антисоветского подполья не имели успеха, а оно само превратилось из организованной структуры в изолированные мелкие бандитские группы, забывшие о своих «бла-

городных» целях и идеалах борьбы и продолжавшие совершать диверсии и террористические акты против партийно-советского актива и населения.

Президиуму ЛЛКС подчинялись руководители подполья трех областей: Южной (кодовое название «Немунас»), Западной («Юра») и Северо-восточной «Миндауга». В области входили 2 – 3 округа, которые делились на 2 – 4 бригады¹⁴. В районах Беларуси, пограничных с Литовской ССР, действовали подпольные формирования округа «Дайнава» области «Немунас» и формирования округа «Витаутас» области «Миндауга».

В мае 1948 г. на территории Радунского района Гродненской области органами Министерства государственной безопасности (МГБ) БССР была раскрыта подпольная группа, созданная «Меркисом*», командиром одного из формирований Президиума ЛЛКС, входившего в округ «Дайнава». Сотрудники госбезопасности арестовали 6 человек, в том числе личную связную «Меркиса» Геновайту Паулайтите (подпольная кличка «Жибокля») ¹⁵.

Опергруппа Радунского райотдела Управления МГБ (УМГБ) Гродненской области 1 декабря 1949 г. в районе деревни Балботы Варенского уезда Литовской ССР, в лесном болотистом массиве, обнаружила бункер, в котором скрывались два участника подпольного литовского формирования «Гражолиуса». В ходе перестрелки один нелегал был убит, а второй захвачен и арестован ¹⁶.

В деревне Оболи Видзовского района Полоцкой области 21 февраля 1950 г. оперативно-войсковая группа УМГБ Полоцкой области попала в засаду литовского подпольного формирования «Рокаса». В завязавшейся перестрелке погибли три бойца опергруппы (в том числе и командир, старший лейтенант Зайцев) и один ранен. Нападавшим удалось скрыться на территории Литовской ССР ¹⁷.

Опергруппой УМГБ Молодечненской области 16 апреля 1950 г. на хуторе Куели Свирского района в перестрелке был убит начальник штаба 5-го района бригады «Тиграс» Леонардас Басис по кличке «Аушрунас» (он же «Швитурис» или «Повасарис»). У убитого были изъяты автомат, пистолет, боеприпасы и документы подполья на литовском языке.

При обыске дома хозяина хутора оперативники обнаружили и изъяли документы штаба округа, приказы, распоряжения и антисоветские листовки. Кроме того, были найдены пишущая машинка «Олимпия» с литовским шрифтом, большое количество копировальной и писчей бумаги, питание к радиостанции и награбленные товары.

После обработки изъятых документов стало известно, что в Свирском районе Молодечненской области размещался 5-й район третьего округа ЛЛКС, условно называемый Цезарским участком. До реорганизации в декабре 1949 г. этот район назывался 7-м. Захваченные приказы указывали, что с 5 января 1950 г. командиром этого района был назначен «Галюнас», его заместителем и одновременно начальником хозотдела – «Паросас», начальником штаба и орготдела «Аушрунас» («Швитурис»), начальником оперативного отдела «Гедрайтис». Связными штаба были «Дайнава» и «Жвалжде» ¹⁸.

В лесном массиве около деревни Зуброво Василишковского района 8 мая 1950 г. сотрудники УМГБ Гродненской области захватили командира взвода бригады «Казимирайтис» (округ «Дайнава») Стасиса Явайшиса («Гражолиуса») и трех «партизан» его формирования. У нелегалов были изъяты автомат, три винтовки, три пистолета, патроны и документы на литовском языке ¹⁹.

В Гродненской области 12 мая 1950 г. опергруппой УМГБ были обнаружены и при попытке к бегству убиты еще два участника подпольной вооруженной группы «Гражолиуса». Убитыми оказались Тадес Баублис («Локу-

* Органам госбезопасности не удалось установить настоящие фамилии многих строго законспирированных участников литовского антисоветского подполья.

нас») и Мария Явайшите («Эгле»). У нелегалов была изъята винтовка, два пистолета и боеприпасы²⁰.

В ночь с 10 на 11 июля 1950 г. сотрудниками Поставского райотдела УМГБ Молодечненской области были арестованы три участника подпольной литовской бригады «Рокаса», ими оказались Иозас Басис («Шарунас»), занимавший должность начальника организационного отдела подпольного Давгеншинского района; начальник оперативно-мобилизационной части подпольного Адушинского района Бронислав Гайделис («Папирас») и комендант Ходутишского подпольного литовского района Бронислав Унтон («Лютас»)²¹.

Всего за рассматриваемый период (1944-1953 гг.) только органами госбезопасности БССР было арестовано более 90 участников литовского антисоветского подполья²². Мы не располагаем точными статистическими данными о численности подполья ВЛИК на территории Беларуси. Объясняется это тем, что в районах действия сил литовского антисоветского подполья находились также многочисленные формирования Армии Крайовой. Как правило, органы госбезопасности и внутренних дел БССР при составлении отчетов о ликвидации антисоветских подпольных групп основное внимание уделяли их численности, вооружению, количеству совершенных диверсий и террористических актов, а не их национальной принадлежности. Зачастую подпольные литовские группы отождествлялись с формированиями АК, поскольку их удельный вес среди сил антисоветского подполья был не весьма значительным.

¹ Лукашук А. Вяртанне нацыяналіста. Мн., 1997; Гарт З. З успамінаў пра Саюз Беларускіх патрыётаў (Глыбокае, Паставы. 1945–1947 гг.). Мн., 1997; Сямашка Я. І. Армія Краёва на Беларусі. Мн., 1994; Ермолович В. И., Жумарь С. В. Огнем и мечом: хроника польского националистического подполья в Белоруссии (1939–1953 гг.); НКВД и польское подполье 1944–1945 (По "Особым папкам" И.В.Сталина). М., 1994; Гуленко В. И. ОУН-УПА и Армия Краева в Белоруссии. К вопросу о деятельности и взаимоотношениях // Старонкі ваеннай гісторыі Беларусі. Мн., 1991. Вып.1.

² Сокращенное название партий на литовском языке: Лиетувос крикшионо демократай партия, Таутининку саюнга.

³ Война в тылу врага: О некоторых проблемах истории советского партизанского движения в годы Великой Отечественной войны. М., 1974. С.432, 436.

⁴ Сокращенное название партии на литовском языке: Лиетувос вальстичей ляудининку саюнга.

⁵ Данные взяты из обзорно-аналитических материалов НКГБ–НКВД за 1944–1946 гг., хранящихся в архиве КГБ Республики Беларусь.

⁶ Там же.

⁷ Война в тылу врага... С.443.

⁸ Данные взяты из обзорно-аналитических материалов НКГБ–НКВД за 1944–1946 гг., хранящихся в архиве КГБ Республики Беларусь.

⁹ Там же.

¹⁰ Данные взяты из переводных документов литовского подполья, хранящихся в архиве КГБ Республики Беларусь.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Данные взяты из обзорно-аналитических материалов МГБ за 1946–1953 гг., хранящихся в архиве КГБ Республики Беларусь.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Данные взяты из материалов архивного уголовного дела на Г.Паулайтите, хранящегося в архиве УКГБ РБ по Гродненской области.

¹⁶ Данные взяты из материалов отчетов МГБ БССР в ЦК КПБ за 1949–1952 гг., хранящихся в архиве КГБ Республики Беларусь.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Там же.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ БЕЛОРУССКО-РУССКИХ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ В ПЕРИОД 1965–1975 гг.

Прежде чем рассматривать белорусско-русские культурные связи, следует определить само понятие "культурные связи". В первую очередь в нем выделяются две стороны: внешняя и внутренняя.

Внешняя сторона включает непосредственное общение между индивидами, творческими коллективами, научными сообществами. Культурные связи на этом уровне осуществляются в форме обмена делегациями, проведения конференций, фестивалей, гастролей, выставок, туристической деятельности. Субъекты знакомятся с предметами как материальной культуры (начиная от сувениров и кончая новинками науки и техники), так и духовной (включая определенные духовные ценности и ориентиры, идеи, стереотипы мышления, свойственные какому-либо народу).

Внутренняя сторона культурных контактов проявляется в процессе взаимопроникновения и взаимовлияния культур двух народов. Она предполагает уважительное отношение к иной культуре, способность понять образ жизни другого народа. Этот процесс познания культурных особенностей может происходить только в том обществе, которое, обладая собственной устойчивой самобытностью, предполагает ее наличие и у другой нации. Если общество достигло высокого уровня социально-экономического и духовного развития, тогда оно в состоянии переосмыслить достижения культуры другого народа и создать нечто абсолютно новое. Понять культуру нации – это значит воспроизвести в сознании не только механизм бытия, систему ценностей, но и то специфическое видение мира, особое мироощущение и многое другое, что делает данную культуру уникальной. Только таким образом одна культура может усваивать и превращать в компоненты и ценности своей самости продукты другой культуры¹.

Однако усвоение представляет собой не механический перенос заимствованных черт культуры, а процесс творческий и избирательный. Каждый народ создает свои культурные формы, которые существуют веками и не легко уступают место другим. В общении с другими нациями особенно отчетливо проявляется собственное своеобразие и неповторимость.

Таким образом, культурный синтез является результатом смешения элементов заимствованного и традиционного. Он приводит к новообразованиям, ранее не свойственным ни одной из культур. В некотором смысле, все, что возникает в культуре-восприемнике как результат инокультурного воздействия, есть стимулированные извне собственные достижения².

Каждая ситуация культурного контакта вписана в конкретную историческую эпоху. Поэтому изучение культурных связей между народами должно учитывать особенности эпохи и ее противоречия.

Контекстом белорусско-русских культурных связей 1965–1975 гг. являлось соседство в многонациональном государстве, которое предполагало единую историческую память, единство во внешне- и внутривнутриполитических делах, образе жизни и мышлении, общие духовные ценности. Наличие общего социально-правового, отчасти языкового и экономического поля создавало огромные возможности для развития и углубления межнациональных контактов: обмен драматическими и музыкальными коллективами, произведениями изобразительного искусства, проведение кинофестивалей, концертов, семинаров и конференций, обмен студентами и педагогами, направление на учебу в столичные вузы и приглашение в республику ведущих специалистов для консультационных работ, постановки спектаклей, чтения лекций и т.д.

Своеобразие политического строя СССР наложило отпечаток и на развитие духовной культуры общества и, естественно, на культурные связи между Белоруссией и Россией.

Приоритетными являлись идеи дружбы и сотрудничества во всех сферах жизни общества. С одной стороны, многочисленные культурные ценности создавались в духе идей пролетарского интернационализма и построения социалистического общества, провозглашаемых официальной идеологией. Творческим работникам предписывалось, что они должны создавать такие произведения, которые в увлекательной и доходчивой форме рассказывают подрастающему поколению о событиях славного революционного прошлого нашей Родины, о В.И.Ленине и КПСС, о героике строительства коммунизма, о жизни и делах молодежи, о завоевании космоса, работы, раскрывающие темы интернациональной дружбы народов³. С другой стороны, общение между народами происходило не с оглядкой на господствующую идеологию, а выражалось в подлинном уважении к традициям и обычаям других народов, в стремлении развивать добрососедские отношения и приобщаться к культурной жизни разных наций.

Несмотря на количественную и пространственно-временную запланированность культурных мероприятий, процесс взаимопроникновения культур имел большое значение для обоих народов. Это можно проиллюстрировать на конкретных примерах.

Так, в 1961 г. картина белорусского художника К.М.Космачева "Накануне" в составе передвижной Всесоюзной художественной выставки побывала в разных городах страны, затем вошла в число экспонатов зарубежной выставки. В 1965 г. она включена в экспозицию произведений белорусских художников Государственной Третьяковской галереи⁴. Выпускница Московской консерватории, ставшая одной из звезд белорусской оперы, Тамара Нижникова, была участницей Фестиваля белорусского искусства в Российской Федерации в 1966 г. Культурный обмен произведениями искусства обладает наибольшей гибкостью и открытостью, ибо "искусство есть самое многообразное, самое сложное и наиболее доступное средство общения между людьми"⁵. Сфера искусства не может быть полностью подконтрольна идеологии. Предметы творчества можно, конечно, трактовать с точки зрения господствующих в обществе идей. Но, с другой стороны, если произведение искусства истинно отражает жизнь, оно пройдет испытание временем и идеологией, будет существовать в другом времени и сочетаться с другими идеями, вызывая непреходящий интерес. Так, известный фильм "Летят журавли" М.К.Калатозова завоевал признание не только на родине, но и у западных критиков. В 1957 г. он получил главный приз на Международном кинофестивале в Каннах. И сегодня он остается образцом высокого мастерства советского киноискусства.

Ежегодно и ежемесячно лучшие творческие коллективы и известные исполнители гастролировали по городам и населенным пунктам разных республик. Практически невозможно перечислить количество взаимных гастролей, посещений, выступлений. Рассматривая внешнюю сторону культурных связей, целесообразно выделить и осветить некоторые явления культурного взаимовлияния. На конкретных примерах можно показать пути взаимопроникновения двух культур на интересующем нас этапе. К наиболее значительным событиям культурного обмена этого периода можно отнести Декады или Фестивали искусства разных народов, которые включали в себя одновременно несколько жанров и концентрировали в себе лучшие творческие силы народов.

Первая Декада белорусского искусства прошла в Москве в 1940 г., следующая лишь в 1955. Очередным этапом культурного обмена стало выступление в 1964 г. Государственного Академического Большого театра оперы и балета БССР в Кремлевском Дворце съездов, которое завершилось концертом лучших творческих коллективов Белоруссии. Через некоторое время в республику с ответным визитом дружбы и культурного сотрудничества приехали участники Декады русского искусства. Проходила она с 9 по 18 января 1965 г. По масштабу проведения, разнообразию программы, количеству участников и охвату городов она стала крупнейшим событием в

культурной жизни двух республик. Концерты и выступления пяти крупнейших музыкальных коллективов Российской Федерации, насчитывающие более 450 участников, экспозиции 10 художественных выставок и кинофестиваль прошли в 50 городах и населенных пунктах Белоруссии.

Впервые в Минске экспонировалась выставка из фондов Государственной Третьяковской галереи. Она включала 8 уникальных икон, 15 скульптур и 103 произведения живописи. Экспозиция знакомила зрителей с развитием изобразительного искусства в России, начиная с XV в. и заканчивая творчеством советских художников. Для художественной интеллигенции Белоруссии это было событие творческого порядка, ставшее своеобразной школой изобразительного искусства. "Для меня радостно было встретиться с полотном П.Кончаловского "Пейзаж. Сиена.". Обычный, казалось бы, пейзаж. А какая в нем таится колоссальная сила. Как чередуются линии, ритмы. И цвет здесь выразительный, эмоциональный", – говорил белорусский художник М.Данциг⁶.

На персональной выставке лауреата Ленинской премии В.Фаворского было представлено 235 гравюр. С его именем связано становление советской графической школы. Благодаря его творчеству, гравюра вошла в практику книжного иллюстрирования во всех республиках СССР, в том числе и в Белоруссии.

Впервые выступал в Минске симфонический оркестр Московской государственной филармонии. Республиканская русская хоровая капелла, ансамбль скрипачей Большого театра СССР, квартет им. Бетховена были участниками Декады. Через несколько лет Белоруссию вновь посетил Государственный русский народный хор им. Пятницкого, в репертуаре которого прозвучала и одна из лучших белорусских песен советского времени – "Неман" Н.Соколовского. Руководитель народного хора республики, народный артист СССР Г.И.Цитович заметил о его выступлении: "О хоре им. Пятницкого хочется говорить не просто как о гастролирующем у нас коллективе, а как о фламане народного искусства. Многие коллективы союзных республик по его примеру развивают свое национальное искусство"⁷. О сольном исполнении русских песен народным артистом СССР Иваном Петровым народный артист БССР Л.Бражник говорил: "Как будто раскрылись безграничные просторы земли русской, слышали удаляющийся колокольчик, видели залихватскую тройку и ямщика, который, несмотря на душевные муки, вынужден ехать в дождь и снег, в грозу и бурю"⁸.

Композиторы с мировым именем выступали на белорусских сценах. Впервые для белорусов прозвучала оратория Г.Свиридова, вокально-симфоническая поэма Д.Шостаковича "Казнь Степана Разина", впервые исполненная 28 декабря 1964 г. в Москве, второй раз прозвучала в Белоруссии, состоялся скрипичный концерт Т.Хренникова. Композитор Эдуард Колмановский посетил родную Могилевщину.

Совместные выступления артистов белорусской оперно-балетной труппы с солистами Большого театра СССР оказались отличной школой для дальнейшего развития балетного искусства Белоруссии. М.Плисецкая и М.Фадеевич в "Лебедином озере", А.Рябинкина и М.Лиєпа в "Дон Кихоте", автор и дирижер балета "Спартак" на белорусской сцене – народный артист СССР А.Хачатурян и многие другие произвели неизгладимое впечатление на белорусских зрителей и слушателей.

Декада отразила суть творческого взаимопроникновения культур русского и белорусского народов. Это был не просто показ уровня развития русского искусства, а и демонстрация того лучшего, что было позаимствовано в культуре других народов и получило новое звучание в своей. Так, в основу лирической поэмы композитора А.Флярковского "Белорусские песни" легли белорусские мелодии, записанные Г.Р.Ширмой, руководителем Белорусской академической хоровой капеллы. Кроме Флярковского с хоровой капеллой долгое время сотрудничали композиторы Москвы и Ленинграда А.Ленский, А.Копосов, А.Пащенко, В.Салманов. Композитор В.Григоренко

написал песню "Вечный огонь" на слова Пимена Панченко. Композитор А.Пащенко создал из собрания белорусского фольклора Г.Р.Ширмы 12 обработок для смешанного хора а капелла.

Если до середины 60-х гг. национальные декады искусств проводились в Москве, то следующим шагом сближения культур народов СССР стало проведение их в столицах и городах республик. Так, большим событием стало проведение Фестиваля белорусского искусства с 10 марта по 11 апреля на землях Сибири и Урала, приуроченного к открытию очередного съезда КПСС. Ряд белорусских композиторов посвятили этому событию свои произведения (И.Лученок "Коммунисты", А.Богатырев "Люблю наш край", Ю.Семеняко "Слушайте люди" и т.д.).

В Фестивале участвовали более 500 посланцев белорусского искусства. Только в 27 городах Свердловской области состоялось 150 концертов, 50 творческих встреч. Яркое впечатление произвели выступления Государственного народного оркестра БССР под руководством народного артиста БССР И.И.Жиновича. Наряду с исполнением национальных песен Ю.Семеняко "Ты мне весною приснилась", В.Оловникова "Где-то в поселке", "Песня о брестской крепости" в репертуар белорусских исполнителей вошли произведения И.Хренникова и "Русский танец" А.Хачатуряна.

На сцене Новосибирского театра оперы и балета выступали солисты Белорусского театра оперы и балета – народные артисты БССР И.Савельева и В.Миронов в "Лебедином озере". В опере "Евгений Онегин" пели народная артистка СССР Н.Ткаченко и Заслуженный артист БССР А.Савченко. О пении Нинель Ткаченко сибиряки говорили, что "такая певица может украсить любой театр мира... Обращает на себя внимание высокий артистизм исполнения, за которым чувствуется хорошая школа"⁹. Высокую оценку получили выступления исполнительницы большинства фортепианных произведений белорусских композиторов пианистки Евы Эфрон, "неустанного пропагандиста белорусской музыки"¹⁰.

На Урале с большим успехом прошли концерты Хоровой капеллы БССР. "Оценить белорусское песенное творчество можно лишь тогда, когда познакомишься с многочисленными обработками белорусских песен, сделанных Г.Р.Ширмой. Понимаешь, что белорусские народные песни необходимо исполнять только так, как исполняют их капелла, а чистоте ее интонации может позавидовать любой столичный хор; репертуар капеллы своеобразный, новый, интересный"¹¹.

Отзывы о выступлениях различных коллективов и исполнителей не были однозначными. Заслуженный артист РСФСР А.Фридлендер, отнюдь не умаляя высокого мастерства и заслуженно восхищаясь творчеством симфонического оркестра БССР, одного из старейших музыкальных коллективов республики, так высказался об исполнении "второй симфонии А.Абелиовича: "Она создает огромное впечатление широтой высказывания, динамичностью, ритмичным звучанием, мастерским владением оркестровыми средствами. Однако образное построение произведения, приемы оркестровки, конструкция и разработка инструментального материала против воли ассоциативно связываются с симфоническим творчеством Д.Шостаковича... Запоминается скрипичный концерт Д.Каминского, чудесно исполненный заслуженным артистом БССР Л.Гореликом. Это произведение свидетельствует о высоком мастерстве композитора. Но в интонационном построении концерта есть нечто такое, что против воли напоминает нам про существование "молодежных" концертов Д.Кабалевского. Мне кажется, что очень талантливые белорусские композиторы должны смелее бороться за большую самостоятельность в творчестве"¹².

Известно, что национальное неповторимо и уникально, но в своей уникальности оно содержит и универсальное, в данном случае, то общее, что характеризует советскую культуру вообще. Задача искусствоведов – проследить пути и результаты культурного синтеза, выяснить, какое влияние он оказал на уровень развития культуры.

Несмотря на то, что специфика советского времени наложила свой отпечаток и на такие явления культурной жизни, как фестивали искусства, реально они были определенными шагами в процессе взаимопроникновения и дальнейшего развития культур белорусского и русского народов. Более того, как ярчайшие события культуры они заключали в себе и элементы эстетического и духовного воздействия на людей, присущие культуре вообще. Ведь музыка, живопись, скульптура, драматургия являются средством приобщения как к национальной, так и общечеловеческой культуре.

Большая степень влияния русской культуры на белорусскую была обусловлена не ее ролью "старшего брата" как проводника духовных идей и ценностей, а более стабильной культурной традицией русского народа.

Попытка проиллюстрировать внешнюю и внутреннюю стороны белорусско-русских культурных связей приводит к выводу о сложности и многоаспектности проблемы культурных взаимоотношений. В настоящее время наиболее актуальной для культуры суверенной Беларуси является проблема сохранения прежних культурных связей и собственной самобытности с одновременным утверждением в ней общечеловеческих ценностей.

¹ Куракина Т. Н. Тенденции развития и перспективы управления культурой в условиях коренных реформ // Социологические исследования. 1995. №2. С.28.

² Артановский С. Н. На перекрестке идей и цивилизаций. СПб., 1994. С.49.

³ НА РБ. Ф.974., оп.2, д.319, л.186.

⁴ Там же. Д.322, л.284.

⁵ Покровская А. Н. Теория ценности и вариативность культуры. Мн., 1997. С.100.

⁶ Літаратура і мастацтва. 1965. №6. С.2.

⁷ Там же. №4. С.2.

⁸ Там же.

⁹ Там же. 1966. №22. С.1.

¹⁰ Советская культура. 1966. №30. С.4.

¹¹ Там же.

¹² Літаратура і мастацтва. 1966. №29. С.1.

І.А.ЕЎТУХОЎ

АДЛЮСТРАВАННЕ ПОЗНЕАНТЫЧНАГА МЕНТАЛІТЭТУ Ў ПЕРАПІСЦЫ СІМАХА І АЎСОНІЯ

Квінт Аўрэлій Сімах (каля 345—пасля 400) быў адной з найбольш значных фігур на гістарычным даляглядзе позняга Рыма. Інфармацыю пра яго кар’еру дае надпіс на пастаменце статуі, якую яму паставіў сын Квінт Фабій Мемій Сімах на Цэлійскім халме: «Квінту Аўрэлію Сімаху, святлейшаму мужу, квестару, прэтару, вялікаму пантыфіку, карэктару Луканіі і Бруцій [у 365 г.], каміту трэцяга рангу, праконсулу Афрыкі [у 373–374 гг.], прэфекту Горада [у 384 г.], ардзінарнаму консулу [у 391 г.], красамоўнейшаму ара-тару, Квінт Фабій Сімах, свяцейшы муж, бацьку найлепшаму»¹.

Творчую спадчыну Сімаха складаюць фрагменты васьмі прамоў, 49 справаздач, накіраваных у цэнтральныя органы ўлады, значная колькасць прыватных лістоў. Справаздачы і лісты былі выдадзены яго сынам з выкарыстаннем узору Плінія Малодшага – 10 кніг, з якіх 9 займае прыватная перапіска, 10-я адведзена пад справаздачы².

Нягледзячы на значны аб’ём, перапіска Сімаха не выклікае цікавасці даследчыкаў. Шведскі філолаг-класік Герд Хаверлінг прама папярэджвае: «Тых, хто зварочваецца да лістоў Сімаха, спадзяючыся адшукаць дакументы па сацыяльнаму і палітычнаму жыццю канца IV ст., чакае расчараванне»³. Гэта звязана, як можна меркаваць, з эфектам завышанага чакання: з аднаго боку – дастаткова высокія дзяржаўныя пасады аўтара і схільнасць да творчасці пісьменніка, з другога – вельмі нязначнае напаўненне крыніцы канкрэтай гістарычнай інфармацыяй. Гастон Буас’е ў свой час спрабаваў правесці «рэабілітацыю» Сімаха ў гэтым плане. На думку французскага даследчыка, інфармацыя пра бягучыя палітычныя падзеі ў лістах Сімаха была, але яна афармлялася ў выглядзе кароткіх даведак (*breviarium*), якія

адпраўляліся адрасатам асобна і да нашага часу не захаваліся⁴. Канчатковы прысуд перапісцы Сімаха быў вынесены ў даведачнай літаратуры. С.Калінкоўскі ў «Слоўніку антычных пісьменнікаў» заяўляе наступнае: «Гэтыя лісты банальныя па зместу і акрамя вышуканых віншаванняў адрасата не маюць аніякіх істотных паведамленняў»⁵.

Вывучэнне крыніцы на падставе пазітывісцкага падыходу, відавочна, зайшло ў тупік. Вывесці яго адтуль можна толькі пры змяненні метадалогіі аналізу.

Дадзены артыкул мае мэтай, па-першае, давесці, што з перапіскі Квінта Аўрэлія Сімаха магчыма атрымаць новую інфармацыю, зарыентаваную на праблемы менталітэту, па-другое – атрымаць адзначаную інфармацыю. З улікам таго, што гэта толькі першы крок у названым кірунку, уяўляецца мэтазгодным узяць для пачатковага аналізу невялікі комплекс лістоў, звязаных з імем аднаго адрасата, прычым з дастаткова вядомай гістарычнай асобай.

Прыведзеным параметрам вельмі добра адпавядае перапіска Сімаха з адным з найбольш значных паэтаў лацінскага Захаду IV ст. – Магнусам Дэцымам Аўсоніем. На карысць зробленага выбару спрацоўвае і не вельмі высокая ацэнка гэтай перапіскі з пункту гледжання атрымання гістарычнай інфармацыі, якую дала вядомая расійская перакладчыца з лацінскай мовы І.П.Стрэльнікава: «У перапісцы з Аўсоніям лягчэй за ўсё прасачыць найбольш характэрныя рысы эпісталаграфіі Сімаха: нязначнасць зместу большасці лістоў; пільная турбота пра форму, што параджае сухаватасць і манернасць выказвання, частыя паўтарэнні»⁶.

Перапіска Сімаха з Аўсоніем, калі ўключыць у яе састаў адказ паэта, складаецца з 30 лістоў (I, 13–43)⁷. Папярэдняе выбарачнае азнаямленне з сюжэтнымі лініямі лістоў стварае наступную маласуцяшальную карціну. Сімах выказвае сваё незадавальненне тым, што не атрымаў паэму «Мазэла» непасрэдна ад Аўсонія і адначасова дае ёй захопленую ацэнку, ставячы паэму ў адзін шэраг з творамі Вергілія (I, 14); скардзіцца на тое, што Гесперый не паведаміў яму пра сваё назначэнне на адну з высокіх пасадаў (на якую – не зразумела: альбо праконсула Афрыкі (376 г.), альбо прэфекта прэторыя (377 г.)) (I, 16); просіць Аўсонія выслаць яму што-небудзь з яго новых твораў (I, 18); і віншуе апошняга з уступленнем на пасаду консула і просіць прабачэння за тое, што не можа прыехаць асабіста (I, 20); скардзіцца на занадта кароткія лісты, якія ён атрымлівае ад свайго адрасата (I, 23); вельмі станоўча адзваецца пра Таласія, зяця Аўсонія (I, 25); адказвае на дакор Аўсонія за тое, што расказаў іншым пра яго кнігу (назва якой не ўдакладняецца) (I, 31). Як бачна, лісты на самой справе здаюцца трывіяльнымі і неінфарматыўнымі.

Калі ж абстрагавацца ад агульнага вербальнага фону, які ствараюць сюжэтныя лініі, то можна заўважыць, што аналіз прыведзеных лістоў здольны вывесці на наступныя ключавыя элементы познеантычнага менталітэту: 1) арыентацыя ў прыродным асяроддзі (своеасаблівае ўспрыманне рэчаіснасці), 2) арыентацыя ў сацыяльным асяроддзі (функцыі міжасобасных адносін у познеантычным грамадстве).

Цікавы матэрыял для пацвярджэння першага кірунку дае ліст чатырнаццаты. З аднаго боку, тут фіксуецца шырокае распаўсюджванне сярод адукаваных рымлян паэмы Аўсонія: «Твая «Мазэла», якой ты даў бессмяротнасць боскімі вершамі (*divinis versibus*), пераходзіць з рук у рукі і ў складкі тог шмат якіх людзей...», – але адначасова падкрэсліваецца несупадзенне выгляду рэальнай ракі Мазэлы з яе паэтычным увасабленнем – «яна з’явілася перад намі больш бурлівай за егіпецкі Ніл, больш халоднай за скіфскі Танаіс, больш празрыстай за наша роднае [возера] Фуцын». Акрамя таго, Сімах пераводзіць сваё пытанне ў практычную плоскасць. Ён пытае ў паэта: «Дзе ты бачыў гэтыя чарады рачных рыб?». Справа ў тым, што Сімах асабіста ведаў Мазэлу. Ён бачыў яе і прыйшоў да высновы, па-першае, што рака «падобна на іншыя і саступае шмат якім», па-другое, ён бываў у гасцях у Аўсонія, але ніводнага разу яго не частавалі такой рыбай, што

апісвалася ў паэме, – «але не бачыў такіх рыбных парод ні разу (*nunquam hoc genus piscium deprehendi*)».

Несупадзенне паэтычнай Мазэлы з прататыпам ставіць Сімаха ў сітуацыю выбару: якую рэчаіснасць трэба прызнаць за сапраўдную, ідэальную, ці тую, што можна бачыць на ўласныя вочы? Сімах выбірае першае: «Я б ніколі не паверыў бы таму (*nequam tibi crederem*), што ты апавядаеш пра вытокі і цяжэнне Мазэлы, калі б не ведаў напэўна (*nisi certe scirem*), што ты ў вершах не падманваеш». Магчымасць замяшчэння рэальнага свету ідэальным у познеантычным менталітэце была ў свой час падкрэслена В.І.Уколавай: «Рытарычны падыход да адлюстравання рэчаіснасці параджае ідэальны, дакладней – выбудаваны свет, стварае вобраз рэальнасці, які быццам набывае самастойнае існаванне»⁸. Гэты тэзіс цалкам прымальны, але лагічнае абмежаванне «быццам», як уяўляецца, можна зняць.

У адпаведнасці са «Споведдзю» Аўгусціна, уся сістэма школьнай адукацыі арыентавалася на выхаванне ў вучня здольнасці свабоднага пераходу з адной формы выяўлення думкі на іншую, пры захаванні раўназначнасці абедзвюх («нас прымушалі блукаць па слядах паэтычных вынаходак і прозай дакладна перадаць тое, што было сказана паэтам у вершах» (*Aug. Conf. I, 17, 27*)), і пераходу ад сапраўднай рэчаіснасці да рэчаіснасці паэтычнай («Мне прапанавана была задача... сказаць прамову Юноны, раззлаванай і засмучанай тым, што не можа павярнуць ад Італіі цара тэўкраў... Я ніколі не чуў, каб Юнона гаварыла такую прамову...» (*Ibid.*)). У выніку ідэнтыфікацыя Сімахам мастацкага вобраза і рэчаіснасці ніякім чынам не супярэчыла тым базавым спосабам арыентацыі ў прыродным асяроддзі, якія шмат гадоў навязваліся рымлянам са школьнай лаўкі. Своеасабліваю алюзію на гэту школьную тэму можна бачыць у наступным звароце да Аўсонія: «... я стаўлю тваю паэму нароўні з кнігамі Вергілія» (*ego tuum carmen libris Maronis adjungo*).

Той жа чатырнаццаты ліст дае штуршок для аналізу кірунку, звязанага з арыентацыяй у сацыяльным асяроддзі. Тут задаецца мадэль узаемадачыненняў двух сяброў. Сімах задаецца пытаннем, чаму Аўсоній не прыслаў яму паэму, і мяркуе, што гэта можна тлумачыць адным з двух. Магчыма, паэт вырашыў, што яго сябра альбо невук (*amisos*), які няздольны яе ацаніць, альбо нядобрамыслівец (*malignus*), які не можа хваліць (*laudare nesciret*). Таму Сімах робіць выснову: «І, такім чынам, ты зусім адмовіў мне ў розуме, альбо характары». Адначасова дадзены тэзіс аўтара ліста дазваляе выйсці на падмурак сяброўскіх адносін, прыняты ў вышэйшых колах Рымскай Імперыі другой паловы IV ст.: дастаткова высокі ўзровень адукацыі і пастаянная ўзаемная кампліментарнасць, якая была цалкам натуральнай і таму не можа быць вызначана словам «ліслівасць».

Менавіта гэта мадэль прасочваецца таксама ў іншых лістах Сімаха да Аўсонія: «Нават калі б я мог без перапынку праслаўляць цябе (*honorem tuum celebrare*) у лістах, мне не здалася, што я ў дастатковай ступені выконваю свой абавязак (*fungi debitum meum*), таму што твае вартасці заслугоўваюць большага» (I, 18); «Калі я буду хваліць цябе больш, чым ты мяне, можа здацца, што я проста лашчу твой слых у адказ на тваю пяшчоту і хутчэй наследаю твае словы, чым ацэньваю (*quam probator*)» (I, 31). Кампліментарнасць магла набыць абавязковы характар у выпадку, калі адзін з сяброў выходзіў на максімальна магчымы ўзровень кар'еры. Сімах раіць Аўсонію, які стаў консулам, актыўна выдаваць свае творы, таму што «кожны чалавек, добры ці кепскі (*ingratis*), дабраахвотна ці супраць волі, абавязаны хваліць цябе» (I, 31). Прычым гэты абавязак пашыраўся і на бліжэйшых сваякоў. Прынамсі, той жа Сімах даў наступную характарыстыку зяцю Аўсонія Таласію: «Вось муж годны табе і праз цябе – тваёй консульскай сям'і» (I, 25).

Арыентацыя ў сацыяльным асяроддзі немагчыма без атрымання дакладнай і поўнай інфармацыі. Апошняя пры гэтым цыркулявала ў тым жа сяброўскім асяроддзі. Менавіта гэтыя сюжэты адлюстраваны ў шаснаццатым лісце. Яго тэкст дазваляе вылучыць шэраг патрабаванняў да інфарма-

цыі. Яна павінна быць: 1) аператыўнай («...Усведамленне нашай з табой аднадушнасці (unanimity) падштурхоўвае мяне пісаць табе адразу ж па атрыманні ліста (de acceptis litteris)... узаемныя абавязацельствы нашай любові не дазваляюць мне марудзіць»; 2) дакладнай і зыходзячай ад першай асобы: тое, што Сімах даведаўся пра назначэнне Гесперыя не ад яго асабіста, а ад Аўсонія, стварае моцны дыскамфорт («Яго маўчанне балюча раніць мяне ... Яму трэба было папярэдзіць мяне лістом пра сваю славу»); 3) не быць празмернай: нельга перакладаваць на плечы сваіх сяброў занадта шмат уласных праблем («Я не хачу, каб мая любоў да цябе ані маўчала пра свае нягоды, ані разбівала дружбу празмернымі скаргамі»).

Аднак перапіска не магла замяніць асабістыя зносіны падчас асабліва важных падзей у жыцці аднаго з сяброў. Ліст дваццаты выяўляе глыбокую занепакоенасць Сімаха тым, што ён не мае магчымасці тэрмінова прыбыць да Аўсонія, які стаў консулам. Пасля шматлікіх вытанчаных прабачэнняў у лісце гучыць відавочная занепакоенасць будучым станам адносін. Пры гэтым Сімах цалкам аб'ектыўна ацэньвае іх перспектывы: «Добра, калі я здолею ў будучым захаваць твае былыя літасцівыя да мяне адносіны; цяпер жа мне дастаткова пазбегнуць твайго незадавальнення» (I, 20).

Такім чынам, з лістоў Сімаха да Аўсонія, нягледзячы на іх дастаткова трывіяльны змест, карысная інфармацыя можа быць атрымана, калі правесці адпаведную карэктыроўку метадычнага падыходу. Гэтая інфармацыя, у сваю чаргу, можа быць выкарыстана для аналізу познеантычнага менталітэту, прынамсі, па двух кірунках: 1) успрыманне прыроднага асяроддзя, 2) успрыманне сацыяльнага асяроддзя.

Усё гэта дазваляе лічыць перапіску Сімаха дастаткова важкай крыніцай для вывучэння познеантычнай ментальнасці і арыентавацца на яе наступную распрацоўку па лініях: Сімах – Проб і Сімах – Прэтэкстат, тым больш, што лісты, якія ўваходзяць у склад гэтых комплексаў, на рускую мову не перакладаліся.

¹ Inscriptiones latine selecte. Ed. H.Dessau. Beroloni, 1954. Vol.1. P.576.

² Q.Aurelii Symmachi Epistolarum libri decem // Patrologiae cursus completus. Ser.prima. Parisiis, 1848. T.18. Col.145–406. Symmaque. Lettres. T.1 (Livres I-II) / Texte ét., trad.et comm. par J.P.Callu.Paris, 1972.

³ Haverling G. Studies om Symmachus language and style // Studia greaca et latina Gothoburgensia. 1988. №49. P.14.

⁴ Буасье Г. Падзенне язычества. Исследование последней религиозной борьбы на Западе в четвертом веке. М., 1892. С.342.

⁵ Kalinkowski S. Symmachus // Słownik pisarzy antycznych. Warszawa, 1982. S.441.

⁶ Стрельникова И. П. Симмах // Памятники позднего античного ораторского и эпистолярного искусства II–V века. М., 1964. С.206.

⁷ Symmaque. Lettres. P.76–106. Частковы пераклад комплекса на рускую мову гл.: Авсоний. Стихотворения / Изд. подгот. М.Л.Гаспаров. М., 1993. С.105, 163–165; Симмах. Переписка с Авсонием / Пер. И.П.Стрельниковой // Памятники позднего античного ораторского и эпистолярного искусства II–V века. С.205–211.

⁸ Уколова В. И. Поздний Рим: Пять портретов. М., 1992. С.28.

Е.Е.БАРСУК

РАССУЖДЕНИЯ РОБИНА ДЖОРДЖА КОЛЛИНГВУДА (1889–1943) ОБ ИСТОРИИ

Известного английского ученого с полным правом можно назвать историком философии и философом истории. Он стремился связать философское осмысление истории с практикой исторического исследования. По его мнению, главная задача философии XX в. состоит в том, чтобы отдать должное истории. Ученый считал целью своей жизни исследование истории мысли, а главный его труд называется "Идея истории".

Первый урок по истории он извлек в юности из "Начал философии" Декарта. Тогда же будущий историк сделал для себя открытие: «науки имеют свою историю и те знания, которые в них содержатся, утвердились не по-

тому что кто-то открыл истину после долгих заблуждений, а потому что изменились другие знания, считавшиеся истинными"¹.

Р.Дж. Коллингвуд получил отличное классическое образование. Интерес к классическим древностям привел его в Оксфорд, там он увлекся изучением философии, а также занимался археологией под руководством профессора Хаверфильда. В дальнейшем он сочетал исследование философских проблем с изысканиями по древней истории Британии. В 1923 г. выходит в свет его обобщающий труд "Римская Британия", а в 1930 г. – "Археология римской Британии", где впервые археологический материал был упорядочен по типологическим принципам, в основном им разработанным. Осуществляя замысел своего учителя Хаверфильда, Р.Коллингвуд создал полный "Корпус латинских надписей Британии", в котором разработал специальную технику воспроизведения надписей, где реализовал свои научные и художественные способности.

Ученый внес в философию истории, ее методологию много нового, конструктивного, хотя и не бесспорного. Так, Коллингвуд отстаивал необходимость скрупулезного изучения процесса социального изменения в противоположность поверхностному событийному повествованию, принятому в традиционной политической историографии. Историю как науку он считал попыткой ответить на вопрос о человеческих действиях, совершенных в прошлом.

Коллингвуд признавал наукой только критическую историю, т.е. критическое отношение к источникам и, по возможности, всестороннее рассмотрение предмета истории, а не компилятивную историю, основанную на свидетельствах авторитетов. Историю, конструируемую с помощью отбора и комбинирования свидетельств различных авторитетов, он называл "историей ножниц и клея", не признавая за ней права науки, так как в ней не соблюдаются основные условия научного знания. Компиляция как метод исторического исследования означает сводку готового знания, которое можно найти в источниках, тщательно порывшись в них, и обнародовать в своем научном труде.

А настоящее знание отличается, во-первых, тем, что оно выработано самостоятельным усилием разума исследователя, а не получено в готовом виде, во-вторых, оно обосновано логически, а не ссылкой на авторитеты, в-третьих, оно логически связано с остальной совокупностью научного знания, тогда как в исторической компиляции проявляется только связь тематическая и хронологическая. Историк обязан установить достоверность источников; в сущности, он сам решает, принять или отвергнуть сообщение источника. По мнению Коллингвуда, научное знание – результат интеллектуальных усилий исследователя истории, который и решает, что есть истина.

Решающую роль в становлении истории как науки сыграла археология, которую Коллингвуд назвал "методологической лабораторией исторического мышления"². Дело в том, что археологические исследования позволяют моделировать исторический процесс "без затемняющих деталей, привносимых письменностью"³. Здесь уже никак не скажешь, что историк просто заново пересказывает содержание древних текстов.

История полна загадок и тайн, для разгадки которых методы компилятивной историографии не годятся. Ведь настоящего исследователя-историка Коллингвуд сравнивает с детективом, проводит аналогию между историческим исследованием и детективным поиском преступников⁴. Это наглядно демонстрирует различие между историческим исследованием, которое проводит подлинный ученый, и историей "ножниц и клея", даже если она включает критику источников.

Коллингвуд проводит параллель между историческим исследованием и расследованием преступлений и для того, чтобы показать, что в научной истории не существует исчерпывающих исторических источников, а есть только "фактические данные", которые станут таковыми в процессе интерпретации, если исследователь умеет применять "логику вопроса и ответа"⁵.

Он должен выстроить своеобразную лесенку логических вопросов и правильно на них ответить. Стоит задать не "тот" вопрос и весь процесс поиска окажется безрезультатным. Значимость "того" вопроса определяется его логической эффективностью, которая позволяет продвинуть исследование на более высокую ступень.

Решающий и весьма ценный пункт методологической доктрины Коллингвуда выражен в тезисе – история есть наука, равная естественным наукам. Он неоднократно подчеркивает общность логико-методологической процедуры в естествознании и истории⁶. Принципы научной методологии, сформулированные Бэконом и Декартом, относятся и к исторической науке. История есть дело систематического мышления, а не бездумного повторения чужих суждений, даже выдержавших критическую проверку. Это положение ученого, безусловно, верно, чего нельзя сказать о других, например о постоянном подчеркивании познавательной активности субъекта исследования. Здесь велика опасность превращения интерпретации событий в субъективизм, смешивания фактов со своими домыслами. Коллингвуд также делает упор на выявлении индивидуального в историческом действии, хотя и говорит о необходимости исследования всего процесса. Кроме основных положений философско-методологических аспектов истории, ученый затрагивает и философско-гносеологические.

Коллингвуд считает, что историк в событиях прошлого должен различать внешнюю и внутреннюю стороны⁷. Под внешней стороной он понимает переходящие факты, а под внутренней – их компетентную интерпретацию или то, что может быть "описано с помощью категорий мысли". Историк никогда не занимается только одной стороной события, исключая другую. Его работа может начаться с выявления внешней стороны, но она никогда этим не заканчивается. Историк всегда должен помнить, что его задача – проникнуть в действие и познать мысль того, кто совершил это действие. Таким образом, ученый приходит к выводу, что предметом истории является мысль, а сама история есть история мысли. Так как исторический процесс – не последовательность простых событий, а последовательность действий, обусловленных процессом мысли, то для истории объектом, подлежащим открытию, оказывается не просто событие, а мысль в нем выраженная⁸. События интересуют историка в той мере, в какой раскрывают перед ним мысль – предмет поиска. Открыть мысль – значит понять, но понять ее можно, только воспроизведя в собственном сознании. Ученый не просто воспроизводит мысли прошлого, а воспроизводит в контексте собственного знания, а потому он их критикует, оценивает, исправляет замеченные ошибки. Имена и даты описания – всего лишь скелет, который когда-нибудь сможет стать подлинной историей, если найдется человек, способный облечь их в мысли.

Коллингвуд особо выделяет категорию цели⁹. Исторические повествования говорят нам о целенаправленной деятельности, свидетельствами которой являются остатки прошлого, если историк сможет понять их предназначение, т.е. определить их цель. Важное значение в этом имеет археология. Археолог находит массу вещей – монеты, осколки керамики, камни, цемент. Он сможет их использовать как исторические источники только в том случае, если поймет их назначение. Археологу они – остатки зданий, домашняя утварь, средства обмена – раскрывают прошлое. Следовательно, предметом исторического познания являются только целесообразные действия людей. На наш взгляд, анализировать целесообразность в истории очень важно, но возникает вопрос: достаточно ли одного знания целей, чтобы уловить связь и смысл исторических событий. Исторические источники, не осмысленные историками и людьми, их оставившими, не будут иметь подлинной научной ценности. Вряд ли кто будет спорить с утверждением Коллингвуда, что история представляет собой процесс, который развивается по законам диалектики, а не внешнюю последовательность событий.

Для Коллингвуда познание – движение мысли от неизвестного к известному. Неясные предметы, заставляя нас думать интенсивней и последова-

тельной, обостряют ум и позволяют рассеять облака предрассудков и суеверий. Историк – это человек, задающий вопрос о прошлом. Но ученый не согласен с тем, что эти вопросы о прошлом не могут относиться к настоящему. Он утверждает, что история не может ответить на вопросы о прошлом, не располагая свидетельствами об этом прошлом. А эти свидетельства должны существовать в настоящем. Предположим, что произошло какое-то событие, не оставив после себя никаких следов. Тогда, как же люди в будущем смогут узнать о нем?

Приоритетной для Коллингвуда является идея живого прошлого. Она и составляет первый принцип его философии истории. Прошлое, изучаемое историей, по его утверждению, не является мертвым, а в некотором смысле живущим в настоящем, ибо история имеет дело не с событиями, а с процессами, которые не начинаются и заканчиваются, но превращаются друг в друга¹⁰. Начинаются и заканчиваются исторические труды, но не события, о которых они рассказывают. Таким образом, Коллингвуд делает вывод: задача истории – говорить людям не только о прошлом, но и о настоящем постольку, поскольку прошлое сокрыто в настоящем и представляет собой его часть, не сразу заметную. В этом смысле история тесно связана с настоящей практической жизнью.

Второй принцип концепции Коллингвуда призван ответить на вопрос: как познать мысли, зная, что вся история есть история мысли? Необходимо их воспроизвести в уме историка, отвечает ученый. Этот принцип сформулирован таким образом: "Историческое знание – воспроизведение в уме историка мысли, историю которой он изучает"¹¹. В познании огромную роль играют рефлексия мысли, критическое мышление и воображение исследователя. Но возникает сложная проблема: как в таком случае история сможет остаться подлинной наукой, т.е. давать знания о подлинном прошлом, а не о мышлении историка, выдаваемом за историческую реальность? Коллингвуд нашел решение: нужно не просто воспроизвести исторический факт, переосмыслить его заново, а понять, какая новая проблема возникает из столкновения нового опыта с прежним знанием, оценить его с позиций нового. Это и будет научное знание.

Третий исследовательский принцип Коллингвуда: "историческое знание – это воспроизведение прошлой мысли, окруженной оболочкой и данной в контексте мыслей настоящего"¹². Процедура воспроизведения имеет рациональный смысл и оправдывает себя в исследованиях истории культуры, прежде всего духовной, чего никак нельзя сказать о других областях исторических знаний, например о социально-экономической истории, где нужны строго определенные понятия и типологии.

В заключение отметим, что в исследованиях Коллингвуда затронуты важнейшие проблемы исторических знаний, а защиту им рационализма в науке и его убеждение в высоком предназначении труда историка нельзя не уважать. "История предлагает нам нечто, совершенно отличное от правил, а именно внутреннее проникновение в явление, она и может оказать нам большую помощь в диагностике наших моральных и политических проблем"¹³.

¹ Коллингвуд Р. Дж. //Идея истории. Автобиография. М., 1980. С.322.

² Киссель М. А. // Там же. С.453.

³ Там же. С.454.

⁴ Там же. С.253.

⁵ Там же. С.260.

⁶ Гл.: Collingwood R. G. Essay on Metaphysics. London, 1970.

⁷ Коллингвуд Р. Дж. // Идея истории. С.203.

⁸ Там же. С.204.

⁹ Киссель М. А. // Там же: С.446.

¹⁰ Там же. С.378.

¹¹ Там же. С.386.

¹² Там же. С.388.

¹³ Там же. С.380.

И.В.ВАСИЛЕВСКАЯ

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СМЕРТИ В АНТИЧНОЙ ФИЛОСОФИИ

Античная культура, утверждающая гармонию с Космосом, единство человека и общества, призывала к ровному, мужественному отношению к смерти, пониманию ее как естественного завершения жизни. Смерть легальна, закономерна, и принимать ее нужно с той же терпеливостью, как и все прочие события жизни.

Среди философских представлений о смерти данной эпохи можно выделить два основных подхода к пониманию ее сущности. "Физическое" понимание смерти связано с представлениями о ней как о полном уничтожении, разложении и души, и тела, подразумевающее, что души также тленны. "Метафизическое" понимание смерти предполагает качественное различие души и тела, наделение души тем или иным родом бессмертия.

Античные мыслители, "физически" воспринимавшие смерть как полное исчезновение человека, переход к состоянию небытия, часто приводили в качестве примера то состояние, в котором человек находился до рождения. "Тебя не будет, как не было раньше. Время и до нас, и после нас не наше. <...> Смерть — это небытие; но оно же было и раньше, и я знаю, каково оно: после меня будет то же, что было до меня. <...> Разве глупо думать, будто погашенной свечильне хуже, чем до того, как ее зажгли? Нас тоже зажигают и гасят: в промежутке мы многое чувствуем, а до и после него — глубокая безмятежность. ... Вот в чем наше заблуждение: мы думаем, будто смерть будет впереди, а она и будет, и была"¹.

Небытие обладает не меньшей притягательной силой, чем жизнь. Небытие как полная пустота, отрицание, отсутствие означает не только пребывание вне страданий и зла, но и вне способности ощущать и осознавать эти страдания. Идеал безмятежности духа, к которому стремится мудрый при жизни, позволяет позитивно оценивать и абсолютную безмятежность, которую дарует небытие, разом кладущее конец всем терзаниям плоти и душевным страстям. Более того, презрение к жизни, которое могут испытывать мудрые, вызванное наблюдением одних и тех же ситуаций и явлений, в ряде случаев также делает смерть желанной. Своего предела эта мысль достигает в описании так называемой "скуки бессмертия", присущей, возможно, некоторым из богов². На их удел выпадают не только бесконечные наслаждения, но и вовлеченность в постоянно повторяющиеся ситуации и переживания, что постепенно притупляет остроту восприимчивости и лишает жизнь новизны и яркости.

Близко к такому пониманию и представление о смерти как о природном явлении, имеющем в прямом смысле физическую основу. Здесь смерть предстает в качестве распада на первоэлементы, атомы, и означает

возвращение в природу, к тому состоянию, из которого мы когда-то вышли. "...Ничто исчезающее с наших глаз не уничтожается – все скрывается в природе, откуда оно появилось и появится снова. Есть перерыв, гибели нет. <...> Всмотрись в круговорот вещей... в этом мире ничто не уничтожается, но только заходит и опять восходит"³. "...Зная, что мы сотворены из смертной материи и что краток срок жизни, предназначенной каждому, она [природа] устроила так, что гибель одного служит рождению другого. Умершее она соразмерно возмещает рождающимся, чтобы мы вечно жили, сменяя друг друга"⁴.

Круговорот рождений и смертей составляет необходимую часть природных процессов в целом, поэтому смерть так же естественна и необходима, как и рождение. Страх перед смертью коренится в неизвестности, но у нас нет разумных причин следовать мнению глупцов и бояться умереть. Естественность смерти – самый сильный аргумент в пользу того, чтобы сохранять спокойствие по отношению к ней. Одно из благих преимуществ мудрости состоит в том, чтобы познать неизбежное и не противиться ему.

Таким образом, бояться нечего, ибо в небытии нас, чувствующих и сознающих, уже не будет, а для души, если она бессмертна, перемена, которую несет с собой смерть, — к лучшему.

В основе метафизических представлений о смерти лежит качественное различие души и тела, подразумевающее, что смерть подвергает уничтожению лишь тело, а душа, расставшись с ним, продолжает существовать. В таком контексте возникает идея о том, что тело является оковами, темницей или могилой души. Намеченная в орфико-пифагорейской традиции, в последующем эта идея развивалась в философии Эмпедокла, Филолая, Платона, Лукиана, Сенеки. "Я не так мал и не для такой малости рожден, чтобы быть только рабом своему телу, — на него я гляжу не иначе как на цепь, сковавшую мою свободу"⁵. "Смерть — освобождение и отделение души от тела"⁶. "...Тело, или плоть... подобно могильной плите... скрывающей погребенную под ней в этой жизни душу"⁷.

Именно то, что больше всего любит и ценит мудрый, — разум, свободный от ограничений тела, можно обрести после смерти: "лучше всего мыслит (душа) ...когда ее не тревожит ничто... ни слух, ни зрение, ни боль, ни удовольствие, когда, распроставшись с телом, она остается одна, или почти одна, и устремляется к подлинному бытию. <...> У нас будет то, к чему мы стремимся с пылом влюбленных, а именно: разум, но только после смерти... при жизни же — никоим образом"⁸.

По мнению Платона, само занятие философией означает непрерывное размышление о смерти и научение умиранию. "Те, кто подлинно предан философии, заняты, по сути вещей, только одним — умиранием и смертью"⁹.

Несколько другой аспект данной идеи представлен в этических сочинениях Аристотеля. В целом не разделявший и критиковавший учение Платона о бессмертии души, Аристотель выработал собственное представление о различии ума и души, в результате чего пришел к идее о бессмертии ума¹⁰.

Но, как бы то ни было, для дальнейшей судьбы души первостепенную роль играет тот образ жизни, который человек вел здесь, на земле. "Смерть — ...разделение души и тела, и когда они таким образом разделятся, каждая сохраняет и природные свойства, и все следы лечения и недугов. <...> То же самое происходит и с душой. <...> Когда душа освободится от тела и обнажится, делаются заметны все природные ее свойства и все следы, которые человек положил на душу каждым из своих занятий"¹¹.

Добродетели, в которых мудрый возрастал при жизни, останутся в его душе и после смерти, а глупцы, растратившие себя в праздности, суете и пустых развлечениях, окажутся даже более нагими и нищими, чем на момент рождения¹².

В данную эпоху сформировалось представление о смерти как об освобождении. Причем речь шла не только и не столько об освобождении пленницы-души из темницы тела. И не только о возможности с помощью размышлений о смерти обесценить повседневную суету, заботы о тленном. Первостепенным в этом представлении оказался мотив, связанный с полным, тотальным, безразличным к обстоятельствам освободительным прикосновением смерти, делающей равными состоятельного и нищего, раба и господина, юношу и старика... "Смерть не есть зло. ...Что она такое? — Единственное, в чем весь род людской равноправен"¹³.

Сводная от тягостной специфики христианских догматов о греховности и воздаянии античности смерть — от болезни до более поздней ли, от старости или в бою — как естественное завершение жизни, которое, как и все прочее, необходимо принимать с мужественным достоинством: "...пройти в согласии с природой эту малость времени и расстаться кротко, как будто упала зрелая уже оливка, благословляя выносившую ее ветвь и чувствуя благодарность к породившему ее дереву"¹⁴.

Смерть способна оградить нас от таких постоянно угрожающих опасностей, как болезни, заключение в тюрьму или в рабство, от нищеты, наконец, от самой возможности умереть. "Я умру? Но это значит, я уже не смогу заболеть, не смогу попасть в оковы, не смогу умереть! <...> Смерть настолько не страшна, что благодаря ей ничто для нас не страшно. <...> "Размышляй о смерти!" — кто говорит так, тот велит нам размышлять о свободе. Кто научился смерти, тот научился быть рабом. Он выше всякой власти и уж наверняка вне всякой власти. Что ему тюрьма, и стражи, и запоры? Выход ему всегда открыт! Есть лишь одна цепь, которая держит его на привязи, — любовь к жизни"¹⁵.

Осознание неизбежности смерти связано также с оценкой качества жизни. Ценна не просто жизнь, не долгая жизнь, но жизнь достойная, воплощающая истинные ценности, содержание которой составляет восхождение к подлинным благам и отказ от заблуждений разума, суетных желаний повседневности, от чрезмерной заботы о плотском. "Полная жизнь всегда долгая, а полна она, если душа сама для себя становится благом и сама получает власть над собою. <...> Постарайся, чтобы жизнь наша, подобно драгоценностям, брала не величиной, а весом"¹⁶. "...Всего более нужно ценить не жизнь, как таковую, но жизнь хорошую.<...> Не нужно цепляться за жизнь... нужно искать способ провести дни и годы... самым достойным образом"¹⁷.

Античность принимает естественную неизбежность смерти, распространяя такое отношение на вопросы, смежные с ней, в том числе на самоубийство. Желание покончить с собой, основанное на пресыщенности жизнью, которое испытывают, как правило, глупцы, либо на свойственной мудрым усталости от вновь и вновь повторяющихся хорошо знакомых явлений, — недопустимо, поскольку и жизнь, и смерть необходимо принимать терпеливо.

Достойным оправданием самоубийства может служить неизлечимая болезнь либо угроза чести, воспрепятствовать которой может лишь смерть¹⁸. Тем не менее даже такая мотивация самоубийства признается не всеми. Аристотель, например, утверждает: "Умирать, чтобы избавиться от бедности, влюбленности или какого-нибудь страдания, свойственно не мужественному, а скорее трусу, ведь это изнеженность — избегать тягот, и изнеженный принимает [смерть] не потому, что это хорошо, а потому, что это избавляет от зла"¹⁹. Кроме того, по его мнению, самоубийство — неправомерность и бесчестие по отношению к государству, предательство сограждан и отрицание своего долга перед ними²⁰. Интересы государства могут оказаться выше ценности жизни отдельной личности. Справедливость и долг являются теми ценностями, которые в ситуации выбора между собственной жизнью и доблестью в сражении отдают преимущества последнему. Стремление выжить, сохранить свою жизнь во что бы то ни стало, является

бесчестным и недостойным гражданина: "... и в решительный миг не бояться за свою жизнь, полагая, что недостойно любой ценой остаться в живых"²¹. Отечество может потребовать твоей смерти в бою, и твой долг перед ним — принять эту смерть достойно"²².

Такое восприятие отношений между обществом и личностью возможно и благодаря особому взгляду на жизнь, ее оценке со стороны качества, нежели продолжительности. Жизнь как таковая не является абсолютным благом, а потому желание сохранить ее любой ценой, во что бы то ни стало, отнюдь не добродетельное поведение. "Жизнь есть не благо и не зло, а только вместительница блага и зла"²³. Человек сам выстраивает ее либо в соответствии со стремлением к благу и добру, либо ко злу, и наполняет либо одним, либо другим. Более того, жить только ради продления жизни — значит не жить вовсе, но лишь "долго умирать", влача жалкое существование, и терпеть презрение со стороны окружающих.

Так и смерть как явление, взятое само по себе, не есть зло. Смерть находится по ту сторону добра и зла, и если и несет с собой страдания и ужас, — то это вина умирающего либо его близких, скорбящих о нем. "Смерть не есть зло. <...> Смерть стоит за пределами зла... если и есть в этом деле что-нибудь неприятное и страшное, то виноват умирающий, а не смерть"²⁴. Но горечь утраты близкого человека или страх перед собственной смертью преодолимы, и лучшим лекарством против них является занятие философией, основанной на утверждении в безмятежности и стремлении к благу.

Более того, в действительности смерть постоянно присутствует в жизни, само рождение — первый шаг к ней, и каждый день, уходящий в прошлое, принадлежит смерти: "...и нынешний день мы делим со смертью. <...> Последний час, в который мы перестаем существовать, не составляет смерти, а лишь завершает ее: в этот час мы пришли к ней, — а шли мы долго"²⁵. Смерть может наступить в любой момент, это ее постоянное "присутствие в отсутствии" создает особое напряжение, заставляя жить с максимальной интенсивностью и отдачей, не уставая совершенствовать душу в стремлении к благу.

Такое примирение со смертью, которое просматривается в античной татологии, призвано служить прежде всего борьбе со страхом перед смертью, "отовсюду угрожающей нам, ибо нет такого места, откуда бы она не могла явиться"²⁶. "Против всего можно добыть себе безопасность, а что касается смерти, мы, все люди, живем в неукрепленном лагере" (Эпикур). Страх смерти неразумен, иррационален, наносит вред должному безмятежному состоянию духа: "...ни младенцы, ни дети, ни повредившиеся в уме смерти не боятся, и позор тем, кому разум не дает такой же безмятежности, какую дает глупость"²⁷. Спротивляясь неизбежному, человек растрачивает себя, свою жизнь, вместо того, чтобы обратиться к истинным заботам — заботам о своей душе. Смерти избежать нельзя, и время ее прихода неизвестно. Эти два факта несомненны, с ними необходимо смириться, не забывая о своей ответственности, проживая каждый свой день так, словно он последний, — не оставляя долгов и незавершенных дел.

Уже в этот период складывается представление о смерти как о вершине, зените жизни, ключевом моменте, который расставляет по местам все жизненные события и придает ей ту окончательность, завершенность и цельность, к которой всегда стремился человек. Именно перед лицом смерти четко проявляются все те ценности, которым следовал человек, становятся ясными его подлинные победы и достижения. Преходящие слава и почет так же кратки и несовершенны, как и человеческая жизнь, поэтому не стоит полагаться на них. "Отбрось людское мнение: оно всегда ненадежно и двойственно. <...> Смерть вынесет тебе приговор. <...> Подоспеет конец, — тогда и станет ясно, что ты успел. <...> Смерть покажет, чего я достиг, ей я и поверю"²⁸.

Провозглашенная античными мыслителями борьба против страха смерти апеллирует прежде всего к разуму человека, к необходимости сознательной выработки спокойного, мужественного отношения ко всем жизненным событиям, в том числе – к финальному.

Кроме того, смерть может быть желанным избавлением от страданий и нищеты, от страстей и страхов. Идеал духовной безмятежности изменяет и оценку абсолютной безмятежности небытия, придавая ему особый смысл ситуации не только неизбежной, но и в определенной степени желанной.

Таким образом, в качестве основных подходов к пониманию человеческой смерти в период античности можно выделить следующие. Во-первых, представления о смерти как «физическом», природном процессе, суть которого заключается либо в полном уничтожении человека, поглощении бытия небытием, либо в распадении человеческого существа на составные элементы, атомы, что обеспечивает «сохранение вещества» в природе и призвано поддерживать круговорот рождений и смертей. Во-вторых, «метафизическое» понимание смерти, подразумевающее качественное различие души и тела, где тело по своей сути тленно и подвержено смерти, а душа бессмертна и после освобождения от тела продолжает жить либо в специальном месте (как, например, Аид, Острова Блаженных, Тартар), либо способна вновь родиться в новом теле.

Античная мудрость, еще не знавшая христианских тревог, связанных с загробным существованием человека, с равным спокойствием готова принять небытие или возможность бессмертия души.

¹ Сенека. Нравственные письма к Луцилию. М., 1977. С.146; 107.

² См.: Лукиан. Избр. произв. М., 1991.

³ Сенека. Указ.соч. С.87.

⁴ Лукиан. Избр. произв. С.387; 444.

⁵ Сенека. Указ.соч. С.125.

⁶ Платон. Собр.соч. В 3 т. М., 1968–1970. Т.2. С.26.

⁷ Там же. Т.1, С.438.

⁸ Там же. Т.2. С.23,25.

⁹ Там же. С.21.

¹⁰ Аристотель. Соч. В 4 т. М., 1983. Т.4. С.17.

¹¹ Платон. Собр.соч. Т.1. С.36.

¹² См.: Лукиан. Избр. произв. С.379–380.

¹³ Сенека. Указ.соч. С.260.

¹⁴ Марк Аврелий Антонин. Размышления. Л., 1985. С.22.

¹⁵ Сенека. Указ.соч. С.69;67;73.

¹⁶ Там же. С.64;117;205.

¹⁷ Платон. Собр.соч. Т.1. С.122; 347.

¹⁸ Там же. С.122; Т.2. С.14.

¹⁹ Аристотель. Соч. Т.4. С.111.

²⁰ Там же. С.169.

²¹ Там же. С.133.

²² Платон. Собр.соч. Т.1. С.126; См.: Аристотель. Соч. Т.4. С.109.

²³ Сенека. Указ.соч. С.212; См.: Платон. Собр.соч. Т.1. С.239.

²⁴ Сенека. Указ.соч. С.260; См. также: С.78, 87,143.

²⁵ Там же. С.69.

²⁶ Там же. С.139.

²⁷ Там же. С.87.

²⁸ Там же. С.72–73; См. также: Марк Аврелий Антонин. Размышления. С.18, 21.

Т.Г.РУМЯНЦЕВА

ОБОСНОВАНИЕ НОВОГО ТИПА МЕТАФИЗИКИ В «КРИТИКЕ ЧИСТОГО РАЗУМА» И.КАНТА

С конца XIX в. в западноевропейской историко-философской традиции осуществляется выяснение философско-эвристического статуса «Критики чистого разума» в контексте проблемы первенства двух кантовских «Критик» – «Критики чистого разума» и «Критики практического разума». Особый масштаб данной дискуссии придавала полемика между представителями

Марбургской и Баденской школ неокантианства. Так, баденцы (Виндельбанд и Риккерт) настаивали на ведущей роли «Критики практического разума», апеллируя к тому, что заслуги Канта в области этики не менее велики, чем в гносеологии, и что именно его интерес к этической проблематике наряду с теми трудностями, с которыми он столкнулся на пути их решения, и побудили его написать «Критику чистого разума». Акцентировалось и то, что замысел «метафизики нравственности» возникает у Канта еще в 60-х гг. XVIII в. задолго до формирования его гносеологических интересов, которые во многом оказались подчинены этическим исследовательским установкам.

Уже в XX в. ряд мыслителей вновь возвращается к предмету этого спора, пытаясь выйти за рамки марбургско-баденской дискуссии. Большинство новых интерпретаций, хотя и отводило «Критике чистого разума» центральное место в учении Канта, призывало рассматривать ее в неразрывной связи с двумя его другими «Критиками», акцентируя глубокую и органическую взаимосвязь всех трех фундаментальных трудов Канта (третьей его фундаментальной работой является «Критика способности суждения»). Несколько особняком располагается интерпретация М.Хайдеггера, согласно которой, несмотря на признание ведущей роли именно «Критики чистого разума», сама она рассматривается как текст, ничего общего не имеющий с проблемами гносеологии, а являющийся попыткой разработать основы *метафизики* в качестве фундаментальной *онтологии*.

«Критика чистого разума», посвященная определению и оценке источников, принципов и границ научного знания, была опубликована Кантом в двух изданиях – 1781 и 1787 гг., причем издание 1787 г. в текстуальном плане существенно отличалось от предыдущего, на что впервые обратили внимание еще Шеллинг и Якоби. По этому поводу в истории философии зафиксировано несколько различных объяснений, в частности нелепые и даже грубые толкования Шопенгауэра, обвинившего Канта в том, что во втором издании последний скрыл и затемнил свои прежние основные убеждения, исказив собственное произведение из страха перед людьми. Достаточно субъективным выглядит и объяснение Хайдеггера, посчитавшего, что во втором издании Кант отступил от сделанного им в первой версии «Критики чистого разума» открытия, «перетолковав» и «оттеснив в пользу рассудка» роль и значение *трансцендентального воображения*, преподав в результате совершенно по-новому *трансцендентальную дедукуцию*. Существует соответствующее объяснение и самого Канта – то, которое он сделал в предисловии ко второму изданию «Критики чистого разума». Философ утверждал, в частности, что во втором издании он воспользовался случаем, чтобы по возможности «уменьшить затруднения и неясности при оценке книги»; в то же время в самих положениях и доказательствах, а также в форме и обстоятельности плана сочинения он не нашел ничего, подлежащего изменению. Как объяснял Кант, он «попытался... сделать улучшения, которые должны устранить, во-первых, недоразумения в эстетике, особенно в понятии времени; во-вторых, неясности в дедукции понятий рассудка; в-третьих, мнимый недостаток очевидности в доказательствах основоположений чистого рассудка и, наконец, в-четвертых, недоразумения по поводу паралогизмов, в которых я упрекаю рациональную психологию. Изменения, произведенные мной в изложении, простираются только до этого места (именно только до конца первой главы «трансцендентальной диалектики», но не далее)». Кант говорит и о некоторой потере, связанной с этими улучшениями, которую, однако, была призвана восполнить большая понятность изложения. По мнению Кассирера, основным побудительным мотивом к переработке Кантом первого издания «Критики чистого разума» стала рецензия Гарве-Федера, вынудившая его со всей строгостью и резкостью отделить его трансцендентальный идеализм от идеализма психологического, определенно переместив при этом центр тяжести с *трансцендентальной аналитики* субъективной дедукции на «объективную дедукуцию»,

показав тем самым, что главный вопрос всей «Критики чистого разума» состоит в том, как и при каких условиях возможен *предмет опыта*, а не как возможна сама «способность мыслить»². Поскольку сам Кант писал об этом еще в предисловии к первому изданию, можно вполне согласиться с Кассирером, отвергающим какие-либо «отступления» со стороны Канта от ранее сформулированной им интеллектуальной позиции. Видимо, правомерно полагать, что Кант сохранил ядро своего учения о трансцендентальном воображении и во втором издании, несколько не модифицируя соответствующую главу о схематизме и оставляя ее на том же центральном и решающем месте в архитектонике «Критики чистого разума».

Во второй половине XX ст. различными философами не раз поднимался также вопрос о неаутентичности второго издания и, следовательно, о необходимости возврата к первоначальной версии «Критики чистого разума» образца 1781 г. Основной предпосылкой такой идеи выступило, видимо, то обстоятельство, что читающий мир действительно долгое время знакомился с этим произведением лишь по второму изданию. Неподдельный интерес к тексту первого издания можно объяснить как естественное стремление философски образованного читателя проникнуть в подлинные глубины лаборатории кантовской мысли, проследив процесс вызревания его понятийной систематики, постоянно приобретающей все более строгие и отчеканенные формы. Сегодня и в границах современной западной, и в рамках новейшей отечественной философии имеет место вдумчивый компаративный анализ обеих версий указанной работы. Все же чаще «Критика чистого разума» публикуется по второму изданию (1787), а все разночтения первого издания по сравнению со вторым приводятся в подстрочных примечаниях, чтобы дать читателю возможность сравнить тексты обоих изданий.

Особенности стиля «Критики чистого разума» обуславливаются тем, что начиная с 70–80-х гг. происходит глубокое и решительное изменение в манере письма философа. Свободный полет воображения, интеллектуальной грации и остроумия, которыми так отличались его работы докритического периода, — «Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного» (1764), «Грезы духовидца, поясненные грезами метафизики» (1766), как и более ранние работы середины и конца 50-х — сменяются более строгим и даже тяжеловесным изложением, отличающимся излишне «школьной» серьезностью, точностью терминологии, жестким членением понятий. Сам Кант прекрасно осознавал трудности восприятия его текстов, о чем свидетельствует завершающая часть его предисловия к первому изданию, где он пишет, что «читатель имеет право требовать прежде всего *дискурсивной* (логической) ясности посредством *понятий*, а затем также *интуитивной* (эстетической) ясности посредством *наглядных представлений*, т.е. примеров или других конкретных пояснений». Однако сам он считал главной целью достижение первого рода ясности — ясности, которая «случайно была причиной того, что я не мог в достаточной степени удовлетворить второму, правда, не столь строгому, но все же законному требованию». Масштабы поставленной им задачи показали ему очень значительными и потому требующими даже в «сухом, чисто *схоластическом* изложении» весьма значительного объема сочинения, так что Кант счел нецелесообразным «еще более расширять его примерами и пояснениями, которые необходимы только для *популярности*, между тем как моя работа не может быть приспособлена для широкого распространения, а настоящие знатоки науки не особенно нуждаются в этом облегчении». Более того, Кант не захотел рассеивать внимание читателя отдельными яркими деталями, примерами и другими пояснениями, боясь, что это помешает «обозревать целое» и «своими слишком яркими красками» затемнит ... «построение системы»³. Выбор стиля был, таким образом, сделан Кантом совершенно сознательно.

По структуре «Критика чистого разума» состоит из предисловий к первому и второму изданиям, введения, «трансцендентального учения о нача-

лах» как главной в содержательном отношении части текста, и «трансцендентального учения о методе» – фрагмента, указывающего путь к построению всей *системы трансцендентального идеализма*, в качестве своего рода *пропедевтики* к которой и задумывалась «Критика чистого разума». В свою очередь трансцендентальное учение о началах (или «элементах» в переводе Н.О.Лосского) подразделяется на две части – *трансцендентальную эстетику* и *трансцендентальную логику*, членимую затем на два отдела – *трансцендентальную аналитику* и *трансцендентальную диалектику*.

Главной темой «Критики чистого разума» выступает метафизика, а центральным вопросом всей книги становится, по сути, вопрос о том, возможна ли метафизика как наука? Следует отметить, что уже задолго до «Критики чистого разума», в своих ранних работах, Кант много размышлял над проблемами метафизики и метафизического *метода*, о соотношении последнего с методами математики и опытного знания; о способности *мышления* (в виде чистого логического *понятия* и *умозаключения*) выразить *структуру* действительности и т.п., что свидетельствовало о новой ориентации в его философском развитии. В «Грезах духовидца, поясненных грезами метафизики» Кант настойчиво проводит мысль о необходимости теоретической проверки метафизики и ее основных положений и, более того, в резко сатирической форме обыгрывает все ее понятия, дефиниции и цепи логических умозаключений. Творчество шведского мистика Сведенборга станет для Канта карикатурой на поиски «метафизики сверхчувственного мира», которой он и вынесет обвинительный вердикт, призывая людей науки полагаться исключительно на опыт. В письмах к Мендельсону (8 апреля 1766 г.) и к Ламберту (2 сентября 1770 г.) Кант рассуждает о необходимости нового определения метода метафизики, о необходимости превращения ее в действительную науку, которой должна предшествовать особая, чисто *негативная наука*, в которой будут определены значимость и границы принципов чувственности, дабы предотвратить их воздействие на суждения о предметах чистого разума. Это и составит предмет глубочайшей и напряженнейшей работы кантовской мысли в течение более чем десятилетия, когда пропедевтика метафизического мышления будет доведена им до истинной «подробности и очевидности». В письме к Герцу (21 февраля 1772 г.) Кант уже сможет подробно пояснить все то, что сделано им в направлении постижения объема и границ знания; далее Кант излагает подробный план работы, поэтому и принято полагать, что именно это письмо и датирует подлинное рождение «Критики чистого разума». Работа начинается с исследования понятия метафизики и тех судеб, которое оно испытало при смене времен. Претендуя на роль «царицы наук» и высшей инстанции для решения проблемы «бытия» и «истины», метафизика до сих пор, считает Кант, не достигла требуемой нормы достоверности внутри себя и в этом смысле, с точки зрения самой ее истории, она невозможна как наука. Однако, будучи необходима как «природная склонность», она не дает нам возможности отказаться от своих «проклятых» вопросов, и поэтому Кант сохраняет за ней статус науки, но уже не как дисциплины о вещах сверхчувственного мира, а в качестве науки о границах человеческого разума. Таким образом, Кант радикально изменил представления о самом предмете, сути и назначении метафизики: она не должна больше оставаться онтологией, т.е. рассуждать о бытии вообще, переходя от него к бытию отдельных конкретных вещей. В противовес всем предшествующим представлениям о метафизике он предложил собственную картину философии, концентрирующуюся вокруг *теории познания*. Каждое философское исследование, считал Кант, должно базироваться на критике или критическом исследовании самой нашей познавательной способности и тех границ, до которых простирается знание; отсюда разработке всех философских разделов должна предшествовать, по убеждению Канта, гносеология (данный

проект более тщательного изучения того, что мы можем знать и как мы можем знать путем изучения *способа* работы нашего ума, чаще всего называют «эпистемологическим»). Гносеология и становится у Канта таким критическим исследованием человеческих познавательных способностей. В предисловии ко второму изданию Кант четко зафиксировал свою точку зрения, противоположную всем предшествующим пониманиям метафизики, назвав ее «революцией образа мышления» и, более того, «коперниканским переворотом». Этот переворот, по Канту, утвердил в качестве исходного пункта не предмет познания, а специфическую закономерность самого познания, к которой и должна быть сведена определенная форма предметности. При этом, и речи не может быть о «субъективном» как индивидуальном и произвольном: сам разум и его необходимые общие законы служат своеобразным гарантом объективности нашего познания. В контексте понимания сути «коперниканского переворота» становится эксплицитно-проясненным и понятие трансцендентального, использованное Кантом для квалификационной метки своей философии, под которым он понимал каждое познание не столько предметов, сколько видов их познания, поскольку это познание должно быть возможным априори. Трансцендентальным Кант полагал лишь знание, вообще не имеющее эмпирического происхождения, но в то же время определенным образом относящееся к предметам опыта. Таким образом, из «царицы наук» метафизика, благодаря Канту, превратится в понятие «наиболее базисной дисциплины – дисциплины оснований» (Рорти), став «первичной» уже не в смысле «наивысочайшей», а в смысле «лежащей в основе». У нее не остается ни особой области исследования, ни особого круга содержаний и предметов, которые имманентно принадлежали бы ей одной. И все же этот новый предмет, который отошел к философии, – предмет, недоступный, по Канту, больше ни одной из наук, – был образован в виде так называемых оснований познания, и соответственно направленная на них дисциплина – теория познания – приобрела еще более незыблемый по сравнению с предшествующей метафизикой статус всеобъемлющей дисциплины, способной к открытию «формальных» (в XIX–XX вв. они будут называться по-разному – «феноменологические», «логические», «концептуальные») характеристик любой области человеческой жизни. Более того, именно благодаря ей все другие дисциплины будут приобретать свою легитимность. Во второй половине XX ст. тот статус философии, который она во многом приобрела благодаря «Критике чистого разума», подвергся многочисленным атакам (начиная с Хайдеггера и заканчивая Рорти, который стал критиком как самой идеи «теории познания», так и философии, в основе которой лежала занимающаяся «вечными вопросами» эпистемология). В контексте главного вопроса «Критики чистого разума» – о возможности метафизики как науки – Кант в заключительных разделах работы ответил на него резко отрицательно: метафизика невозможна как наука и не является ею в том виде, в котором она тогда существовала. Критика Кантом рациональной психологии, рациональной космологии и рациональной теологии, составлявших в совокупности существо прежней метафизики, показала ее научную несостоятельность из-за невозможности конститутивного применения трансцендентальных идей.

И сегодня философы обсуждают вопрос о вкладе Канта в развитие метафизики: высказал ли он свой приговор в ее адрес (навсегда «похоронив ее»), либо же сделал все, чтобы преобразовать метафизику и сделать ее наконец подлинной наукой, основанной на познании «чистых принципов» самого разума? Многие современники Канта восприняли «Критику чистого разума» как практически полное разрушение метафизики как таковой, и в этом, действительно, был определенный резон. Во-первых, его философия оказалась крайне критической как по форме (построению метафизики предшествовала критика самих ее возможностей), так и по содержанию. Будучи ядром всего кантовского учения, эта критика очень специфически повлияла на многие кантовские основополагающие тезисы и выводы, придав им чис-

то *негативное* звучание. (Имеются в виду и непознаваемость вещи в себе, и невозможность применения к ней понятий чистого рассудка, и невозможность конститутивного использования трансцендентальных идей, и исключительно негативный смысл, вкладываемый Кантом в понятие диалектики как «логики видимости». и противопоставление «вещи в себе» – явлению, теоретического разума – практическому, невозможность рациональной психологии, космологии и теологии и т.д. и т.п.) В самих своих результатах философия Канта оказалась, таким образом, по преимуществу критической. Во-вторых, Кант в значительной мере лишил метафизику многих испокон веков присущих ей тем и вопросов, сузив тем самым ее содержание. Многие исследователи вполне справедливо поэтому считают, что сама идея критики означала уже «смерть метафизики». И тем не менее, как это ни парадоксально, кантовская критическая философия открыла возможности для дальнейшего, более плодотворного развития метафизики. Отвергнув старую версию, Кант сохраняет ее в качестве конечной цели всей философии. Обсуждая вопрос о предмете метафизики, он по сути развивает саму ее систему, отводя «Критике чистого разума» место пропедевтики к этой науке. Однако на деле данная пропедевтика оказалась скорее мощным фундаментом, нежели робким введением, составив достаточно внушительную часть нового здания метафизики. Сам Кант полагал, что его критика представляет «архитектонику», т.е. исходящий из принципов полный план, с «ручательством за полноту и надежность всех частей этого здания» – систему всех «принципов чистого разума» (метафизика, по Канту, и есть также «знание из чистого разума в систематической связи»). Более того, он полагал, что критика чистого разума включает в себя все, что в конечном счете составляет содержание метафизики: «она есть полная идея трансцендентальной философии». Таким образом, метафизика у Канта должна была охватить вполне определенную область познания, границы которой никогда уже не будут подвержены каким-либо колебаниям. Он совершенно искренне был убежден в том, что благодаря его реформе метафизика сможет за короткое время «достигнуть такого успеха, что потомству останется только все согласовывать со своими целями – на дидактический манер, без малейшего расширения содержания». Источником познания здесь уже будут являться, согласно Канту, не предметы внешнего мира, а сам разум с его принципами. В результате, после изложения основных законов последнего, будут уже невозможны какие-либо новые открытия и метафизика будет приведена в неизменное состояние. По словам Фишера, «такого безопасного и хорошо определенного положения метафизика никогда не имела до Канта». Очевидно, конечно, что само понятие метафизики благодаря кантовской критике предстало совсем не в том виде, в каком оно понималось в эпоху Просвещения. Критическое обоснование придало ей абсолютно новый характер. Поставив в центр философии теорию познания и превратив метафизику в нечто такое, что возникает именно из эпистемологии (а не наоборот, как это представлялось до него), Кант перенес тем самым центр тяжести из системы в метод. «Эта критика, – писал он, – есть трактат о методе. А он – система самой науки». Вот почему решающей по значению, да и наиболее объемной частью всей философии Канта стало не доктринальное ее изложение, а основательное, систематически разработанное в плане архитектоники критическое введение в нее. В этом смысле между программными замыслами Канта и их действительным воплощением заметен значительный и отнюдь не случайный дисбаланс. Его программа была весьма внушительной и предполагала разработку полного очерка метафизической системы в совокупности пропедевтики, «метафизики природы» и «метафизики нравственности». В реальности все оказалось иначе: основную ее часть составила развитая в трех грандиозных трудах пропедевтика, рядом с которой очень скромно выглядят те фрагменты, которые должны были выступить основными ее содержательными блоками. Очень схематичны по форме и уж совсем не обоснованы и декларативны кантовские

рассуждения (в третьей главе трансцендентального учения о методе) под названием «архитектоника чистого разума». В ней еще и еще раз Кант излагает свой проект метафизики. Последняя в данном случае рассматривается им в качестве необходимого завершения всей *культуры* человеческого разума, – как нечто, лежащее в основе самой возможности некоторых наук (ибо она рассматривает разум со стороны его элементов и высших максим). Вновь Кант акцентировал ее скорее *негативный*, предупреждающий заблуждения, характер, ее роль своеобразной цензуры, обеспечивающей общий порядок и согласие в мире науки. В этом смысле он навсегда лишил метафизику того положения, на которое она так решительно претендовала во все предшествующие периоды своей истории. Все слова Канта о метафизике как о мировой мудрости, как и о том, от чего человеческий дух никогда не сможет отказаться, звучали и звучат малоубедительно. Они как бы отдают последнюю дань огромной эпохе в истории духа – эпохе метафизики, которая так и не вернулась, ибо Кант нанес ей сокрушительный удар.

¹ Кант И. Критика чистого разума. СПб., 1993. С.29.

² Кассирер Э. Жизнь и учение Канта. СПб., 1997. С.397.

³ Кант И. Указ.соч. С.15.

И.И.ШУМСКИЙ

ЭВОЛЮЦИЯ МОДЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В США В 80-е гг.

Социальную ситуацию, сложившуюся в США в 80-е гг., нельзя оценить однозначно. Политическое доминирование в это время неоконсерваторов объясняется во многом тем, что они сумели выйти за рамки традиционной социальной базы республиканской партии, расширив ее за счет новых средних слоев: инженерно-технического персонала, административно-технических работников, техников, интеллигенции сферы массовой информации, культуры и т.д. Привлечь на свою сторону новый средний класс неоконсерваторам удалось тем, что они обещали обеспечить уровень и условия жизни, соответствующие устремлениям этих социальных групп. В этот период произошла эволюция избирательной базы республиканцев-неоконсерваторов; их политики и идеологи оказывали определяющее влияние на процесс формирования стратегии государственного регулирования сферы социальных отношений.

Уже в конце 70-х гг. в кругах политического истеблишмента США стали преобладать настроения на ограничение вмешательства федерального правительства в социально-экономическую сферу, сокращение социальных расходов и перераспределение финансовых ресурсов государства на нужды экономики. (В качестве первоочередной задачи называлось обуздание инфляции, зависящей напрямую от бюджетного дефицита и социальных расходов). Смещению общественного сознания вправо способствовали нарастание кризисных явлений в экономике, углубление внутренних противоречий и сужение возможностей США на внешних рынках¹. Посему приход к власти республиканцев, активное ядро которых составляли неоконсерваторы, знаменовал собой не тактические перемены, а существенную переориентацию в общей стратегии, отразившую сдвиг вправо их позиции по ключевым вопросам внутренней политики. По мнению политолога Ю.А.Мельвиля, впервые за пятьдесят лет республиканцы попытались претворить в жизнь свою традиционную идеологическую программу, которая раньше так и оставалась всего лишь консервативным идеологическим лозунгом, но не была практическим руководством к действию².

Ядро неоконсервативной революции Р.Рейгана, наложившей свой отпечаток на многие стороны жизни американского общества, его политический и государственный механизм, составила неоконсервативная социально-экономическая программа. Разработанная крупнейшими центрами консервативной мысли, она основывалась на двух постулатах: необходимости свертывания государственного регулирования и сокращения роли государства в социальной сфере. Последнее предполагало значительное сокращение бюджетных ассигнований на социальные нужды, а также ликвидацию целого ряда программ, что было очевидным отходом от практики социальной

деятельности государства, сложившейся со времен «нового курса» Ф.Д.Рузвелта.

Государственные социальные программы имели двуединую цель: обеспечить долгосрочную стабилизацию экономики и социальной обстановки в стране. В отношении их целесообразности в послевоенные годы между демократической и республиканской партиями был достигнут консенсус. Этим можно объяснить относительно стабильный рост социальных расходов государства вплоть до конца 70-х гг., несмотря на чередование демократических и республиканских администраций и большинства в конгрессе.

Согласно статистике, в 1950 г. расходы федерального правительства на социальные программы составили 10 млрд долларов, а в 1980-м свыше 300 млрд долларов, увеличившись в реальном исчислении в девять раз (с учетом инфляции). Также значительно возросли и социальные расходы штатов и местных властей. Разводного в истории США уровня государственных затрат на социальные программы достигли в 1975 г. Они составили свыше половины федерального бюджета и двух третей бюджетов штатов, а в совокупности около 25 % ВВП.

Безусловно, объективный анализ содержания и направленности социальных программ, способ их осуществления не дает оснований для идеализации социальной деятельности государства. В большинстве социальных программ имело место несоответствие между декларированными целями и реальными результатами. Однако в целом неолиберальный блок социальных программ потребовал значительные средства из ВВП и создавал новый психо-социальный фон в обществе — «государство всеобщего благоденствия», — при котором стандарты жизни не сильно зависят от индивидуальной трудовой активности. Кроме того, неолиберализм стал создавать столь нехарактерный для протестантской морали интерналистско-иждивенческий стиль жизни американцев. В сочетании с блужданием других социокультурных проблем это стало приводить к разрушению традиционной модели «американского образа жизни» — «наличия равных возможностей для реализации заведомо неравных способностей».

Получив «неоконсервативную коррекцию» социальной политики, осуществляемая администрацией Р.Рейгана, включая и ее основной экономический параметр, была ориентирована на то, что повышение жизненного уровня населения позволит компенсировать сокращение социальных расходов администрации и расширит социальную базу неоконсерваторов. Речь шла о создании новой системы приоритетов социальной политики, изменении ее стиля и сущности. Директор Принстонского центра городских и региональных исследований Р.Натан так определил эти изменения: «Администрация Р.Рейгана в корне изменила направление американской внутренней политики как в области расходов федерального правительства, так и с точки зрения содержания и целей социальных программ»⁴. Главным тактическим направлением деятельности администрации стало сокращение по ее инициативе бюджетных ассигнований в 1982 г., проект которого был выдвинут вскоре после вступления Р.Рейгана в должность. Правительство предлагало уменьшить расходную часть бюджета на 48,6 млрд долларов в основном за счет затрат на социальные нужды: ограничению подлежало 300 программ. Конгресс одобрил сокращение на 35,2 млрд долларов по 250 программам. Был отменен гарантированный минимум пособий наиболее нуждающимся, на 27% сокращено финансирование программ помощи бедным семьям, иждивенцам на иждивении детей, на 32% — программ, предоставляющей помощи, на 39% — помощи за обеспечение электроэнергией; на 6% — расходов на оплату медицинского обслуживания престарелых («Медикер») и на 14% — медицинского обслуживания малоимущих («Медикид»)»⁵.

Кроме того, администрация Р.Рейгана ужесточила условия получения социальной помощи нуждающимися. Был значительно сужен круг ее получателей и увеличены размеры налоговых отчислений от их заработков.

Вся совокупность социально-экономических мероприятий администрации была направлена на достижение стимулирования деловой активности и увеличение потока внутренних инвестиций в американскую экономику. Однако кроме тотальных сокращений социальных программ, выявились и иные аспекты социальной политики администрации, которые, пожалуй, и составляют сущность модели неоконсерватизма.

В качестве неоконсервативной альтернативы социальной помощи государства малоимущим слоям населения администрация Р.Рейгана предложила программу создания «городских предпринимательских зон». На практике это означало проведение политики привлечения частного капитала для развития районов экономического и «социального бедствия». Привлечение капитала осуществлялось за счет предоставления предпринимателям разнообразных льгот, и прежде всего – налоговых. Всего администрация планировала создать более 500 предпринимательских зон как за счет федеральных властей, так и за счет властей штатов. О значимости данного проекта для неоконсерваторов свидетельствует тот факт, что президент и его администрация, начиная уже с 1981 г., активно выступали в конгрессе США с требованиями конституировать программу на федеральном уровне. Р.Рейган счел необходимым посвятить ей часть своего первого послания конгрессу «О положении в стране» 20.01.1982 г. Неоднократно он возвращался к этой теме и впоследствии, предлагая программу создания «городских предпринимательских зон» в едином пакете с концепцией «нового феде-⁶рализма».

Кроме названной программы, под новую социальную политику администрации был разработан ряд законопроектов, внесенных в конгресс на протяжении 1981–1985 гг. Один из них – проект закона «О создании рабочих мест и предпринимательских зон в городах». В соответствии с постулатами теории экономики предложения, которая является основой неоконсерватизма, сторонники программы «городских предпринимательских зон» (конгрессмен Дж.Кемпл, сенатор Р.Доул, Р.Бошитц и др.) считали, что налоговые льготы сами по себе являются достаточным стимулятором экономического возрождения пришедших в упадок районов и облегчают участь их обитателей привлечением частного капитала. Соответственно, по логике развития системы, резко уменьшается потребность в предоставлении им государственной социальной помощи.

Второй социально значимой инициативой администрации, в дополнение к плану о создании «предпринимательских зон», был закон «О заработной плате», облегчавший возможности трудоустройства молодежи. В законопроекте речь шла о снижении на 25% уровня минимально допустимой заработной платы для американцев в возрасте до 20 лет. Это позволило бы увеличить занятость молодежи. Однако общий уровень безработицы не изменился в силу выталкивания на рынок рабочей силы низкооплачиваемых трудящихся старших возрастных групп. В целом программа «городских предпринимательских зон» была принята лишь в 1988 г., правда, в усеченном виде, без введения в действие федеральных налоговых льгот.

Иные цели преследовала программа «развития предпринимательской деятельности меньшинств». Эта программа в полной мере соответствовала социальной философии неоконсерватизма с ее упором на частную инициативу и свободное развитие рыночных сил, свободных от контроля со стороны государства. С приходом к власти республиканцев программа получила новый импульс развития. Планировалось создать в течение 10 лет около 60 тысяч новых предприятий, собственниками которых были бы цветные американцы. Координация этой программы возлагалась на Агенство по развитию и Администрацию бизнеса меньшинств. Учреждалась также и новая организационная структура – Национальная сеть центров по развитию бизнеса меньшинств. Администрация выделяла крупные суммы средств на государственные закупки у цветных бизнесменов (около 22 млрд долларов), кроме того 1,8 млрд долларов предназначалось для активи-

зации мелкого бизнеса с помощью специального кредита⁸. В качестве одного из параметров протекционистской политики администрации в отношении малого и среднего бизнеса цветного населения США можно рассматривать план «карибской инициативы», который преследовал цель обеспечить выживание этих групп бизнеса США за счет проникновения их на рынки стран карибского региона. Все эти направления реформ имели своей целью не просто обеспечить рабочие места и средства к существованию бедным и маргинальным слоям американского общества, но и, по определению политолога Л.Морроу, данная политика администрации была «направлена на то, чтобы покончить с иждивенчеством, в кратчайший срок перевести людей на самообеспечение и вернуть на работу»⁹.

Окончательные контуры этой политики были оформлены в принятом в ноябре 1988 г. законе о реформе системы социального воспомоществования. Причем этот неоконсервативный по характеру законопроект получил поддержку как республиканцев, так и демократов. Наиболее активными его проводниками выступили сенаторы-демократы Д.Мойнихэн, Э.Кеннеди, губернатор штата Арканзас Б.Клинтон¹⁰. Неоконсервативный консенсус конца 80-х гг. отразил тот факт, что политической элите США представлялось нецелесообразным возрождать дорогостоящие и не оправдывающие себя программы типа «Великого общества» и «Борьбы с бедностью», реализуемые на основе широкомасштабных социальных реформ. Акцент государства в социальной политике был сделан на экономические рычаги решения данного блока проблем.

¹ История США. М., 1987. Т.4. С. 478 и след.

² Мельвиль Ю.А. США: сдвиг вправо? М., 1986. С.58.

³ Попов А.А. Конец одного мифа // США: ЭПИ. 1984. №7. С.16.

⁴ The Reagan presidency: An early assessment. Baltimore, 1984. P.48.

⁵ Economic inequality in the United State. New York, 1984. P.246.

⁶ Congressional digest. 1982. № 3. P.84.

⁷ Congressional digest. 1988. №5. P.31.

⁸ Public papers of the presidents of the United States: Ronald Reagan. Washington, 1983. P.113.

⁹ Машезерская Л.Я. США: кризис «промышленной демократии» и позиции рабочего движения // Рабочий класс и современный мир. 1984. №4. С.72.

¹⁰ Washington Post. 1988. Oct.14. P.9.

А.Н.ДАНИЛОВ

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИОЛОГИИ В БЕЛАРУСИ

Важнейший этап самоутверждения и развития социологической науки пришелся на XX столетие. Кризис существующей философии, концепций цивилизационного прогресса, расшатанность всех обычных норм и жизненных устоев выявили полную непригодность предшествующих общественных учений. "Все старые – или, вернее, недавние прежние – устои и формы бытия гибнут, жизнь беспощадно отменяет их, избобличая если не их ложность, то их относительность; и отныне нельзя уже построить своей жизни на отношении к ним"¹.

Разрушение прежних ценностей – вынужденное изменение судеб многих поколений, переоценка истории, хаос, трагический поиск выхода, нового пути, на котором можно было бы нейтрализовать выплеснувшиеся потоки всеразрушающего нигилизма, – все это востребовало новую науку об общественном прогрессе. Смысл этих драматических и гибельных блужданий – опровержение кумиров старого гуманизма и вызревание в глубинах человеческого духа способности по-новому воспринять доступные нам откровения вечной и истинной жизни.

В конце XIX столетия шли жаркие споры о предмете, границах, методах, теоретической и практической ценности новой науки, не успевшей размежеваться как следует, с одной стороны, с биологией, а с другой – с психологией и продолжавшей нескончаемые дискуссии с философами. К началу XX столетия Европа покрылась сетью социологических обществ, включая Париж, Лондон, Берлин, Вену и Рим. В Сорбонне была открыта кафедра социологии, и ее возглавил хорошо известный автор "Разделения общественного труда" Эмиль Дюркгейм. Международный социологический институт собирался каждые три года, социологическое общество в Париже заседало ежемесячно. Преподавание социологии было введено в ведущих вузах США и Европы, изданы первые учебники, появились периодические научные социологические журналы, книги, обзоры.

Россия не увлеклась этой модой, эффективность которой в те годы совершенно не просматривалась. Известный профессор М.М.Ковалевский отмечал: "У нас (в царской России) существует всего-навсего одна кафедра на всю империю в 160 миллионов жителей, и то в частном университете, в Психоневрологическом институте, получившем свой устав непосредственно от монарха, минуя Министерство народного просвещения"².

В Беларуси первые институализированные формы социология обрела при создании Белорусского государственного университета (1921 г.), когда была открыта кафедра социологии и первобытной культуры. Уже в 1923 г. был опубликован первый в республике курс по социологии³. Для студентов читались лекции по общей социологии, проблемам экономики и труда, го-

сударства и права, истории культуры, семьи и брака. В годы становления новой науки примечательны были работы профессора В.И.Пичеты (первого ректора университета), а также В.Н.Ивановского, С.М.Василейского, С.З.Каченбогена.

В январе 1922 г. был создан Институт белорусской культуры, впоследствии преобразованный в Академию наук Беларуси (1929 г.). В этом институте социологические исследования приобрели значительно большую масштабность, системность и теоретическую глубину. Стараниями Е.Ф.Карского, С.М.Некрашевича, В.М.Игнатовского (первый президент Белорусской академии наук), М.В.Довнар-Запольского проводились исследования социально-экономических и социокультурных проблем развития белорусской науки, динамики социальной структуры Беларуси, социологии села, семьи, религии, образования и воспитания, молодежи.

Уже к середине 30-х гг. в республике сложилось два ведущих центра социологических исследований – в Инбелкульте (затем Академии наук) и в Белгосуниверситете. Работы белорусских социологов в области социально-культурных проблем развития белорусской нации (Е.М.Карский, С.М.Некрашевич), динамики социальной структуры белорусского общества (В.М.Игнатовский, М.В.Довнар-Запольский), социологии семьи и религии (С.Я.Вольфсон, Б.Э.Быховский), образования и воспитания (С.М.Василейский, А.А.Гаваровский, С.М.Ривес) получили широкую известность в республике и за ее пределами. Однако социологические идеи в тот период зачастую либо переплетались с работами исторического, этнографического или демографического характера, либо тяготели к работам общего социально-философского плана, что в принципе подчеркивало сложность становления новой дисциплины, недостаточную разработанность ее научного аппарата, незавершенность процесса размежевания с другими гуманитарными дисциплинами. Вместе с тем за полтора десятилетия был получен ценнейший опыт эмпирических социологических исследований, их теоретического осмысления, подготовлены национальные кадры социологов-профессионалов. «Белорусская школа социологии имеет давние и славные традиции, – отмечает член-корреспондент РАН, главный редактор журнала «Социологические исследования» Ж.Т.Тощенко. – Именно в этой республике в 20–30-е гг. были осуществлены смелые и перспективные проекты, плодотворно работали ученые, составляющие гордость советской науки»⁴.

Социология, как никакая другая научная дисциплина общественного цикла, разделила судьбу страны, в которой было и героическое, и трагическое. В конце 30-х гг. на белорусскую интеллигенцию обрушились репрессии, затем последовал разрушительный вал Великой Отечественной войны, что надолго вывело эту отрасль научного знания из реальной жизни.

Усложнение социальных проблем, потребность в прогнозировании научно-технического прогресса, изучении общественного мнения со все большей настоятельностью требовали восстановления и развития социологической науки на качественно новой методологической и теоретической основе.

С середины 60-х гг. начинается новый этап развития социологических исследований в Беларуси. В соответствии с постановлением ЦК КПБ от 9 ноября 1965 г. «Об организации конкретно-социологических исследований в республике» был образован общественный Институт социальных исследований. Затем были созданы вначале сектор, а позже отдел социологии в Институте философии и права АН Беларуси (1968 г.), проблемная лаборатория социологических исследований в Белгосуниверситете (1967 г.), социологические группы в Белорусском политехническом институте, институтах народного хозяйства и педагогическом. Получила развитие заводская социология. В белорусскую социологию пришла новая плеяда интересных ученых, которые заявили о себе оригинальными работами. У истоков возрождения социологической науки стояли К.П.Буслов, Г.П.Давидюк, Е.М.Бабосов и другие.

Один из первых учебников нового поколения "Прикладная социология" был подготовлен профессором Г.П.Давидюком, в котором были сформулированы представления о современных функциях социологии, ее основных категориях. Эта книга была использована более молодыми исследователями, рассматривавшими ее как первую попытку дать очерк современной советской социологии за 60–70-е гг. и сформулировать практические предложения по учебному процессу (на примере Белорусского университета).

"В 60-е годы, когда социология в нашей стране стала возрождаться, белорусские социологи стали одними из первых, чьи результаты привлекли внимание ученых всей страны," – заметил, касаясь этого аспекта, профессор Ж.Т.Тощенко.

Обобщение теоретических поисков и прикладных исследований стало основой для крупного достижения белорусских социологов: в 1984 г. вышел в свет "Словарь прикладной социологии" (Минск: "Універсітэцкае"). Это был, по существу, первый советский социологический словарь, вышедший в свет после официального признания социологии. Этот словарь появился раньше аналогичных изданий в Москве и Киеве и был сразу признан социологическим сообществом, стал опорой для тех, кто ориентировался на социологию, пытался реализовать на практике конкретные исследования, создать первые учебные курсы. В 1991 г. он был переиздан в дополненном виде под названием "Социологический словарь".

Признанием достижений отечественной социологической мысли стало учреждение в сентябре 1976 г. Белорусского отделения советской социологической ассоциации, преобразованной впоследствии (в 1991 г.) в самостоятельную Белорусскую социологическую ассоциацию.

В июне 1988 г. было принято постановление ЦК КПСС "О повышении роли марксистской социологии в решении узловых проблем советского общества". Главный смысл постановления заключался в том, что в номенклатуре научных специальностей "социология" была отделена от "философии", открывались отделения социологии в ведущих университетах страны. Все это позволило Академии наук Беларуси в 1989 г. открыть Республиканский центр социологических исследований, на базе которого в 1990 г. был создан академический Институт социологии.

Большой вклад в развитие академической социологии, организацию центра, а затем института внес его первый директор Е.М.Бабосов, под руководством которого проведено большое количество социологических исследований, подготовлен ряд фундаментальных работ, сформировалось целое поколение белорусских социологов.

Институционализация социологии шла не только через академические структуры, но и в рамках высших учебных заведений. В 1989 г. отделение социологии философско-экономического факультета Белгосуниверситета осуществило первый набор будущих социологов. В этом же году в БГУ была открыта кафедра социологии, которую возглавил А.Н.Елсуков. В последующем подобные кафедры стали создаваться и в других вузах республики. В это же время в Беларуси были созданы два специализированных совета по защите кандидатских и докторских диссертаций по социологическим специальностям.

Позитивные перемены не снимают с повестки дня вопроса о том, что социологическая наука в Беларуси пока не избежала недостатков, присутствующих общественнознанию в целом. Уровень научной мысли остается в целом невысоким, часто заимным. Социологи "не заметили" своевременно многих серьезных общецивилизационных проблем, не дали убедительного прогноза событий, не предложили обществу более рационального и менее болезненного и разрушительного пути развития. Такая важная проблематика современной социологии, как социология катастроф, системная трансформация, социально-ориентированная рыночная экономика, стала осмысливаться социологами только в последнее время. Общественные науки оказались не на уровне глобальных вызовов истории.

Жизнь всегда вносит существенные коррективы в любые планы, вот почему для гуманитарных наук так важно объективно и беспристрастно изучать действительность, конкретную социальную ткань общества.

В последнее десятилетие социология бурно развивалась вширь, правда, используя при этом, часто некритически, западный опыт. Между тем следует со всей ответственностью сказать, что категории и средства исследования, сформировавшиеся в рамках западной социологии, выявляют свою непродуктивность при анализе незападных форм социальной реальности, в особенности в ее кризисных, дестабилизированных формах. Важна не столько статика, сколько динамика, процессы трансформации, разрушения и саморазрушения общественных структур и формирования совершенно новых явлений.

Все более актуальными становятся также запросы на прикладные направления социологического исследования, в частности на изучение общественного мнения, специальной статистики, конфликтов.

Общемировой системный кризис, развившийся с конца 80-х гг. XX столетия, предъявляет совершенно новые требования к социологии. Из науки, объясняющей явления, она должна превратиться в науку, активно содействующую созданию новой социальной реальности. Сущность новой научной парадигмы состоит не в осознании этой новой роли социологии, а в усвоении новой философии смысла и цели человеческого развития, поскольку потребительские подходы выявили свою полную непригодность.

К концу тысячелетия мы пришли к пониманию, что в настоящее время в мире нет ни такого государства, ни такой философии, которые могли бы служить единственным примером для будущего развития всего человечества.

Прошлое обогатило нас практикой осуществления перемен, выявило принципиальные недочеты в подходе к реформированию, хотя "социальной матрицы перемен" еще не создано. Жизнь общества требует ныне в гораздо больших объемах применения в технологиях развития достигнутого уровня познания, и, вероятно, первейшей обязанностью власти и ее институтов является разработка технологий реализации достигнутых знаний в практике государственной и общественной жизни.

Для того чтобы общественные науки стали инструментом эффективного решения обсуждаемых проблем, должны быть разработаны новые принципы исследований, соответствующие динамике мира, в котором мы живем. Чтобы увидеть мир таким, каков он есть в действительности, мы должны прежде всего отказаться от утвердившейся ныне произвольной сегментации знаний. Нам следует также больше полагаться на данные, полученные при реальном наблюдении мира, и меньше – на утопии, умозрительные построения.

Вместе с тем очевидно, что всем странам сообща придется решать еще одну, не менее важную задачу, – участвовать в выработке механизма согласования активной деятельности человечества с возможностями биосферы планеты. Многое откроется по-иному, если удастся осознать приоритет в разрешении этой глобальной проблемы гуманитарной науки, опирающейся на новые достижения естественных дисциплин.

В числе событий уходящего века, которые влияют на лицо современного мира, мы называем сегодня Конференцию ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро (1992 г.). Если свести воедино критерии оптимальной модели социально-экономического развития по материалам этого форума, то очерчивается образ совершенно новой цивилизации, которая настаивает на равноправии народов, ставит в центр перемен новые формы взаимодействия населения, потребления и технологий, указывает на недостаточность критериев прибыли при оценках эффективности экономического и социального развития, подтверждает принципы коллективизма, общинности и т.п.

Задача состоит в том, чтобы выработать модель социального и культурного жизнедействия, которая отвечала бы одновременно всем критериям, объективно установленным на конференции в Рио-де-Жанейро.

Практика настоящим образом требует сегодня более серьезного осмысления когда-то отвергнутой (как неперспективной) теории социальной антропологии. Современное осмысление научного знания о человеке и воссоздание на этой основе целостного образа его жизни в ладу с природой, достижение понимания обществом сути предназначения человека и цивилизации – вот что становится стержнем развития науки в XXI веке.

Силы глобализации делают ставку на стандартные, модульные решения проблем всех народов, в то время как успех трансформации и устойчивого развития предполагает ставку на учет своеобразия каждой страны. Как преодолеть это противоречие? Мне кажется, что процесс системной трансформации имеет все шансы на успех в решении задач устойчивого развития именно потому, что этот процесс ориентирован на принципиально новые цивилизационные решения.

¹ Франк С. Л. Соч. М., 1990. С.114.

² Ковалевский М. М. Социология на Западе и в России // Новые идеи в социологии. Сборник первый: Социология. Ее предмет и современное состояние. СПб., 1913. С.3–4.

³ Труды БГУ. Мн., 1923. № 4-5.

⁴ Беларусь: время надежд // Социологические исследования. 1998. №9. С.3.

Е.К.АГЕЕНКОВА

ПСИХОСОМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ СЕРДЕЧНО-СОСУДИСТЫХ ЗАБОЛЕВАНИЙ (история вопроса)

Психосоматика, одно из современных направлений в психологии и медицине, изучает, во-первых, механизмы взаимодействия двух систем организма человека — психической, имеющей информационную или неинерционную структуру, и телесной, материально проявляющей себя; во-вторых, психологические причины возникновения и развития болезней тела. В данной статье рассматривается история развития некоторых теоретических аспектов и экспериментальных подходов к изучению этого вопроса. Анализ литературных данных позволяет выделить два направления в его изучении: исследование “внутренних”, или личностных, факторов, а также “внешних”, или информационных.

Сторонники воздействия личностного фактора на развитие заболевания называют в качестве “виновных” внутреннюю психологическую структуру человека, особенности организации его нервно-психических процессов, характер его отношений к окружающему миру и личностные особенности в целом.

К “внешним” факторам развития психосоматических заболеваний относят неблагоприятные воздействия на человека некоторых физических условий среды, бытовых, семейных, производственных и других социальных неурядиц, которые принято называть эмоциональными стрессами, а также большого объема информации, перерабатываемой современным человеком.

Изучение последнего среди упомянутых факторов связывается с исследованиями М.М.Хананашвили, который является автором теории “информационного невроза”. Он установил, что у животных возникают функциональные срывы в условиях решения ими трудных задач при дефиците времени.

Этот фактор многими исследователями рассматривался как причина развития гипертонической болезни (ГБ) и ишемической болезни сердца (ИБС). Работы Г.И.Сидоренко в соавторстве с Б.А.Сидоренко, В.Н.Ревенко показывают, что информационная нагрузка является достаточным тестом для выявления гипертензивных реакций и ишемии коронарных сосудов на ранних стадиях развития этих заболеваний². Г.И.Сидоренко с соавторами высказано предположение, что сердечно-сосудистые заболевания являются своего рода “платой” за переработку большого объема информации³.

К патогенным факторам внешнего, или информационного, характера можно отнести и негативные воздействия внешней среды, вызывающие отрицательные эмоции и психические травмы. Так, например, Е.В.Цыбулина установила, что у 68,3% больных, перенесших инфаркт миокарда (ИМ), болезни предшествовали нервно-психические травмы как производственного,

так и семейно-бытового характера⁴. По данным И.П.Прокофьевой и Н.К.Смирнова, у 85% больных наблюдается комплекс нарушений социальной адаптации в нескольких сферах. Для женщин наибольшую патогенность имеют нарушения адаптации в семейно-личностной, коммуникативной и бытовой сферах, для мужчин – в учебно-трудовой, общественно-политической и коммуникативных сферах⁵.

Устойчивость к влиянию информационных факторов и стрессорных воздействий определяется также внутренней психологической структурой человека. Что касается неврозов, то, по мнению Б.Д.Карвасарского, "интенсификация производственных процессов, так же как и самой жизни, сама по себе не является патогенной. Неврозы возникают не в обстановке трудового творческого напряжения, а лишь при наличии психотравматизации личностного характера, обусловленной нарушением отношений личности со средой"⁶.

Такие же выводы делает и Ю.М.Губачев, утверждая, что при "личностном варианте" развития соматического заболевания "главным инструментом формирования патологии является ... деформированная, акцентуированная, нередко психопатоподобная личностная структура, которая обуславливает затяжной гипертрофированный, или извращенный, тип реагирования на жизненную обстановку, а также воссоздает конфликтную ситуацию своим отношением к окружению"⁷.

Кроме того, сам стресс, по мнению Г.Селье, является жизненно необходимым для каждого человека и в определенных пределах оказывает положительное влияние на жизнедеятельность организма. Он ввел понятие "перекрестной резистентности": под действием стрессора, направленного на определенную функцию организма, она, как и весь организм в целом, может стать более резистентной по отношению к неблагоприятным воздействиям среды. Это положение было подтверждено и экспериментальными исследованиями⁸.

В настоящее время среди различных версий, объясняющих механизмы влияния психической сферы на патологическое переформирование деятельности физиологических систем организма, наибольшую значимость, на наш взгляд, имеют следующие.

Психосоматическая концепция З.Фрейда, который в своих работах "Психоневрозы защиты" и "Исследование истерии" ввел понятия "конверсии" и "символического языка органов". Он рассматривал отклонения в деятельности физиологических систем организма как символы определенных вытесненных неосознаваемых переживаний или разрешение психического конфликта через заболевания тела, при возникновении которых наступает эмоциональное облегчение.

Развивая идеи З.Фрейда в области психосоматики, Ф.Александр обнаружил связь психологических конфликтов со специфическими эмоциональными и физиологическими способами их разрешения. Согласно его теории "специфичности конфликта", конфликты орального, анального или фаллического характера проявляются в заболеваниях соответствующих систем организма. По его мнению, развитие соматического заболевания обусловлено тремя факторами: индивидуальными особенностями личности, на фоне которых формируются интрапсихические неосознанные конфликты; наличием психотравмирующих ситуаций; конституционально-предопределенной ранимостью определенных органов вегетативной системы, т.е. наличием в структурах тела генетически обусловленного "слабого органа"⁹.

Эти версии имеют практическую значимость в терапии невротических функциональных нарушений. Однако психоанализ малодействен при лечении патофизиологических изменений организма и не объясняет механизма преобразования психологического состояния в его организменный аналог – болезнь тела.

Наибольшее распространение, вероятно, в связи с возможностью использования тестовых методов получила теория "профиля личности", или

“соматотипов”, Данбар, которая обнаружила высокую вероятность развития различных соматических заболеваний у определенного типа личностей. Ею выделены различные личностные соматотипы: коронарный, гипертонический, аллергический, травматический, или склонный к повреждениям¹⁰.

В рамках последней теории большую значимость приобрели работы бихевиористов Фридмана и Розенмана, которые выявили, что наиболее часто заболевают ИБС лица, поведение которых они обозначили как “тип А”. Для данных лиц характерно постоянное стремление к продвижению во всех сферах жизни и склонность к состязанию. Они берутся за множество дел и дефицит времени компенсируют за счет ускорения темпа жизни и работы. В ходе проспективного эпидемиологического исследования установлено, что лица с выявленным “типом А” примерно в четыре раза чаще заболевают ИБС, чем лица с противоположным типом поведения, названным данными авторами “типом В”¹¹.

Многими исследованиями была подтверждена данная корреляция между типом “А” и вероятностью заболевания инфарктом миокарда, ишемической болезнью сердца, стенокардией, атеросклерозом¹². Однако дальнейшие исследования не всегда обнаруживали эту закономерность и иногда даже выявлялась и обратная тенденция: большая часть больных ИБС относилась к “типу В”¹³.

Независимые исследования, проведенные в бывшем СССР, также выявили у больных ИБС и гипертонической болезнью (ГБ) в одних случаях стеничную, активную, личностную структуру¹⁴, в других – вязкую, тревожную, не склонную к активной деятельности¹⁵.

Вероятно, ближе к истине те авторы, которые не настаивают на наличии у больных определенного соматотипа, а рассматривают динамику развития заболевания индивидов с различными личностными особенностями. Наиболее интересны, с нашей точки зрения, выводы Г.К.Тарасова, который в своей небольшой статье выделил среди больных артериальной гипертензией (АГ) два противоположных преморбидных личностных типа: а) с астеничными и психостеничными чертами и б) со стеничными. У больных первого типа он обнаружил в преморбиде черты чувствительности, ранимости, психической гиперестезии, эмотивной лабильности с преобладанием настроения в сторону подавленности, тоски, тревожности, мнительности, неуверенности в себе, склонности к ипохондрическим опасениям. Больные второй группы отличаются сдержанностью, стойко переносят трудности, “переживают в себе”, энергичны, целеустремленны, работоспособны. У больных первой группы болезнь проявляется постепенно с нарастанием симптоматики, у больных второй группы – остро¹⁶.

Подобная двойственность личностных тенденций, близкая к континууму “тип А – тип В”, была выявлена Ф.Б.Березиным с соавторами у каждого отдельного больного. По его данным, больные АГ, с одной стороны, тревожны, склонны колебаться при необходимости выбора, с другой, – у них высокий уровень внутреннего стандарта, стремление быть в центре внимания окружающих¹⁷.

Ю.М.Губачев детально исследовал личностные особенности больных ИБС на основе факторного анализа; он выделил в их преморбиде пять психологических типов. Первый составляют больные с психопатоподобной личностной структурой, с извращенным типом реагирования на жизненные обстоятельства и способные создавать конфликтные ситуации. Они составляют 24% всех больных. Ко второму типу относится 16% больных. Это люди с высоким чувством ответственности, зрелыми и управляемыми эмоциями, однако сильно развитое самлюбие, стремление доминировать, высокий уровень притязания могли способствовать формированию конфликтов, отягощающих и интенсифицирующих их рабочее напряжение. К третьему типу, составляющему 29%, относятся лица с невротической структурой, которым по служебным обязанностям приходится брать на себя большую ответственность. Четвертый тип, к которому относится 10% больных, вклю-

чает лиц, у которых жизненные обстоятельства сложились так, что им постоянно приходится преодолевать лишения, обиды, неуспех. Для них характерны подавленность, горечь обиды, зависть, сочетающиеся с сарказмом, иногда злобой. К пятому типу, составляющему 22% больных, относятся люди, у которых нет никаких жизненных проблем: это спокойные, удовлетворенные собой и окружающими люди с размеренным ритмом труда и отдыха.

В рамках теории "профиля личности" проведено множество исследований с применением личностных методик. Наиболее популярным среди них является тест ММРІ. Большинство исследований с применением этой методики выявило у больных ИБС и ГБ повышение по сравнению со здоровыми уровня шкал ипохондрии, истерии, психастении. Для них было характерно наличие так называемой "конверсионной пятерки". Часто обнаруживались повышения, кроме указанных, уровня шкал депрессии и тревожности¹⁸. В структуре личности этих больных ИБС и ГБ выявлено наличие тревоги и невротизации.

Невротические и психотические особенности в структуре личности больных внутренними заболеваниями побудили многих авторов искать причину их соматической патологии в неврозах и маниакально-депрессивном психозе (МДП). Однако исследования не дали положительных результатов. Они показали, что наличие невроза и МДП не усиливает склонности к развитию ИБС и ГБ¹⁹. Некоторую связь психопатических черт личности возбудимого характера с вероятностью развития ИМ обнаружила Л.Г.Урусова²⁰.

Необходимо отметить, что определение профиля личности проводилось обычно при обследовании уже заболевших людей, поэтому в этих случаях неправомерно говорить о том, что выявленные черты провоцируют развитие заболевания. Можно предполагать, что именно наличие болезни изменяет личностную структуру. Исследования Н.П.Олиферко, проведенные в первой клинической больнице Минска, показали, что в первые дни после начала ИМ больные, обследованные по методике ММРІ, имеют профиль личности, характерный для здорового человека. Лишь через две недели после начала заболевания в их личности появляются "классические" болезненные проявления²¹. То, что именно осознание болезни изменяет личностную структуру, подтверждают и наши исследования²².

Анализ литературных источников показывает, что изучение психовегетативных взаимоотношений, хотя и имеет длительную историю, однако пока не привело к бесспорным выводам, хотя все же позволило найти во многих случаях достаточно эффективные психокоррекционные подходы по отношению к больным с соматическими заболеваниями. Возможно, с нашей точки зрения, в данном вопросе произошло излишнее "застревание" на теме поиска психологического соматотипа конкретных заболеваний. Скорее всего проблема кроется во внутренних интимных механизмах перекодирования информации конкретного психологического состояния в патологический физиологический процесс организма. Однако, по нашему мнению, теоретические и экспериментальные исследования этого вопроса находятся только на начальных стадиях развития.

¹ См.: Хананашвили М.М. Информационные неврозы. Л., 1972.

² См.: Сидоренко Г.И., Павлова А.И., Нечесова Т.А., Фролов А.В. Психофизиологический тест (информационная проба) и его возможности использования в кардиологии (информационное письмо). Мн., 1982; Они же. Новый психофизиологический тест "информационная проба" и возможность его использования в кардиологии // Кардиология. 1984. №8; Сидоренко Б.А., Ревенко В.Н. Применение психоэмоциональной пробы у больных ишемической болезнью сердца // Кардиология. 1984. №5.

³ См.: Сидоренко Г.И., Павлова А.И. и др. Психофизиологический тест...

⁴ Цибулина Е.В. К вопросу о значении стресса в развитии инфаркта миокарда // Модели и методы изучения экспериментальных эмоциональных стрессов. Волгоград, 1977. С.321-322.

⁵ Прокофьева И.П., Смирнов Н.К. Об оценке нарушений социальной адаптации как патогенного фактора // Предболезнь, болезнь, выздоровление: Тез. XVIII Всесоюз. съезда терапевтов. М., 1981. С.98-99.

- ⁶ Карвасарский Б. Д. Медицинская психология. М., 1982. С.129.
- ⁷ Губачев Ю. М. Психотерапия в системе лечения соматических заболеваний // 3-й Междунар. симпозиум соц. стран по психотерапии. Л., 1979. С.77.
- ⁸ См.: Селье Г. На уровне целостного организма. М., 1972; Меерсон Ф. З. Адаптация, стресс и профилактика. М., 1981.
- ⁹ Александр Ф., Селесник Ш. Человек и его душа: познание и верования от древности до наших дней. М., 1995.
- ¹⁰ См.: Dunbar F. H. Psychosomatic diagnosis. New York/London, 1948.
- ¹¹ Friedman M., Roserman R. H. Association of specific overt behaviour pattern with blood and cardiovascular findings // JAMA. 1959. №169.
- ¹² См.: Rosenman R. H. The role of personality and behavior patterns in the genesis of coronary heart disease // Journ. of the American medical Woven's association. 1965. №20; Rosenman R. N., Brand R. H., Jenkins C. D. et al. Coronary Heart Disease in Western Collaborative Group Study. Final follow-up experientct of 8 1/2 years // JAMA. 1975. №233; Rosenman R. H., Friedman M., Straus R. et al. / Ibid. 1966. №195; Jenkins C. D. Resent Evidence Supporting Psychologic and social Risc Factors for Coronary Disease // New Engl. J. Med. 1976. №294; Zyzanski S. J., Jenkins C. D., Ryann T. J. et al. Psychological Correllates Angiographic Findings // Arch. Intern. Med. 1976. №136; Frank K. A., Heller S. S., Konfeld D. S. et al. Type A Behavior Pattern and Coronary Angiographie Findings // JAMA. 1978. №240.
- ¹³ Keith R. A., Lown B. L., Stare F. J. Coronary Heart Disease and Behavior Patterns // Psychosomatic Mtdicine. 1965. №27. Vol.5.
- ¹⁴ См.: Ганелина И. Е. Ишемическая болезнь сердца и индивидуальные особенности организма. Л., 1975; Цейтина Г. П., Тонконогий И. М., Гурвиц Т. В., Иовлев Б. В. О личности больного с церебральной формой гипертонической болезни // Клиническая медицина. 1977. №9; Вирсаладзе К. С., Кавтарадзе Г. В., Иванова Е. Н., Мамактавришвили М. О. О психологическом профиле больных ишемической болезнью сердца и его связи с некоторыми экзогенными факторами // Кардиология. 1984. №2.
- ¹⁵ См.: Авербух Е. О. Психика и гипертоническая болезнь. Л., 1965; Косенко З. В., Парамонова Э. Г. Психика и коронарная недостаточность. М., 1967.
- ¹⁶ См.: Тарасов Г. К. Нервно-психические особенности больных гипертонической болезнью // Психологические нарушения при гипертонической болезни и других сосудистых заболеваниях. М., 1960.
- ¹⁷ Березин Ф. Б., Айвазян Т. Я., Бжилянский М. А. и др. Исследование психологических соотношений некоторых психосоматических заболеваний // Состояние здоровья и работоспособности студентов вузов. М., 1974.
- ¹⁸ См.: Зайцев В. Л. К вопросу о "спонтанной" динамике психического состояния больных инфарктом миокарда по данным ММР! // Кардиология. 1975. №2; Гоштаутас А. А., Шлежайте Ю. М. Некоторые психологические особенности больных стенокардией // Проблемы ишемической болезни сердца. Вильнюс, 1979; Шхвацабая И. К., Зайцев В. П., Айвазян Т. А. Особенности личности больных гипертонической болезнью // Кардиология. 1980. №5.
- ¹⁹ См.: Авербух Е. С. Нервные и психические нарушения при гипертонической болезни // Профилактика нервно-психических нарушений. Л., 1959; Кручинина Н. А., Краевский Я. М. К вопросу о влиянии неврозов на развитие гипертонической болезни и ишемической болезни сердца // Кардиология. 1971. №7; Кручинина Н. А., Черниговская С. В. К вопросу о роли маниакально-депрессивных состояний в развитии ишемической болезни сердца // Кардиология. 1973. №3; Губачев Ю. М. Психосоматические соотношения при гипертонической болезни и ишемической болезни сердца: Лекция по терапии для врачей-курсаентов. Л., 1978; Губачев Ю. М., Стабровский Е. М. Клинико-физиологические основы психосоматических соотношений. Л., 1981; Панченко Е. Н., Налга И. Ф., Бондаренко Г. В. Неврогенные сосудистые синдромы. Киев, 1982.
- ²⁰ См.: Урусова Л. Г. Дисгармоническая личность и инфаркт миокарда // 3-й Всесоюз. съезд невропатологов. и психиатров: Тез. докл. М., 1974. Т.2.
- ²¹ Там же.
- ²² См.: Агеенкова Е. К. Психосоматические взаимоотношения при сердечно-сосудистых заболеваниях // В. М. Бехтерев и современная психология: Тез. международного ф. Казань, 1985. С. 107.

Д. И. САГАЙДАК, Г. И. ФРОЛОВ, А. А. НОВИКОВА, А. А. СУВОРОВ, С. С. БОГДАНОВИЧ

МЕТОДОЛОГИЯ ОРГАНИЗАЦИИ СОВМЕЩЕННОГО ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКОГО И ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОРТРЕТИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ

Профессиональное самоопределение является завершающим этапом всего комплекса образовательной, воспитательной, профориентационной работы и одновременно выступает в качестве индикатора ее эффективности — удалось ли оказать человеку действенную помощь в определении его призвания.

По подсчетам американских ученых, правильный выбор профессии в два–два с половиной раза снижает текучесть кадров, на 10–15% увеличивает производительность труда и в полтора–два раза уменьшает стоимость обучения кадров.

Разочарование человека в выбранной специальности порождает множество проблем. Невроз неудовлетворенности своей работой – едва ли не самый распространенный в мире. Последствия неправильного выбора профессии не ограничиваются для человека психологическими трудностями. В целом ряде специальностей изначальная ошибка может обернуться ранним развитием профессиональных заболеваний, повышением вероятности производственного травматизма.

Реальностью современного общества является наличие около 40 тыс. различных специальностей. К сожалению, лишь в очень незначительной их части, там, где речь идет о высокой значимости и ответственности реализуемой деятельности (труд летчика, диспетчера, оператора АСУ и подобные), определены и формализованы профессиональные требования к физиологическим и психологическим особенностям человека и осуществляются мероприятия по профотбору кадров. Но это необходимый минимум. Все более актуальной становится потребность в реалистичной профориентации учащихся, которые в условиях современной нестабильной экономической ситуации живут в страхе оказаться невостребованными, остаться без перспектив профессионального становления.

Системность психодиагностической работы в профориентации обеспечивается рассмотрением личности как многоуровневой иерархии врожденных физиологических, психофизиологических, психологических, социально-психологических и социальных проявлений. Необходимо создать методический и аппаратный инструментарий, подчиняющийся логике системного подхода и нацеленный на выявление всех сторон и качеств личности. Для этого нами разрабатывается адекватная рассмотренным иерархическим уровням комплексная диагностическая система, основанная на деятельностном подходе и компьютерных технологиях.

На начальном этапе проведения психодиагностических процедур в профориентации необходимо исследовать макроуровень проявления основных психофизиологических и психологических особенностей индивида для адекватного сопоставления его профессионального потенциала с требованиями определенного класса специальностей.

Макроуровень построения профессионального образа включает: **1) психофизиологический уровень**, показывающий сформированность компонент, составляющих внутреннюю физиологическую и психологическую основу всех систем развивающегося субъекта; **2) индивидуально-психологический**, определяющий развитие основных психологических систем (познавательной, мотивационной, эмоциональной) субъекта; **3) личностный**, выражающий специфические особенности субъекта как целостной системы, его отличие от аналогичных субъектов, находящихся на данном этапе развития; **4) социальный**, определяющий особенности взаимодействия развивающегося субъекта как целостной системы с другими субъектами и обществом в целом.

Итак, профессионально-ориентированная психодиагностика понимается как широкий комплекс разнообразных средств и методов измерения и анализа всевозможных психофизиологических и психологических характеристик личности: от базовых для организации любой психической деятельности свойств нервной системы до специфических психологических образований высшего уровня направленности личности; и от частных характеристик отдельных психических процессов (например, скорость реакции) до интегральных свойств интеллектуальной, коммуникативной, операционной и других видов деятельности.

Созданный в Центре заказного оборудования и технологий Белгосуниверситета многофункциональный компьютеризованный комплекс психофи-

зиологического и психологического портретирования предназначен для диагностики базовых компонент индивидуального профиля личности с учетом сложных многоуровневых взаимосвязей профессиональных задатков, сформировавшихся на их основе способностей и актуальных склонностей индивида при выборе оптимально соответствующего спектра профессий.

Поскольку в способах профессиональной деятельности отражаются особенности психических процессов, макроуровень построения профессионального образа индивида можно обеспечить диагностикой типологии нервной системы совместно с компонентами энергетической саморегуляции (психофизиологический базис) и социально-значимыми факторами, соответствующими многокомпонентному профилю личности испытуемого (надстроенная система мотивационных, познавательных, эмоциональных, коммуникативных особенностей индивида).

Набор психофизиологических методик, ориентированных на определение функционального состояния индивида, включает оценку зрительно-моторных показателей как основных характеристик высшей нервной деятельности и ряда физиологических показателей общего уровня активности организма. Диагностические процедуры, относящиеся к описываемой категории, направлены на идентификацию обширной группы сенсорных, психомоторных и базовых типологических особенностей нервной деятельности, составляющих в конечном счете основу человеческой индивидуальности и ее характерных проявлений в поведении, межличностном взаимодействии и профессиональной деятельности, а также определяющих динамику текущего функционального состояния.

Актуальность исследования зрительно-моторных реакций индивида обусловлена их ведущей ролью во многих видах профессиональной деятельности. Как правило, используются реакции не на одиночные раздражители, а на их серии, где сигналы следуют друг за другом в ритмическом ряду. Серию можно составить как из однотипных сигналов, требующих одной определенной реакции (в этом случае измеряют время простой сенсомоторной реакции – методика определения силы нервной системы по возбуждению Л.А.Копытовой¹), так и из нескольких сигналов, требующих различных ответных действий (в этом случае речь идет о сложной сенсомоторной реакции, т.е. реакции «выбора» – методика определения подвижности нервных процессов А.Е.Хильченко²).

Отклонения от нормы сигнализируют об изменениях состояния: укорочение времени сенсомоторных реакций наблюдается в состоянии повышенной активности, большой мобилизации нервной системы на выполнение деятельности в условиях психоэмоциональной или операционной напряженности нервного возбуждения; удлинение времени простой и сложной реакции, увеличение числа ошибок при реакциях с «выбором», как правило, сопровождается состояниями невысокой работоспособности, плохого самочувствия, апатии, утомления как текущего (на фоне длительной или высокоинтенсивной деятельности), так и хронического (развивающегося в результате накопления усталости).

Психофизиологические характеристики личности, выявленные с помощью зрительно-моторных реакций, существенно дополняются и специализируются в процессе исследования формирования оперативного динамического образа деятельности. Оперативный динамический образ деятельности, поскольку он является одним из базовых параметров психической активности индивида при осуществлении любой деятельности и связан с реальными временными критериями, позволяет адекватно оценить функции планирования, текущего контроля и, в итоге, результативность деятельности. Психомоторографическая методика³ определяет реакцию на движущийся объект. Компьютерный вариант методики позволяет осуществлять функциональную вариабельность стимульного материала и анализировать интегративные и монофункциональные деятельностные акции индивида. Совокупные данные позволяют оценить исполнительский стиль личности и ее операциональную активность и помехоустойчивость.

При использовании профессионально-ориентированного набора психологических методик для объективизации результатов психодиагностической процедуры (защищенность от проявлений социальной желательности) целесообразно применять проективные методики, описывающие личность не непосредственно по вербализуемым представлениям обследуемых о себе или по описаниям своего типичного поведения и наиболее характерных психологических реакций, а, скорее, по эмоциональной окраске каких-либо, на первый взгляд, незначимых стимулов. В этом случае стимульный материал имеет смысл не только и не столько в зависимости от его объективных характеристик и содержания, сколько в связи с тем личностным смыслом, который придает ему испытуемый. Многоуровневый подход к личности обследуемого позволяет выявлять и анализировать не только эмоциональные, мотивационные и межличностные особенности, но и различные аспекты поведения, а также базовые типологические характеристики.

В качестве психологической проективной методики используются классический восьмицветовой тест М.Люшера¹ и его модификация – «Метод цветových выборов» Л.Н.Собчик и Т.Н.Лобановой². Обе методики основаны на эмоциональном предпочтении испытуемым определенных цветов, расположенных в ряд с последовательным уменьшением симпатии. Результаты интерпретируются в зависимости от последовательности цветových предпочтений в сформированном ряду. Тесты позволяют диагностировать следующие особенности: эмоциональную устойчивость, тип индивидуального стиля саморегуляции состояния, работоспособность, мотивационные компоненты деятельности, характерный стиль руководства и др.

Новая профессиографическая методология формируется на основе привлечения матричного анализа и установления взаимно однозначного или взаимно дополнительного соответствия в ряду: психологические и психофизиологические свойства « профессионально важные качества « психограмма профессии « профессиональные соответствия, предпочтения, эффективность. Матрицы качеств и факторов взаимно дополнительного детерминирования формируются критериями антагонистического характера – системой противоположаний (частичных, относительных или безоговорочных).

Описанная методология обеспечивает разработку полифункционального профессиографического портрета личности, который позволяет выявить несколько областей производственно-трудовой деятельности, адекватных эффективной самореализации. Последующий анализ предлагаемых областей деятельности обеспечивает индивиду высоко обоснованный профессиональный выбор.

¹ Копытова Л.А. Индивидуальный стиль трудовой деятельности наладчиков в зависимости от силы нервной системы по возбуждению // Вопросы психологии. 1964. №1.

² Пейсахов Н.М. К диагностике силы процесса возбуждения по двигательным методикам // Проблемы психологии индивидуальных различий. Казань, 1974.

³ См.:Кремень М.А., Морозов В.Е. Аппаратурный метод диагностики психического состояния человека // Адукацыя і выхаванне. 1994. №1.

⁴ См.: Люшер М. Цвет вашего характера. М., 1997.

⁵ Собчик Л.Н., Лобанова Т.Н. Психодиагностические критерии руководящих кадров // Психол.журнал. 1989. №1. Т.10.

С.С.БОГДАНОВИЧ, Н.В.ДУЛЬ, А.А.СУВОРОВ

ИССЛЕДОВАНИЕ КОРРЕЛЯЦИЙ ПАРАМЕТРОВ ТИПОЛОГИИ НЕРВНОЙ СИСТЕМЫ, МЕЖПОЛУШАРНОЙ АКТИВНОСТИ МОЗГА И УСТОЙЧИВОСТИ ОПЕРАТИВНОГО ДИНАМИЧЕСКОГО ОБРАЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Каждое действие представляет собой единство сенсорных и моторных компонентов активности индивида. Динамический образ, формирующийся в результате активного отражения и обобщения статических и динамических компонентов входной информации, является их связующим звеном¹. Опе-

ративность, т.е. тонкая и гибкая приспособляемость к условиям деятельности в зависимости от ее задач, стала одной из фундаментальных особенностей человека как динамической системы. Оперативность представляет собой одну из ценнейших характеристик психического отражения у человека и высшее проявление его функциональности. Под влиянием задачи информация отбирается, систематизируется в оперативном образе, складываясь в конкретную функциональную модель, структура которой соответствует характеру действия². Кроме того, основу человеческой индивидуальности в ее характерных поведенческих проявлениях составляют базовые типологические особенности нервной деятельности и характеристики межполушарной мозговой активности индивида.

В связи со сказанным возникает потребность в исследовании корреляций устойчивости оперативного динамического образа деятельности и типологии нервной системы, а также особенностей межполушарной активности головного мозга.

На выборке 51 человека в возрасте 22–28 лет исследовалась типология нервной системы (сила–слабость нервной системы, подвижность–инертность, уравновешенность–неуравновешенность нервных процессов); характеристики поведенческой активности, связанной с межполушарной асимметрией мозга (особенности восприятия и переработки информации, индивидуальный стиль деятельности, тип эмоционального реагирования) и устойчивость оперативного динамического образа деятельности зрительно-моторного слежения.

Подвижность нервных процессов определялась по времени сложной сенсомоторной реакции (методика А.Е.Хильченко³); сила нервной системы по возбуждению – по времени простой сенсомоторной реакции (методика П.А.Копытовой⁴); уравновешенность нервных процессов – по точности реакции (методика «Секундомер»⁵). Компьютеризованные версии тестов разработаны в Центре заказного оборудования и технологий Белгосуниверситета.

Получены следующие результаты: из 51 испытуемого сильным типом нервной системы обладают 47 человек (92%), слабым – 4 (8%); подвижность нервных процессов характерна для 35 человек (69%), инертность – для 16 (31%); уравновешенность процессов возбуждения и торможения характерна для 29 человек (57%), неуравновешенность с преобладанием процессов торможения – для 20 (39%), неуравновешенность с преобладанием процессов возбуждения – для 2 человек (4%).

Исследование функциональных особенностей мозговых структур (тест определения индивидуального профиля функциональных асимметрий ИПФА Т.И.Тетеркиной⁶) осуществлялось тестовыми процедурами по выявлению ведущей руки (десять заданий из области рабочей и поведенческой активности) и ведущего уха (дихотическое прослушивание). В соответствии с полученными результатами происходит отнесение к определенным профилям функциональных асимметрий полушарий головного мозга (разделение на группы «А», «В» и «С»), для которых характерны нюансы поведенческой и интеллектуальной активности. Так, для представителей группы «А» характерны преимущественно последовательный режим приема и переработки информации, высокая концентрация внимания, эмоциональная устойчивость. Для представителей группы «В» характерны преимущественно параллельный режим приема и переработки информации, несколько сниженная концентрация внимания, некоторая эмоциональная неустойчивость. Представителям группы «С» свойственны невысокая концентрация внимания, быстрая утомляемость, повышенная тревожность, сниженный общий жизненный тонус. Тестирование выявило принадлежность к группе «А» – 10 человек (19%), к группе «В» – 37 человек (73%), к группе «С» – 4 человека (8%).

Исследование устойчивости оперативного динамического образа зрительно-моторной деятельности проводилось по методике «Психомоторо-

графия» М.А.Кремня⁷. Суть методики состоит в осуществлении слежения с помощью метки (управляемой джойстиком) за визиром, движущимся на мониторе компьютера по определенной траектории в соответствии с заданной программой (испытуемый проходит фазу настройки на данный вид деятельности – этап формирования оперативного динамического образа деятельности). Затем изображение визира и метки пропадает, а испытуемый продолжает деятельность в соответствии со сформированным оперативным динамическим образом (этап адекватного отражения на основе сформированного оперативного динамического образа). Задача испытуемого – как можно дольше работать «вслепую». Время адекватного отражения является показателем устойчивости оперативного динамического образа деятельности. Процедура тестирования повторяется трижды для установления временной динамики устойчивости оперативного динамического образа.

Проведенное исследование устойчивости оперативного динамического образа деятельности выявило следующие особенности испытуемых: время адекватного отражения увеличивается от первой к третьей попытке у 13 человек (26%), уменьшается также у 13 (26%), нестабильно у 19 человек (37%). Срыв отражения (время адекватного отражения в каждой из трех попыток не более 3 секунд) наблюдался у 6 человек (12%), что свидетельствует о крайней неустойчивости сформированного оперативного динамического образа деятельности.

Ввиду малочисленности контингента не представляется возможным сделать выводы о корреляциях для испытуемых со слабым типом нервной системы (4 человека), с неуравновешенностью нервных процессов в сторону возбуждения (2 человека) и представителей группы «С» по методике ИПФА (4 человека). Результаты этих испытуемых не рассматривались в приводимых нами таблицах корреляций типологии нервной системы, особенностей межполушарной активности мозга и устойчивости оперативного динамического образа деятельности.

Как видно из табл.1, различная устойчивость оперативного динамического образа деятельности, выражающаяся в увеличении, уменьшении либо нестабильности времени адекватного отражения, явно не коррелирует с характеристиками типологии нервной системы и особенностями межполушарной активности головного мозга.

Таблица 1

Количество испытуемых (%) с определенными параметрами типологии нервной системы, особенностями межполушарной активности мозга и характерной устойчивостью оперативного динамического образа деятельности ($t_{отр.}$)

Устойчивость динамического образа	Сильная НС	Подвижные	Инертные	Уравновешенные	Неуравновешенные (горм.)	«А»	«В»
$t_{отр.}$ увеличивается	23	23	30	24	25	30	24
$t_{отр.}$ уменьшается	23	19	30	24	30	10	32
$t_{отр.}$ нестабильное	40	45	25	38	35	40	32

Данные, представленные в табл.2, демонстрируют, что уравновешенность нервных процессов в большей мере соотносится с характеристиками представителей группы «А», в частности с эмоциональной стабильностью (для 60% испытуемых группы «А» характерна уравновешенность); кроме того, для них в равной мере характерна как подвижность, так и инертность нервных процессов (по 50% испытуемых), что, по-видимому, связано с преимущественно последовательным режимом приема и переработки информации. Преобладающая подвижность нервных процессов коррелирует с характеристиками представителей группы «В» (73% испытуемых), которым свойствен преимущественно параллельный режим приема и переработки информации. Кроме того, для них характерна как уравновешенность нервных процессов (54%), так и неуравновешенность с преобладанием процес-

сов торможения (43%), что, по-видимому, соответствует меньшей эмоциональной стабильности, проявляющейся у представителей этой группы межполушарной асимметрии.

Таблица 2
Количество испытуемых (%) с определенными параметрами типологии нервной системы и особенностями межполушарной активности мозга.

Группы	Сильная НС	Подвижные	Инертные	Уравновешенные	Неуравновешенные (торм.)
«А»	90	50	50	60	30
«В»	92	73	27	54	43

индивидуального профиля функциональных асимметрий головного мозга. По-видимому, параметры типологии нервной системы и поведенческие проявления особенностей межполушарной мозговой активности индивида являются слишком интегративными для сравнения с рассмотренными психоторографическими характеристиками.

2. Существуют корреляции особенности проявления межполушарной мозговой активности с параметрами типологии нервной системы.

¹ См.: Кремень М. А., Водлозеров В. М. Образ в системе психической регуляции познавательной и исполнительской деятельности. Мн., 1998.

² Ошанин Д. А. Роль оперативных образов в передаче психологической информации // Материалы к XIX Междунар. психол. конгр. М., 1969.

³ Пейсахов Н. М. К диагностике силы процесса возбуждения по двигательным методикам // Проблемы психологии индивидуальных различий. Казань, 1974.

⁴ Копытова Л. А. Индивидуальный стиль трудовой деятельности наладчиков в зависимости от силы нервной системы по возбуждению // Вопросы психологии. 1964. №1.

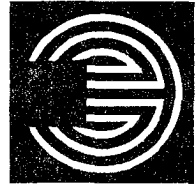
⁵ См.: Пейсахов Н. М. К диагностике силы процесса возбуждения по двигательным методикам.

⁶ Тетеркина Т. И., Доброхотова Т. А., Олешкевич Ф. В., Федулов А. С. Эпилепсия и функциональная асимметрия головного мозга. Мн., 1993.

⁷ Кремень М. А., Морозов В. Е. Аппаратурный метод диагностики психического состояния человека // Адукацыя і выхаванне. 1994. №1.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. Не замечено очевидных корреляций устойчивости оперативного динамического образа зрительно-моторной деятельности и типологии нервной системы, а также характеристик

М.Л.ЗЕЛЕНКЕВИЧ, Т.В.МАКСИМЕНКО-НОВОХРОСТ

ПРИВАТИЗАЦИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ РЫНКА КАПИТАЛА В СТРАНАХ С ПЕРЕХОДНОЙ ЭКОНОМИКОЙ

Функционирование экономического механизма в огромной степени зависит от системы отношений собственности на средства производства. Проблемы собственности всегда были решающими в развитии любого общества. Переход к рынку требует преобразований отношений собственности, основой системных изменений которых призвана стать приватизация¹.

Мировой опыт подтверждает, что с помощью приватизации предприятий решается множество экономических задач. Сюда можно отнести повышение производственной эффективности предприятий, сокращение правительственных расходов, увеличение поступлений в бюджет, ликвидацию внутренней и внешней задолженности, демонополизацию, расширение рынка капиталов, увеличение инвестиционного спроса населения, привлечение работников к участию в капитале компании и т.д.²

Приватизация как процесс сужения сферы господства государственной собственности и ограничения государственного предпринимательства характерна не только для стран с переходной экономикой, но и для промышленно развитых стран с рыночным хозяйством (Великобритания, Япония, Франция, США и др.). По некоторым данным, к настоящему времени более полусотни развитых и развивающихся стран приняли национальные программы сокращения государственного сектора³. Эффективный рынок не может существовать без частной собственности на подавляющую массу ограниченных ресурсов общества, поскольку рынок возникает лишь при условии добровольности обменных сделок, для чего необходим подлинный суверенитет субъектов рынка.

Процесс приватизации, развернувшийся на Западе, начиная с конца 70-х гг. XX в., обусловлен рядом объективных причин. Одна из них – интернационализация хозяйственных связей, когда национальное регулирование и регламентация деятельности предприятий госсектора выступают тормозом развития экономики. Кроме того, научно-технический прогресс видоизменил рыночную ситуацию в сфере "естественных монополий", большинство которых находилось в государственной собственности. Процесс приватизации сделали необходимым и значительные дефициты государственных бюджетов западных стран, вызванные целым комплексом причин (снижение доходов госбюджета вследствие стагфляции 70-х гг., непомерно возросшие социальные выплаты, энергетический кризис и др.).

В целом же кризис государственного сектора в странах рыночной экономики со всей очевидностью обнажил неэффективность распределения ресурсов только при помощи государственного вмешательства.

Формирование многоукладной экономики из недр административной системы происходит в условиях преобладания государственной собствен-

ности, а также недостаточности средств населения для инвестирования, неразвитой инфраструктуры фондового рынка, слабой правовой защиты частной собственности, отсутствия опыта и, как следствие, психологической неподготовленности населения к частному инвестированию.

Термин "приватизация" в начале 90-х гг. превратился в ключевую экономическую категорию при решении проблем вывода из кризиса экономики постсоциалистических стран, в каждой из которых имеются специфические условия, причины, предпосылки, определяющие формы осуществления преобразования отношений собственности. В целом объективные экономические условия порождают большое разнообразие моделей перехода от одной формы собственности к другой, что и отражается в широкой трактовке форм и способов приватизации⁴.

Термин "приватизация" в официальных документах восточноевропейских стран трактуется по-разному. Например, в Румынии под приватизацией подразумевается выпуск ценных бумаг с учетом оценки имущества предприятия. В Югославии принята трактовка, из которой следует, что приватизация – это создание условий и осуществление преобразования государственной собственности в собственность непосредственных производителей. В Венгрии приватизация отражает полный либо частичный переход имущества государственных предприятий в собственность хозяйственного общества, включая частное иностранное владение. И наконец, в Польше считается, что приватизация означает преобразование собственности государственных предприятий в частную, акционерную, кооперативную, смешанную и другие формы.

Приватизация иногда трактуется и более широко. В частности в США, согласно официальным документам федерального правительства, приватизация рассматривается как долгосрочная стратегия расширения частного сектора за счет сокращения общественного. В Японии термин "приватизация" одновременно с продажей государственной собственности частным лицам, организациям предполагает также снятие ограничений, касающихся функционирования государственных предприятий, и в целом означает несколько вариантов преобразования государственных компаний: а) в акционерные общества с последующей продажей акций частным собственникам; б) в независимые государственные предприятия, находящиеся в частном владении (аренда); в) в частные предприятия.

В наиболее узком смысле приватизация означает переход государственного имущества в частный сектор. Существует два основных подхода к решению этой проблемы: платная и бесплатная (безвозмездная) приватизация. Практическая реализация бесплатной приватизации связана с надеждением всех граждан страны приватизационными чеками – "ваучерами". Например, в Республике Беларусь реализуются приватизационные чеки "Жилье" и "Имущество" в зависимости от объекта безвозмездной приватизации. При платной приватизации государственная собственность подлежит продаже по различным схемам. Главная идея – продажа государственного имущества на аукционах за деньги. Предполагается, что вначале предприятие акционировается, а затем его акции продаются на фондовом рынке.

В Восточной Европе передача новым собственникам малых и части средних предприятий через аренду, продажу и реституцию прошла в 1990–1993 гг. довольно успешно, но "большая" приватизация столкнулась с существенными трудностями. Так, польскому правительству в 1990–1991 гг. удалось продать, используя западные методики оценки и приватизации имущества, только два десятка предприятий. В последующие годы менее 200 предприятий были проданы с торгов и около 30 – через фондовую биржу. К тому же вскоре стало ясно, что формальная смена собственника не дает непосредственного экономического эффекта в виде роста производства, повышения конкурентоспособности и т.п. Поэтому центр тяжести экономической политики в большинстве стран (кроме Чехии и Словакии) был перенесен на либерализацию и макроэкономическую стабилизацию. "Большая"

шая" приватизация откладывалась как в "реформаторских" странах, так и в тех, которые обычно относят к "аутсайдерам" реформ.

Это положение особенно характерно для ваучерной приватизации. Схемы ваучерной приватизации, помимо ЧСФР, к концу 1992 г. были разработаны в Болгарии, Польше и Румынии. Они предусматривали наделение каждого гражданина ваучером, который можно обменять на акции одного из общенациональных фондов. Фактически, однако, раздача ваучеров и начало обмена на акции были отложены в Польше и Румынии до конца 1995 г., в Болгарии – до начала 1996 г. Основная причина задержки объясняется тем, что в эти годы различные представители и группы правящего слоя устанавливали свой контроль над государственной собственностью и делили ее между собой. В итоге к середине 90-х гг. в сферу ваучерной приватизации попали те предприятия, которые государство не может продать частным или институциональным инвесторам. Примечательно, что в Польше число предприятий, окончательно переданных в собственность ваучерных фондов, в конце 1995 г. даже несколько увеличилось (с 420 до 514) по сравнению с первоначальной программой массовой приватизации 1992 г.

Ваучерная приватизация в Восточной Европе в середине 90-х гг. полностью утратила социально-экономическое значение и привлекательность для населения. На референдуме, состоявшемся в Польше в феврале 1996 г., большинство населения высказалось в поддержку преимущественно платной приватизации. Хотя формально ваучерные фонды начали действовать во второй половине 1995 г., вплоть до середины 1996 г. они занимались оформлением перешедшего к ним имущества, поиском квалифицированных управляющих и другими организационными вопросами. В Румынии обмен ваучеров на акции общенациональных фондов начался с конца 1995 г., но незадолго до окончания срока обмена лишь 1/3 граждан распорядилась своими ваучерами. Болгарские граждане в начале 1996 г. выкупили только 7% ваучеров, в связи с чем правительство было вынуждено продлить срок приобретения ваучеров на два месяца и наполовину сократить объем государственной собственности, предназначенной для ваучерной приватизации. К середине 1996 г., уже после начала обмена на акции, рыночная цена ваучеров составляла менее половины их номинальной стоимости. Наиболее успешная в постсоциалистическом мире чехословацкая модель массовой приватизации была подвергнута принципиальным изменениям в Словакии. Летом 1995 г. решением руководства страны обмен ваучеров на акции инвестиционных фондов был неожиданно прекращен. Нераспроданное к тому времени госимущество было централизовано в специальный государственный фонд, который начал осуществлять программу постепенной продажи предприятий, в том числе за нереализованные ваучеры.

В последнее время сворачиваются программы льготной приватизации (проводившейся обычно в пользу трудовых коллективов), которым отводилось большое место в реформаторских планах первой половины 90-х гг. Приобретение предприятий "инсайдерами", т.е. администрацией и трудовым коллективом, было распространено главным образом в легкой промышленности и в других производствах, ориентированных на потребительский рынок и не требующих больших капиталовложений. Льготным моделям приватизации, как и ваучерной схеме, присущи серьезные недостатки: они не связаны непосредственно с притоком инвестиций, хотя и имеют преимущество перед ваучерными схемами в том, что формирование реальных и ответственных собственников – чаще всего представляющих администрацию – происходит быстрее. Но при всех недостатках различных моделей практика ряда стран, особенно Болгарии и Румынии, выявила крайне негативные последствия затягивания сроков проведения приватизации. Хотя большая часть промышленности остается в руках государства, оно в условиях хозяйственной либерализации утрачивает реальные рычаги контроля и управления. Растущие потери госпредприятий компенсируются кредита-

ми государственных банков или бюджетными субсидиями, углубляя тем самым кризис финансовой сферы. Собственность, потерявшая фактического владельца, становится объектом злоупотреблений.

В середине 90-х гг. проблемы приватизации оказались в центре общественного внимания. Непосредственной причиной этого стал острый финансовый кризис, вызванный резким падением бюджетных доходов и традиционно высокими для постсоциалистических стран государственными расходами. (Только в Чехии экономическая политика отдает приоритет модернизации промышленности, исходя из сбалансированности бюджета и довольно благополучного общеэкономического положения.) Поэтому приватизация проводится главным образом путем продажи предприятий с целью разгрузки бюджета и обеспечения государству доходов. При этом главная трудность состоит в том, чтобы привлечь покупателей к крупным объектам, характеризующимся высокой убыточностью, отягощенным большой социальной инфраструктурой, устаревшим оборудованием и избыточной занятостью. Например, в Венгрии в течение 1995 г. одни и те же энергетические и транспортные компании приходилось выставлять на торги несколько раз. В числе объектов, которые были выставлены на продажу в течение последних полутора лет, – компании ТЭК (электростанции, сети энерго- и газоснабжения в Венгрии, Польше и Чехии; нефтеперерабатывающие заводы, сети заправочных станций в Румынии и Болгарии, в последней еще и нефтепромыслы), транспортные организации, в том числе национальные авиакомпании в Польше и Чехии, крупные машиностроительные предприятия, ранее составлявшие сердцевину индустриального комплекса. В перспективе намечается и продажа "стратегических" компаний (Венгрия, Чехия); задержка вызвана главным образом организационной и финансовой реструктуризацией с целью повышения стоимости этих объектов. Вследствие высокой капиталоемкости крупных компаний и предприятий наиболее вероятными покупателями могут быть зарубежные инвесторы. Правительства восточноевропейских стран предусматривают специальные меры, обеспечивающие сравнительно простой (но не льготный, а на равных условиях с отечественными инвесторами) порядок продажи иностранным компаниям. Для некоторых стран (например, Болгарии) характерно стремление продать госпредприятия как можно быстрее по невысоким "номинальным" ценам. Наряду с другими мерами строгой бюджетной экономии это связано с необходимостью срочных и очень крупных платежей по внешнему долгу. С той же целью Болгария, единственная из стран Восточной Европы, в последнее время возобновила практику приватизации по "схеме Брэйдли" (названной по имени министра финансов США конца 80-х гг.), которая предусматривает продажу государственной собственности зарубежным инвесторам или проведение экологических мероприятий международного значения (например, повышение безопасности ядерной энергетики) в зачет погашения государственного внешнего долга.

Платная приватизация сфокусировала различные аспекты рыночной трансформации, далеко выходящие за рамки поиска покупателей, оценки имущества и других коммерческих вопросов. Продажа предприятий с многолетней убыточностью и запущенными неплатежами требует совершенствования хозяйственного права, развития эффективных форм и принципов "промежуточной" собственности и корпоративного управления с опорой на "внешних" владельцев, оздоровления финансов, изменения многих элементов налоговой и ценовой систем. Государство должно осуществлять предварительную подготовку предприятий к приватизации путем организационной реструктуризации и финансовой санации. Эти вопросы, как правило, нельзя решать в отрыве друг от друга.

Реформы первой половины 90-х гг., в частности акционирование госпредприятий и приватизация по ваучерной и "инсайдерской" моделям, привели к глубокому изменению положения предприятия в экономико-правовой системе. Однако известная "размытость" прав собственности в результате

этих процессов, проявляющаяся в смешении и неустойчивости прав и интересов новых собственников, а зачастую и в недостаточной юридической определенности их положения по отношению к другим собственникам и приватизированному имуществу, резко ухудшила управляемость предприятия и затруднила процедуру принятия долгосрочных инвестиционных решений. Так, в ходе реализации чешской модели приватизации, в которой участвовало более 600 ваучерных фондов, формальный контроль над многими предприятиями приобрели небольшие фонды, которые не в состоянии модернизировать производство и поэтому ограничиваются кадровыми перестановками.

Прошедшая в Чехии в 1994 г. кампания торговли ваучерами и акциями между самими фондами и слияния ряда фондов (иногда называемая "третьей волной приватизации") уменьшила их число более чем вдвое. Однако эти фонды не стали "эффективными собственниками", способными возродить производство на основе крупных долгосрочных инвестиций. Кроме того, примерно 2/3 оставшихся фондов контролируется государственными банками, что не только усложняет управление производством, но и побуждает иностранные компании задерживать инвестиции в ожидании определенности в статусе банков (правительство намерено их приватизировать) и в их экономической политике.

Управление приватизированными предприятиями в государствах Восточной Европы развивается по европейской модели, характеризующейся концентрацией акционерного капитала, управления и финансирования производственных компаний универсальными банками (в отличие от американской модели, опирающейся на финансирование производства через развитый фондовый рынок и на высокую степень специализации финансовых институтов). Так, в июле 1996 г. чешский парламент принял закон, предусматривающий снижение максимально допустимой доли участия ваучерного фонда в акционерном капитале предприятия с 20 до 5%, т.е. фактически фонды вытесняются из системы корпоративного управления, а банкиощряются для установления контроля над предприятиями через приобретение их акций. К этим предприятиям относятся и государственные компании, нуждающиеся в средствах для проведения приватизации⁵.

Итак, страны Восточной и Центральной Европы столкнулись с трудностями создания концепции приватизации. Не отработана система институциональных и организационных форм, правовых и экономических регуляторов, создающих необходимые условия для нормального осуществления приватизации, т.е. ее инфраструктура. Основа такой системы – соблюдение закономерностей инвестиционного процесса: принятие решений о привлечении инвестиций через эмитирование ценных бумаг; мобилизация сбережений для инвестирования; размещение ценных бумаг на открытом рынке⁶.

По идентичности стартовых условий, исторических особенностей интерес для Республики Беларусь представляют не только страны Восточной и Центральной Европы, но и страны СНГ, прежде всего Россия, хотя здесь накоплен пока незначительный опыт, который нельзя оценить однозначно.

На первом этапе приватизации государственных предприятий в России, охватывающем период с 1992 по 1995 г., многие задачи приватизации не были решены в намеченной и желаемой степени. Поступления доходов от приватизации в государственный бюджет оказались незначительными. Отдельные предприятия были скуплены по крайне низким ценам и оказались в руках лиц, которые не пожелали или не смогли повысить качество их работы или эффективно репрофилировать. В результате приватизация на ее начальной стадии не привела в целом к существенному повышению эффективности работы приватизированных предприятий в сравнении с неприватизированными, хотя в отдельных случаях эффект приватизации проявился явно и ощутимо.

В процессе формирования приватизационной политики, выработки путей приватизации государственной собственности выделились три основных

направления приватизации государственных и муниципальных российских предприятий.

Первое опирается на идею безвозмездной передачи права собственности на имущество приватизируемых государственных предприятий всем российским гражданам. Взамен физического деления приватизируемых объектов разделили их стоимость, исчисленную в ценах 1991 г. На каждого россиянина пришлось по 10 000 рублей. На эту сумму каждому жителю России выдали приватизационный чек, названный затем ваучером. Рыночная цена ваучеров оказалась намного ниже их номинальной стоимости, пересчитанной с учетом инфляции. Ваучеры сыграли свою роль в качестве талонов на приватизацию, облегчивших процесс перехода от государственной собственности к акционерной и частной, но они не могли создать условий всеобщей, равноправной и справедливой приватизации посредством раздела государственного имущества.

Второе направление заключается в безвозмездной передаче собственности на имущество государственных предприятий их трудовым коллективам. При таком способе имущество в его денежной форме, преобразованной в акции, делится между работниками предприятия, включая и работавших на нем пенсионеров.

Третье направление, наиболее простое по замыслу, заключается в продаже имущества государственных предприятий тому, кто обладает средствами для выкупа. Подобная продажа может быть аукционной, конкурсной (открытой или закрытой), на определенных условиях либо в виде аренды с последующим выкупом.

Реальная российская практика приватизации государственных предприятий пошла по пути комбинирования указанных способов. Акции приватизируемых предприятий стало возможным приобретать и на ваучеры, и на "живые" деньги, а коллективам приватизируемых предприятий были предоставлены льготы в виде возможности получить часть акций бесплатно, а часть – на выгодных условиях.

Особую, сложную для России, проблему представляет приватизация с использованием иностранного капитала. Предоставление иностранным компаниям и гражданам права приобретать приватизируемые российские предприятия порождает не только экономические, но и политические и психологические проблемы. Однако звиду неоднозначной оценки стоимости предприятий и отсутствия конкурирующих покупателей возникает опасение, что они будут проданы иностранцам по низкой цене, даже если включить аукционный механизм ценообразования.

Очевидно, что недостаточны отработанные способы и организационные формы приватизации государственной собственности в России будут со временем изменяться, совершенствоваться. Трудно пока сказать, чем закончится этот сложный процесс и кто будет контролировать корпорации. Однако можно заметить, что российский рынок капитала развивается по американскому, а не по европейскому пути, т.е. контроль над корпорациями переходит не к институциональным инвесторам, а к крупным акционерам — физическим лицам (в отличие от европейского, который основан на ведущей роли банков). Отсюда следует, что приватизированные предприятия в России будут развиваться не за счет банковских кредитов, а на основе рынка ценных бумаг.

За последние годы в Республике Беларусь реформировано 2719 государственных объектов, из них 756 – республиканской и 1963 – коммунальной собственности. Приоритетными с начала реформ были преобразования в сфере услуг и потребительском комплексе. Как правило, это небольшие по численности работающих и стоимости основных фондов предприятия. Причем приоритетным направлением выбрано акционирование. В республике создано 959 открытых акционерных обществ, из них 466 – на объектах республиканской собственности, 493 – коммунальной. В результате акционирования по индивидуальным проектам в 1997 г. для развития производ-

ства было привлечено инвестиций в сумме 3,9 млн дол. В этом же году от приватизации поступило 175,9 млрд руб. в республиканский и 458,9 млрд руб. – в местные бюджеты⁷.

Однако предшествующая практика реформирования государственной собственности в республике показала, что разработка и принятие ежегодных программ и перечней намечаемых к приватизации предприятий нецелесообразны из-за трудоемкости их разработки, длительности периода преобразований, невыполнения намечаемых программами задач. Декрет Президента «О разгосударствлении и приватизации государственной собственности в Республике Беларусь»⁸ положил конец законодательному «застою» в приватизации. Предлагаемые декретом изменения в законодательстве по приватизации позволят обеспечить единую политику в реформировании государственной собственности, что предполагает повышение эффективности приватизации, установление долгосрочных правил ее проведения, введение дополнительных норм по защите интересов граждан республики, создание предпосылок для постприватизационной адаптации предприятий.

¹ См.: Дерябина М. Приватизация в постсоциалистическую эру // МЭМО. 1992. №8.

² См.: The Politics of Privatisation in Western Europe / Ed. by Wright V. London, 1989. P.23.

³ См.: Приватизация государственных предприятий на Западе: концепция и практика. М., 1992. Ч.1. С.8.

⁴ См.: Escarmelle J.F., Hujoel L. Privatisation and Deregulation: its Implication in Belgium // Annals of Public and coop. Economy. Liege, 1986. №2. P.253.

⁵ Нестеренко А. Экономическая политика государства в странах Восточной Европы // Вопросы экономики. 1997. №1. С.104.

⁶ См.: Крылова Н. Формирование инфраструктуры приватизации // Вопросы экономики. 1993. №4. С.87.

⁷ Приватизация: новый этап // Национальная экономическая газета. 1998. №13. С.1–2.

⁸ Там же. №12. С.2–3.

Н.А.МЕЛЬНИКОВА, И.А.КАВЕРИНСКАЯ

ФИНАНСОВАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ КАК ФАКТОР КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ

На состояние современной экономики, в том числе и белорусской, значительное влияние оказывает стабильность финансового положения предприятий. Финансовая стабильность во многом предопределяет конкурентоспособность фирмы как на внутреннем, так и на мировом рынке. На финансовую устойчивость фирмы оказывают влияние множество различных факторов, которые условно подразделяются на внутренние и внешние.

Важнейшими внутренними факторами являются: отраслевая принадлежность предприятия, структура выпускаемой продукции и ее доля в общем платежеспособном спросе, размер оплаченного уставного капитала, величина и структура издержек, состояние имущества и финансовых ресурсов, оперативность обновления ассортимента выпускаемой продукции, компетенция и профессионализм руководителей и др.

К внешним факторам, непосредственно не подконтрольным фирме, относятся: платежеспособный спрос населения, денежно-кредитная, бюджетно-финансовая, торговая политика, политика получения доходов, государственное регулирование иностранных инвестиций, степень интенсивности конкуренции, рыночная власть покупателей и поставщиков, угроза появления на рынке новых конкурентов и новых изделий.

Одним из наиболее неблагоприятных внешних факторов, дестабилизирующих финансовое положение предприятий, является инфляция. В условиях инфляции увеличивается риск получения фактического убытка вместо реальной и даже номинальной прибыли. Фактор инфляции должен учитываться при планировании устойчивого развития фирмы. Так, международные стандарты по бухгалтерскому учету рекомендуют при составлении бухгалтер-

терского баланса использовать специальную систему «ценовых резервов», формируемых за счет затрат, предназначенных для увеличения запаса конкурентоспособности предприятия.

Резервы для изменения цен относят к специальным резервам, создаваемым за счет валовой прибыли. В Японии, например, общая величина всех резервов зависит от оборота капитала предприятия. В среднем за рубежом данные резервы могут поглощать до десяти процентов доходов фирмы (См. Михайлова-Станюта И.А. Оценка финансового состояния предприятия. Мн., 1994. С.133). В крупных фирмах формируются дополнительные резервы, которые могут распределяться на несколько лет. Резервы, не превышающие допустимый лимит, налогами не облагаются. На величину резерва уменьшается прибыль и соответственно корректируется рентабельность. Кроме того, изменяются количественные характеристики многих других показателей, определяющих финансовую устойчивость предприятия.

Международная практика также свидетельствует, что в условиях роста цен необходимо регулярно поправлять стоимость всех статей актива и пассива баланса. По результатам такой корректировки выводится показатель чистой прибыли, которая может быть распределена предприятием в течение определенного периода без ущерба для его функционирования. Цель корректировки уровня цен состоит в защите капитала от обесценения. Так, например, если в прошлом году за доллар платили 20000 руб., а в текущем 40000 руб., то коэффициент равен 2. В результате балансовая стоимость имущества увеличивается в два раза.

В практике утвердились различные методы переоценки и реальной стоимости имущества. Одним из них является переоценка по активу, т.е. по индексу цен на товарную массу, когда капитал трактуется как сумма материальных и нематериальных ценностей. Другим методом является переоценка по пассиву баланса. Если используется этот метод, то имущество предприятия оценивается по сумме вложенных в него средств. Например, если вложенный собственный капитал составил 22 млн руб., то с учетом инфляции в 100% его величина в конце года должна соответствовать 44 млн руб. В этом случае используются коэффициенты динамики валютного курса (только в условиях хождения СКВ).

В Беларуси применяется корректировка по общему индексу цен, что меняет лишь масштаб цен и дает неверные ориентиры предприятиям при оценке собственной устойчивости. В том случае, если государственно установленные темпы инфляции не совпадают с инфляционной оценкой конкретных средств производства, переоцененный баланс неадекватно отражает имущественное положение предприятия. В подобных случаях в западных странах чаще всего применяют специальные индексы цен, т.е. обеспечивается более тесная увязка текущих поступлений с реальными экономическими потерями. Оценки по специальным индексам или текущей стоимости позволяют дифференцировать степень влияния инфляции на финансовое состояние различных фирм. На практике рассматриваемые методы корректировки балансовых стоимостей применяются и в сочетании. В переоцененный по активам баланс включают монетарные активы по номинальной стоимости. Не переоценивается и незавершенное производство (оценивается по фактическим затратам). Для переоценки активов рекомендуют использовать восстановительную стоимость, т.е. индексы, дифференцированные по группам материальных активов и годам их приобретения.

Таким образом, влияние инфляции на финансовое положение предприятия сводится, во-первых, к занижению реальной стоимости имущества (оценка производится на основе старых и новых цен); во-вторых, к занижению реальной стоимости товарно-материальных ценностей и расходов на амортизацию. В этих условиях происходит, с одной стороны, необоснованное завышение прибыли; с другой, — выдвижение на первый план тактических, краткосрочных интересов предприятия, что выражается в росте фонда потребления и сокращении фонда накопления. Кроме того, падение курса

рубля вызывает обесценение всех видов доходов предприятия, изъятие в бюджет фактически неполученной прибыли (занижение реальной себестоимости приводит к завышению прибыли), а также обесценение налоговых поступлений.

Финансовая устойчивость предприятия определяется степенью обеспеченности материальных запасов и производственных затрат собственными средствами, долгосрочными и краткосрочными кредитами и другими заемными средствами. Анализ данного фактора позволяет понять: обоснована или нет величина запасов и затрат предприятия имеющимися источниками их формирования. Если запасы предприятия чрезмерно раздуты, то для улучшения финансового положения разумно сократить их. Такое поведение рационально в условиях высоких темпов инфляции (когда запасы растут в цене, а долги обесцениваются). Конечно, такой путь самокредитования более или менее эффективен лишь при относительно невысоком объеме дебиторской задолженности. Поэтому те предприятия, которые способны диктовать свои условия (предприятия-монополисты), вводят 100%-ю предоплату за свою продукцию, не оплачивая продукции своих поставщиков. Снижение доступности кредитов (традиционно покрывавших около половины потребностей в оборотных средствах) чревато для предприятия нехваткой оборотных средств. Проблема же нехватки оборотных средств не разрешима «естественным» путем (в процессе кругооборота средств) из-за высоких темпов инфляции и чрезмерных запасов предприятий.

Следует учитывать, что в условиях нестабильности хозяйственных связей предприятия запасаются ресурсами впрок. Более того, инфляционные процессы побуждают предприятия делать запасы заранее, еще по невысоким ценам, чтобы обезопасить себя от инфляционных потерь и получить дополнительную прибыль от разницы цен. Нередко при неразвитости оптовой торговли закупаются большие партии товаров из-за того, что поставщикам невыгодно поставлять небольшие партии товаров, а чаще – из-за убыточности транспортировки малых партий груза.

Существенным фактором финансовой устойчивости являются показатели ликвидности. Нехватка денежных средств и чрезмерная величина кредиторской задолженности свидетельствуют о низком уровне текущей ликвидности на предприятии. Известно несколько способов мобилизации средств, которые могут в короткий срок решить проблему обеспечения предприятия оборотными средствами и финансированием в целом без помощи государства. Первый способ характеризуется уменьшением запасов и затрат, хотя в этом случае остается переменной проблема сбыта продукции при увеличении объема производства. Ко второму способу относится экономия затрат, что предполагает экономное расходование сырья и материалов. Третьим способом является избавление от излишнего оборудования, что позволяет высвободить часть собственных средств и перераспределить их на пополнение оборотных средств предприятия. Четвертый способ предполагает переход к выпуску новой продукции с учетом скорости ее оборота, короткого цикла производства, высокой степени переработки, близости к конечному потребителю. Пятый способ – это ориентация только на платежеспособный спрос и его стимулирование, что требует создания дистрибьютерских и собственных торговых сетей для ускорения оборачиваемости готовой продукции.

По состоянию финансов предприятия можно условно разделить на три группы: предприятия в благополучном финансовом положении, в нормальном и в кризисном положении, что обусловлено рядом факторов.

Первым из них является размер предприятия. Малые и средние предприятия из-за высокой маневренности и других организационных преимуществ успешнее адаптируются к рыночным условиям. Крупные предприятия из-за своей инерционности и ряда других специфических функций (социальная сфера, обеспечение занятости в регионе, невозможность массовых увольнений) менее маневренны. Хотя они могут располагать финансовыми ресурсами большего объема, эффект от их использования может полностью «съедаться» нерациональностью расходов предприятия.

Второй фактор – организационно-правовая форма. Влияние данного фактора можно в полной мере оценить лишь при достижении организационной стабильности предприятий и накоплении производственно-правового опыта. В настоящее время большинство предприятий являются акционерными обществами открытого либо закрытого типа с контрольным пакетом акций у трудового коллектива или у государства; действуют также общества с ограниченной ответственностью и арендные предприятия. Некоторые исследователи утверждают, что приватизированные предприятия действуют более рентабельно, чем неприватизированные, но упускают из виду, что здесь нарушен принцип «равенства прочих условий». В первую очередь у нас приватизировались наиболее прибыльные предприятия, и лучший результат их деятельности не является обязательно следствием приватизации. Таким образом, организационная форма во многом определяется не только стратегией поведения фирмы на рынке, но и ее финансовыми возможностями.

Третьим фактором является монопольное положение предприятия. Монополисты могут добиться благоприятного финансового обеспечения. Но многие из них слабо реализуют свои экономические преимущества. Более того, в отсутствие конкуренции и требовательных покупателей (которых должно быть не более 10% в объеме сбыта) эти предприятия не могут определить перспективные для них направления развития, вовремя распознать сигналы рынка об изменении конъюнктуры.

Четвертый фактор характеризует взаимозависимость целей предприятия и его финансового положения. Основной целью каждого предприятия является расширение производства и сбыта продукции для получения прибыли. Такая цель, как сохранение трудового коллектива, если она достигается, позволяет благополучным предприятиям планировать развитие производства. В целом же приоритет сохранения коллектива снижается в условиях сложного финансового положения предприятия. Однако многие предприятия вместо того, чтобы повысить эффективность производства, высвободив лишних работников, вынуждены их сохранять.

Пятый фактор предполагает связь проблемных направлений в деятельности предприятия. Основными проблемами для большинства остаются финансы и сбыт, которые объективно взаимосвязаны и взаимозависимы.

Финансовые ограничения находят отражения на уровне предприятий в обострении проблемы сбыта, что, в свою очередь, оказывает некоторое влияние на динамику производства, но практически не сказывается на структуре выпускаемой продукции.

С проблемой финансов связана не только проблема сбыта, но и снабжения. Основной причиной трудностей снабжения руководители предприятий считают нехватку денежных средств, вызванную высокими ценами на поставляемую продукцию, дороговизну кредита, задолженность потребителей, медленное прохождение платежей. Финансовое положение предприятия зависит от системы хозяйственных связей, а также наличия и поиска выгодных потребителей, каналов сбыта и снабжения. Побудительным мотивом смены традиционных потребителей должна стать ориентация на платежеспособный спрос. Но основные каналы снабжения и сбыта остаются традиционными. Дело тут не в самих каналах снабжения и сбыта, а в методах их использования.

Стабильный сбыт продукции зависит и от ценовой политики предприятия, которая является результатом выбора определенной финансовой стратегии. Методы и принципы ценообразования могут быть различными: «затратные цены», ориентация на спрос, более низкие цены, чем у конкурентов, государственный лимит цен и пр. У многих предприятий все еще преобладающим остается затратный механизм ценообразования, и лишь некоторые из них начинают ориентироваться на рыночные методы установления цен, что способствует улучшению финансовых показателей деятельности предприятия. Ценовая политика является лишь одной из частей финансовой стратегии предприятия, важнейшими характеристиками которой являются распределение дохода, каналы привлечения инвестиций.

Изменения в моделях поведения предприятий, включая изменения производственной, инвестиционной, ценовой, кадровой политики, находят свое логическое завершение в их организационном оформлении. Одним из таких изменений является процесс приватизации. Наряду с ним наблюдается множество других трансформаций: децентрализация самих предприятий, наделение самостоятельностью (экономической и юридической) их структурных подразделений, выделение наиболее прибыльных участков, формирование центров прибыли, создание холдинговых структур, промышленно-финансовых групп и т.п. Все эти изменения направлены на повышение гибкости поведения предприятия на рынке. Но, к сожалению, у большинства предприятий нет еще достаточного опыта работы в новых организационных структурах.

Итак, финансовая ситуация на предприятиях зависит не только от выбранной ими модели поведения, но и от факторов, им неподконтрольных. Среди них можно выделить: первичное неравенство условий деятельности (техническое оснащение, диверсификация производства и т.п.); существенным фактором являются и «правила игры», устанавливаемые государством (стимулирование выпуска рыночно выгодной продукции каждым предприятием).

О.Ч.КИРВЕЛЬ

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ВАЛЮТНЫХ КУРСОВ

На современном этапе развития мировой валютной системы большое значение приобрели теоретические аспекты валютного курса. Это определяется практикой хозяйственной жизни, а именно: неудовлетворительным функционированием системы плавающего валютного курса.

Основной проблемой функционирования валютных рынков являются чрезмерные курсовые колебания. Это касается как краткосрочных движений, которые называются внутрисуточными колебаниями, так и долгосрочных (более года) изменений. Статистические данные подтверждают, что для современной системы валютных курсов обычным фактом является ежедневное изменение на 1%¹. Величину краткосрочных колебаний достаточно четко иллюстрируют цифры минимальных и максимальных ежедневных изменений валютного курса в течение 1973—1985 гг.²

Валютные курсы также характеризуются постоянным отклонением от долгосрочного равновесия, основным показателем которого, по мнению Дорнбуша и Френкеля, является паритет покупательной способности (ППС). Они определяют ППС посредством реального валютного курса, используя относительные потребительские цены в качестве дефлятора номинального курса. Статистические данные показывают, что доллар по отношению к остальным ведущим валютам обесценивался с 1977 по 1981 г. и ревальвировался с 1982 по 1986 г. Основываясь на последних исследованиях, можно утверждать, что скорость выравнивания валютных курсов по отношению к паритету покупательной способности очень низкая³.

Внимание к теоретической оценке валютного курса объясняется его ролью в общей хозяйственной системе. Глубокие долговременные колебания валютного курса отрицательно сказываются на производстве, занятости, инвестициях. Это создает диспропорции в различных секторах экономики, вызывает экспансию или, наоборот, свертывание производства и сокращение занятости. В результате в этих секторах происходят структурные ломки, особенно в отраслях, тесно связанных с импортом или экспортом.

Резкие колебания валютных курсов затрудняют государственное регулирование экономики. Перед властями возникает дилемма: либо допустить существование в экономике больших изменений обменного курса, либо осуществить перестройку своей валютной политики. По мнению исследователя Г.Г.Матюхина, для перестройки механизма курсовых соотношений прежде всего необходимо определить должный уровень валютного курса и

экономически оправданные пределы его колебаний. А так как валютный курс в настоящее время стал активным инструментом экономической политики, то его уровень потерял четко выраженную определенность. Требуются некие индикаторы, которые своевременно давали бы знать властям, когда необходимо включать и отключать механизм курсового регулирования. Однако современная наука такими индикаторами не располагает⁴. Поэтому, не зная экономически обоснованного валютного курса, центральные банки западных стран получают зачастую противоположный эффект от воздействия на его динамику. Кроме того, чтобы определить рычаги воздействия на колебания валютного курса и выработать соответствующие направления макроэкономической политики, необходимо знать объективные причины этих колебаний. В принципе решением этих двух задач и занимаются теоретики валютных курсов. Трактую различным образом экономическое обоснование уровня валютного курса, а также причины его колебаний, они определяют и различные приоритеты в разработке направлений макроэкономической и валютной политики.

Все теории валютных курсов можно подразделить на современные и традиционные. В традиционных теориях валютный курс должен сбалансировать потоки товаров и капиталов; равновесный курс достигается при равновесии платежного баланса. В современных теориях валютный курс должен уравнивать фактический и желаемый объем финансовых активов. Среди традиционных теорий выделяются: теория паритета покупательной способности; кейнсианские модели чисто потокового типа; модель Манделла–Флеминга.

Однако для настоящего времени эти теории оказались недостаточными, так как учитывают лишь ограниченное число факторов, поэтому большее значение приобретают современные "теории валютных курсов как финансовых активов". Чем же вызвано их появление и каково их отличие от традиционных подходов? В современной практике хозяйственной деятельности проявляется тенденция ослабления взаимосвязей между валютным курсом и валютным рынком, с одной стороны, и реальным экономическим сектором – с другой.

По данным 1988 г. ежегодный объем валютных сделок колебался в пределах от 65 до 100 трлн дол. США, тогда как объем торговли товарами и услугами составлял всего лишь 4 трлн дол.⁵ Эти цифры свидетельствуют о том, что основная масса сделок на валютном рынке осуществляется по финансовым мотивам. Увеличение доли валютных сделок, мотивированных финансовыми потоками, послужило одной из причин разработки современных теорий валютного курса. Особо важное значение они имеют в краткосрочном и долгосрочном периоде, когда определение валютного курса равносильно определению цен финансовых активов, т.е. обоснованный уровень валютного курса достигается при соблюдении равновесия на рынках активов. Акцентирование внимания на финансовых запасах не означает, что современные теории не придают важного значения текущему счету платежного баланса: в среднесрочном периоде, когда система колеблется между одним краткосрочным равновесием и другим, приоритет отдается такому уровню валютного курса, при котором спрос на иностранную валюту равен ее предложению.

Можно выделить три варианта подходов финансовых активов, а именно: подход портфельного баланса, монетарный подход, подход замены валюты. Различия между этими вариантами проводятся в зависимости от количества предполагаемых активов, включенных в частные портфели, а также от степени заменяемости отечественных и иностранных активов. В подходе портфельного баланса иностранные и отечественные облигации считаются несовершенными заменителями, тогда как в монетарном подходе эти два типа облигаций взаимозаменяемы. Первый и второй подходы исключают беспроцентную иностранную валюту из активов частных лиц, в то время как в третьем варианте, напротив, акцентируется внимание на том, что ино-

странная валюта является заменителем национальных денег и считается активом частных лиц.

В подходе портфельного баланса портфель частных агентов состоит из национальных денег, отечественных и иностранных облигаций. Предположим, что соблюдается условие абсолютной мобильности капитала; при данном предложении активов спрос на них зависит от отечественной процентной ставки, ожидаемого дохода от иностранных облигаций, национального дохода и финансового благосостояния; ожидаемый доход по иностранным облигациям состоит из внешней процентной ставки и ожидаемого процентного изменения валютного курса.

Можно выделить два типа модели портфельного баланса: подход предпочитаемой среды обитания; подход малой страны. Предполагается, что в модели предпочитаемой среды обитания агенты не склонны подвергаться валютному риску. Субъекты каждой из стран имеют как национальные, так и иностранные валютные активы. В случае же равенства ожидаемых доходов предпочтение отдается активам, выраженным в национальной валюте. Модели предпочитаемой среды описаны Дули и Изардом в 1982 г.⁶ Подход малой страны, исследованный Бренсоном в 1977 г., предполагает, что только отечественные субъекты имеют активы, выраженные в национальной валюте⁷. После включения названных предположений краткосрочная модель обретает следующий вид:

$$M = m(r, r^* + e^{0e}, Y) \cdot W, \quad (1)$$

$$B = b(r, r^* + e^{0e}, Y) \cdot W, \quad (2)$$

$$e \cdot F = f(r, r^* + e^{0e}, Y) \cdot W, \quad (3)$$

$$W = M + B + e \cdot F. \quad (4)$$

где M – национальные деньги, B – отечественные облигации, F – иностранные облигации, r – национальная процентная ставка, r^* – иностранная процентная ставка, e^{0e} – ожидаемое процентное изменение валютного курса, $r + e^{0e}$ – ожидаемый доход по иностранным облигациям, Y – национальный доход, W – финансовое благосостояние, m – спрос на деньги, b – спрос на отечественные облигации, f – спрос на иностранные облигации, e – валютный курс (цена единицы иностранной валюты, выраженная в национальных деньгах).

При монетарном подходе отечественные и иностранные облигации взаимозаменяемы и могут быть суммированы в один актив. Взаимозаменяемость отечественных и иностранных облигаций ведет к равенству ожидаемого дохода по обоим типам активов. Таким образом, риск инвесторов относительно валютных рисков нейтрален, силу же обретает непокрытый процентный паритет:

$$r = r^* + e^{0e} \quad (5)$$

Национальная процентная ставка выводится из этого паритета. Уравнения, соответствующие уравнениям портфельного баланса, следующие:

$$M = m(r, Y) \cdot W, \quad (6)$$

$$BF = bf(r, Y) \cdot W, \quad (7)$$

$$W = M + B + e \cdot F, \quad (8)$$

где BF – запас отечественных и иностранных облигаций, bf – спрос на отечественные и иностранные облигации, $BF = B + e \cdot F$ и вследствие (5) только одна процентная ставка включена в функции спроса на активы. В большинстве исследований, ориентированных на монетарный подход, функция спроса на деньги отличается от (6), так как спрос относится к реальным балансам, а финансовое благосостояние исключается. Возможное оправдание для исключения W то, что во многих случаях его временные ряды сильно зависят от национального дохода. Таким образом, уравнение (6) изменяется:

$$M/P = m_r(r, Y), \quad (9)$$

где P – уровень отечественных цен и m_r – спрос на реальные денежные балансы. Валютный курс колеблется, чтобы выровнять реальный спрос и предложение денег. Точная формула для валютного курса зависит от

предполагаемого взаимодействия между валютным курсом и отечественным уровнем цен.

Наиболее простая монетарная модель используется при гибких ценах. В этой модели имеет силу ППС:

$$e = P/P^* \quad (10)$$

Предположим, что спрос иностранцев на деньги определяется по такой же формуле, как и (9):

$$M^*/P^* = m_r(r^*, Y^*) \quad (11)$$

Решая (9) и (11) и заменяя конечное отношение (10), получаем уравнение валютного курса:

$$e = m_r^*(r^*, Y^*) \cdot M / m_r(r, Y) \cdot M^* \quad (12)$$

Монетарная модель с гибкими ценами демонстрирует результаты, которые опровергаются другими моделями. Во-первых, при повышении национального дохода спрос на реальные денежные балансы увеличивается и, как следствие, валютный курс падает. Это объясняется тем, что, при условии постоянного предложения денег и обратно пропорциональной зависимости между уровнем цен и спросом на деньги, увеличение национального дохода ведет к падению цен, и, как следствие ППС, валютный курс ревальвируется. Это явление противоречит традиционному взгляду, согласно которому увеличение национального дохода приведет к экстраспросу на импорт и обесценению обменного курса. Во-вторых, повышение отечественной процентной ставки приведет к снижению спроса на деньги, что в свою очередь увеличит уровень цен, и следствием будет обусловленное ППС обесценение национальной валюты. Это также не соответствует распространенному мнению о том, что повышение отечественной процентной ставки ведет только к удорожанию национальной денежной единицы.

Такие результаты не характерны для всех монетарных моделей, а являются следствием предположения гибких цен. Другая версия монетарной модели, открытая Дорнбушем в 1976 г., использует предпосылку жестких цен⁸. В этом варианте предполагается абсолютная мобильность капитала и полная заменяемость иностранных и отечественных активов, т.е. соблюдается условие непокрытого процентного паритета, вводится уравнение равновесия на денежном рынке, относительный паритет покупательной способности и функции спроса на деньги и активы, зависимые от ожидаемых изменений валютного курса.

Во всех предыдущих моделях предполагалось, что экономические субъекты не владеют иностранной валютой. Модель замены валюты концентрирует внимание на возможных последствиях владения иностранной денежной единицей отечественными резидентами. Здесь используется модель портфельного баланса с незначительными поправками:

$$B = m(r, r^* + e^{0e}, e^{0e}, Y) \cdot W, \quad (13)$$

$$M = b(r, r^* + e^{0e}, e^{0e}, Y) \cdot W, \quad (14)$$

$$e \cdot F = f(r, r^* + e^{0e}, e^{0e}, Y) \cdot W \quad (15)$$

$$e \cdot N = n(r, r^* + e^{0e}, e^{0e}, Y) \cdot W, \quad (16)$$

$$W = M + B + e \cdot F + e \cdot N, \quad (17)$$

где N – иностранная валюта. Заметим, что ожидаемое процентное изменение валютного курса включается как отдельная статья в список аргументов функции спроса на активы. Особенности финансовых активов в модели портфельного баланса с заменой валюты не отличаются от стандартной модели портфельного баланса, которая либо исключает замену валюты, либо нечетко разграничивает иностранные денежные и неденежные активы. Единственное исключение состоит в воздействии возросшего национального дохода (или какой-либо другой ведущей переменной) на изменение общего национального спроса на иностранные активы, который может быть либо положительным, если имеет место замена валюты, либо, по условной модели портфельного баланса, иметь отрицательное значение или ноль⁹.

Итак, современные тенденции развития мировой экономической системы требуют интегрировать традиционные и новейшие теории для объективного

определения валютного курса. Основным критерием применения той или иной концепции является временной аспект.

В краткосрочном периоде валютный курс определяют условия финансового рынка. Обменный курс колеблется наряду с процентными ставками и ожидаемым валютным курсом, стремясь уравновесить желаемые и действительные запасы финансовых активов. В среднесрочном периоде ведущую роль играет текущий счет платежного баланса, который доминирует в традиционных кейнсианских моделях. Динамика долгосрочного равновесия определяется уровнем финансирования государственного бюджета, относительным паритетом покупательной способности, неравновесием на товарном рынке и балансом текущих расчетов.

Как видно, появление теорий валютного курса, основанных на финансовых активах, обусловлено практикой хозяйственной жизни, и они являются действительным отражением определенного состояния валютных рынков.

¹ См.: MacDonal'd. Floating exchange Rate: theories and evidence, Unvin Hyman. London, 1988, P.8.

² Ibid. P.10.

³ Jong E. de. Exchange Rate Determination and Optimal Economic Policy Under Various Exchange Rates Regimes. 1991. №VII. P.1.

⁴ См.: Матюхин Г. Г. Доллар США и валютные отношения Запада. М., 1989. С.84–85.

⁵ Jong E. de. Op.cit. P.2.

⁶ Ibid. P.10.

⁷ Ibid.

⁸ Ibid. P.14.

⁹ Cuddington J. T. Currency substitution, capital mobility and money demand // Journ. of International money and finance. 1983. №2(1). P.114–115.

Л.Л.ГОЛУБЕВА

НАСЛЕДСТВЕННЫЕ ПРАВА ЖЕНЩИН БЕЛАРУСИ В XV–XVI вв.

В древности порядок перехода имущества от наследодателя к наследникам регулировался обычным правом. Обычные нормы действовали довольно длительный период, особенно среди простого населения. Например, длительно сохранялось правило о наследовании недвижимого имущества младшим сыном наследодателя, а при отсутствии сыновей — дочерьми.

Основаниями наследования имущества были закон и завещание. Первые письменные памятники древнего права Беларуси, в том числе и международные договоры (например, договор Полоцкого, Витебского и Смоленского княжеств с Ригой и Готским берегом 1229 г.), содержали нормы наследственного права. Однако это были отдельные правовые нормы, и они не дают полного представления о системе и характерных чертах всего наследственного права того времени.

С возникновением Великого княжества Литовского, основой которого были белорусские земли, отношения, связанные с наследованием имущества, унифицируются, приводятся в определенную систему. Первыми законодательными актами государства, в которых говорилось о наследовании, были общеземские и областные грамоты (привилеи).

С развитием товарно-денежных отношений происходят изменения во всей системе наследственного права. При этом если первоначально право наследования принадлежало ограниченному кругу родичей, то позже, во времена средневековья, круг наследников расширяется.

В законодательных актах Великого княжества Литовского постепенно оформляется институт наследования. Уже первыми общеземскими грамотами закрепляется ряд правовых норм, посвященных наследованию имущества. В частности, в грамотах Ягайло, особенно в грамоте от 20 февраля 1387 г., особое внимание уделено вено. Мужчина при вступлении в брак должен был материально обеспечить жену, записав на нее часть имущества в возмещение внесенного ею в семью приданого. Состав и размер вена определялись, как правило, местными обычаями по соглашению жениха с отцом невесты или другими родичами. Права мужа и жены относительно выделения вена, распоряжения им и его дальнейшей судьбы давались Великим князем и регламентировались как пожалование льгот шляхте, как расширение ее свобод и вольностей¹. Грамота в качестве льготы, данной Великим князем, признавала право вдовы на владение и пользование имуществом умершего мужа до ее вступления в новый брак. По обычаю, если у умершего не было детей или других наследников, земельное владение переходило к Великому князю как выморочное имущество. В грамоте говорилось: «Если же случится, что дочь, внучка или родственница какого-нибудь рыцаря останется после смерти своего мужа вдовой, она остается в имени-

ях или владениях своего мужа до тех пор, пока будет находиться на вдовьем ложе. Если же она пожелает выйти в другой раз замуж, то сама переходит к мужу, которого выбрала, без надления приданым, имущество же и владения остаются детям, если они были, а если их не было, то тогда наиболее близким родственникам первого мужа так же, как женщины-вдовы выходят замуж в других землях королевства нашего². Таким образом, вдова пользовалась имуществом умершего супруга до тех пор, пока снова не выходила замуж. Великий князь имел право передать это имущество и иному лицу. Феодал, которому было пожаловано новое имущество, должен был обеспечить "кормление" вдовы, т.е. пожизненное ее содержание. Очень часто после браков с вдовами, которые владели имуществом первых мужей, рассмотренные владения переходили к другим лицам.

Аналогичное правило регламентировалось последующими привилегиями и Статутом 1529 г. В соответствии с привилегией Казимира 1447 г., вдова владела имуществом умершего мужа до того времени, покуда она "на вдовьем столце сядет"³. При вступлении ее в повторный брак имущество переходило к сыновьям или же близким родственникам мужа. Если вдова имела записанное вено, то это имущество после смерти мужа становилось ее собственностью. Владение имуществом мужа на правах вена требовало от вдовы выполнения земской и воинской службы с данного имения. В связи с чем приходилось нанимать для этого специальных людей. Кроме того, в привилегии 1447 г. ограничивались права тех женщин, которые выходили замуж за пределы Великого княжества Литовского. Такая женщина обязана была продать это имущество или иным способом распорядиться им. Полагающееся девушке приданое выдавалось в денежной сумме. Эта норма была направлена не только на обеспечение несения воинской службы с определенного имения, но и против проникновения иностранцев на территорию Великого княжества Литовского путем женитьбы.

В Смоленской областной грамоте 1505 г. излагаются довольно широкие права вдовы, в том числе закрепленное за ней право на пожизненное владение имуществом мужа и на свободный выход замуж.

Аналогичное положение содержится в Полоцкой областной грамоте 1511 г. В случае повторного замужества вдове оставалось то имущество, которое ей записал первый муж, однако размеры этой части законом не определялись. При этом вдова должна была сообщить родственникам мужа, что он записал ей, а остальную часть имущества оставить наследникам мужа. Так, говорилось: "Также который боярин, а любо мещанин отойдет с сего света, ино жона тая вдова, доколе на вдовьем столце сядит, именем мужьим владеет; а коли всхочет пойти за иного мужа, ино ее силою замуж не давати, а пойти ей с тым, што ей будет муж записал, а штобы то было с ведома племени первого мужа, а любо иным добрым людем, а именье зоставити детем, а не будет ли детей, ино братьи, а не будет братьи, ино ближним первого мужа". Законодательно было закреплено право женщин Великого княжества Литовского свободно выходить замуж⁴.

Следует отметить, что право наследования было еще недостаточно урегулировано в так называемый привилегийный период. С течением времени наследование имущества оформилось как хорошо развитый правовой институт. Постепенно, в связи с процессом централизации и все большим укреплением центральной власти, государство все активнее вмешивается в вопросы, связанные с наследованием, и стремится охватить регламентацией все наследственные правоотношения. Отдельные правовые нормы о наследовании, которые содержатся в грамотах, обобщаются, развиваются, дополняются новыми положениями из различных источников и приводятся в определенную систему. Интенсивный кодификационный процесс в XVI в. приводит к созданию Статутов – сводов законов Великого княжества Литовского.

Статут, введенный в действие 29 сентября 1529 г.⁵, отразил новый этап развития правовой культуры и гражданско-правовых отношений. Это свод

законов феодального права. Он был подготовлен на основе кодификации и систематизации норм местного обычного права, постановлений судебных и государственных органов, привилеев⁶. В основу Статута положены такие принципы, как суверенитет государства, единство права, приоритет писаного права. Нашли также отражение идеи правопорядка и гуманизма, которые явились значительным шагом вперед в развитии права. Статут 1529 г. заложил основы юридического закрепления имущественных прав шляхты, положил начало оформлению отрасли гражданского права, нормы которого были приведены в определенную систему и помещены в конкретных разделах. Конечно, полного размещения гражданско-правовых норм в отдельных разделах Статута не прослеживается, но нормы брачно-семейного права, например, помещены в IV разделе, опекунского – в V разделе и т.д. В Статут включены нормы, определяющие имущественные права женщин и детей, порядок выдачи девушек замуж и др.

Отец, который выдавал дочь замуж, не только должен был обеспечить ее приданым, но и требовал от зятя прежде “вено оправити”, т.е. обеспечить будущее имущественное положение жены путем записи на ее имя определенной части имущества. Обычно вено записывалось в двойном размере той суммы, которую внесла женщина в дом своего мужа, но не более третьей части всего имущества. В Статуте 1529 г. говорилось: “Тэж уставуем: естли бы хто дочку свою выдал замуж, тогды ей маеть первой вено оправити. А естли бы хто дочку выдал замуж, а вена ей не оправивши, тогды тая девка не маеть венца мети” (р.IV, арт.8).

Больше всего закон заботился о сыновьях наследодателя. Дочери, как правило, получали имущество в качестве приданого. Статут определял право дочерей на четвертую часть имущества, причем даже если в семье один сын и много дочерей, все они имеют право на ту же четвертую часть (р.IV, арт.7).

Статут 1529 г. предоставил невенчанной вдове право на пожизненное владение имуществом мужа, но, вступив в брак, она должна была оставить имущество детям или наследникам мужа (р.IV, арт.5).

Во втором Статуте, введенном в действие 1 марта 1566 г.⁷, были полнее изложены нормы наследственного права. Это было связано с разрешением полного распоряжения недвижимым имуществом. Относительно имущества матери сохранился принцип предыдущего Статута. Все дети имели право на равную долю. В разделе, посвященном шляхетским вольностям, говорится о наследовании отцовского имущества. Как и прежде, признавались незаконнорожденными дети от брака с невенчанной женой, а также те дети, от которых отказался отец. Статут разъяснял также, что внебрачные дети, даже если позже отец женился на их матери, оставались в положении незаконнорожденных и не имели права на наследование отцовского имущества (р.III, арт.23).

Закон регулировал права наследования детьми от нескольких браков, учитывая различный размер приданого, внесенного женщинами-матерями этих детей. В связи с этим сыновья должны были осуществить предварительный расчет между собой, а потом уже разделить наследство. В случае смерти одного из братьев, его часть наследства переходила остальным братьям. Дочери получали, как правило, отцовское имущество в наследство только в случае отсутствия у наследодателя сыновей.

Статут 1566 г. регулировал и вопросы наследования имущества в случае бездетности у наследодателя. При этом отцовское имущество наследовалось “па мячу”, т.е. ближайшими родственниками отца, а материнское “па кудзелі” – родственниками матери (р.III, арт.13, 14). Статут по-новому определил правовое положение вдовы-шляхтянки. Так, если она выходила второй раз замуж до истечения шести месяцев после смерти мужа, то теряла вено, а если выходила замуж за человека “простого стану”, то лишалась всего наследства (р.V, арт.11, 12). Второй Статут улучшил и уточнил положение невенчанной вдовы. Ее дети должны были обеспечить вдове

шляхтянке “венец” – 30 коп грошей. Если же имение не оценивалось в 30 коп грошей, ей выделялась четвертая часть имущества в пожизненное пользование (р.V, арт.1). Если же вдова повторно не выходила замуж, она до конца жизни пользовалась имуществом в равной с детьми доле.

Регламентация этих положений свидетельствует о развитии наследственного права в середине XVI в. Нормы наследственного права, содержащиеся в Статутах 1529 и 1566 гг., получили дальнейшее развитие в новом своде законов государства – Статуте 1588 г.

¹ Спасович В. Об отношениях супругов по имуществу по древнему литовскому праву. СПб., 1857. С.38.

² Белоруссия в эпоху феодализма. Т.1: С древнейших времен до середины XVII века. М., 1959. С.101–102.

³ Там же. С.124–125 и след.

⁴ Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные археографическою комиссией. Т.2: 1506–1544. СПб., 1848. С.86–87 и след.

⁵ См.: Статут Великого княжества Литовского 1529 г. М., 1960.

⁶ Юхо Я. А. Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі. Мн., 1992. С.164.

⁷ См.: Статут Великого княжества Литовского 1566 г. // Временник Императорского Московского Общества истории и древностей Российских. Кн. 23. М., 1855.

А.Я.ЛЯСКОЎ

УПЛЫЎ ІДЭІ ФРАНЦУЗСКІХ МЫСЛІЦЕЛЯЎ ЭПОХІ АСВЕТНІЦТВА НА РАЗВІЦЦЁ ПРАВАВОЙ І ПАЛІТЫЧНАЙ ДУМКІ У РЭЧЫ ПАСПАЛІТАЙ У КАНЦЫ XVIII ст.

Канец XVIII ст. з’яўляецца адной з найбольш яркіх і драматычных старонак гісторыі Рэчы Паспалітай. Менавіта ў гэты перыяд адбываюцца падзеі надзвычайнай важнасці: грамадскія рэформы, якія выклікалі да жыцця Канстытуцыю 3 мая 1791 г., падзелы Рэчы Паспалітай паміж суседнімі дзяржавамі, вызваленчае паўстанне пад кіраўніцтвам Тадэвуша Касцюшкі і інш. Можна смела сцвярджаць, што ў канцы XVIII ст. адбыліся свайго роду “тэктанічныя зрухі” у гісторыі беларускага, літоўскага, украінскага і польскага народаў, што ў многім прадвызначыла іх далейшы лёс.

Гісторыя Рэчы Паспалітай дагэтуль не знае адназначных адказаў на шматлікія пытанні. Адным з важнейшых з’яўляецца пытанне аб дзяржаўным ладзе гэтай краіны. Існуюць розныя меркаванні, але для гісторыі дзяржавы і права Беларусі адкрыццём сталі даследаванні Я.А.Юхо, які сцвярджае, што Рэч Паспалітая была канфедэрацыяй Кароны Польскай і Вялікага княства Літоўскага. Па акту Люблінскай уніі Вялікае княства Літоўскае павінна было зліцца з Польшчай і страціць сваю самастойнасць, але паводле Статута 1588 г. яно захоўвала поўны суверэнітэт, а акт уніі ігнараваўся. Падобны падыход да вывучэння гісторыі Рэчы Паспалітай дазваляе сцвярджаць, што прававая і палітычная спадчына гэтай дзяржавы належыць не толькі палякам, але таксама беларускаму, украінскаму і літоўскаму народам.

Канец XVIII ст. для Рэчы Паспалітай з’яўляецца яшчэ і часам росквіту прававой і палітычнай думкі. Гэта тлумачыцца аб’ектыўнымі прычынамі: развіццём агульнакультурнага руху Асветніцтва ў эпоху пераходу ад феадалізму да капіталізму ў краінах Еўропы. У гэты перыяд найбольш важнымі з’яўляюцца каштоўнасці, якія грунтуюцца на павазе чалавечай годнасці. Працэс палітычнага, маральнага, эстэтычнага выхавання асобы набывае ў той час вялікую значнасць. У XVII–XVIII стст. ідэі Асветніцтва аказвалі значны ўплыў на змест, спосабы і напрамкі развіцця навукі аб дзяржаве і праве.

Важна адзначыць, што грамадскія працэсы ў Рэчы Паспалітай мелі свае асаблівасці. У.М.Конан піша пра гэта наступнае: “Характарызуючы развіццё асветніцкай ... думкі ў Беларусі, Літве і Польшчы, належыць улічваць склаўшуюся тут канкрэтна-гістарычную сітуацыю. Слабасць буржуазнай апазіцыі, яе кампраміс з эканамічнымі, ідэалагічнымі і сацыяльна-палітычнымі інстытутамі феадальнага грамадства прывялі да храналагічнага змяшчэння

асветніцкай эпохі (яе "пік" прыпадае на канец XVIII – пачатак XIX ст.) і да слабай далучанасці да палітычнага радыкалізму і атэізму французскіх асветнікаў, аказаўшых уплыў на мясцовую філасофскую і эстэтычную думку"¹.

Уплыў грамадскіх працэсаў Францыі на развіццё прававой і палітычнай думкі ў Рэчы Паспалітай у канцы XVIII ст. адзначаюць і іншыя навукоўцы. Так, Я.А.Юхо мяркуе, што на Чатырохгадовым сойме 1788–1792 г. актывізацыя дэпутатаў-рэформатараў была выклікана падзеямі ў рэвалюцыйнай Францыі².

Гістарычныя сувязі Рэчы Паспалітай і Францыі мелі глыбінныя карані. Вядома, што ў 1573 г. на каралеўскі прастол у Рэчы Паспалітай быў абраны Генрых Валуа. З ім была заключана своеасаблівая дамова – "Пакт канвента". Гэта быў агульнадзяржаўны акт, які рэгуляваў прававое становішча караля. Гэты дакумент дапамагае зразумець сутнасць і глыбіню ўзаемаадносін паміж Францыяй і Рэччу Паспалітай. Згодна з "Пактам канвента", Генрых Валуа як кароль Рэчы Паспалітай мусіў выконваць наступныя ўмовы: заключыць вечны саюз Рэчы Паспалітай з Францыяй; у час вайны Францыя абавязана была прыслаць у Рэч Паспалітую гасконскую пяхоту, а Рэч Паспалітая ў Францыю – кавалерыю і г.д. Прадугледжвалася таксама пашырэнне гандлю паміж дзвюма краінамі, пацвярджэнне ўсіх правоў і прывілеяў³.

Часам выказваюцца меркаванні, што французскі ўплыў распаўсюджваўся пераважна на Польшчу і ў меншай меры – на Вялікае княства Літоўскае. Польскі даследчык Генрык Віснэр лічыць, што прычынамі грамадскіх рэформ у княстве ў канцы XVIII ст. былі як унутраныя патрэбы народа, так і знешнія фактары. Пры гэтым аўтар называе Польшчу, Германію і Францыю краінамі, што аказвалі найвялікшы ўплыў на развіццё падзей у Вялікім княстве Літоўскім⁴. Адсюль можна зрабіць выснову, што хаця грамадскія працэсы ў беларуска-літоўскай дзяржаве і мелі свае асаблівасці, ідэі заходне-еўрапейскіх асветнікаў успрымаліся ў Беларусі і Літве элітнымі коламі з вялікай цікавасцю.

Адным з найбольш вядомых прадстаўнікоў еўрапейскага Асветніцтва па праву прызнаецца вялікі французскі мысліцель і літаратар Вальтэр. У яго няма твораў, прысвечаных выключна юрыдычным і палітычным праблемам. Погляды Вальтэра на дзяржаву, права, палітыку адбіліся ў самых розных творах, дзе яны знаходзяцца побач з меркаваннямі на іншыя тэмы.

Вальтэр надаваў вялікае значэнне ідэі аб неабходнасці барацьбы з клерыкалізмам і каталіцкаю царквой. Ён асуджаў рэлігійны фанатызм католікаў, які забіваў, на думку мысліцеля, жыццятворны пачатак усякай свабоды – свабоду сумлення і слова. Такія думкі Вальтэра знаходзілі падтрымку некаторай часткі насельніцтва Рэчы Паспалітай. Гэта тлумачыцца страшэнным уціскам "дысідэнтаў", іх прававой дыскрымінацыяй. Каталіцкае духавенства пры дапамозе соймавых пастанаў у 1717, 1733 і 1736 г. абмежавала іншаверцаў у палітычных правах. Широка вядомай у свеце стала прамова архіепіскапа Георгія Каніскага, звернутая да караля Станіслава-Аўгуста Панятоўскага, у якой ён адстойваў правы "дысідэнтаў". Як адзначае даследчыца В.Н.Дышыневіч, прамова зрабіла вялікае ўражанне на караля і пасля была перакладзена на еўрапейскія мовы як узор абароны верацярпімасці⁵. Можна сцвярджаць, што архіепіскап Георгій Каніскі заклаў пачаткі традыцыі абароны свабоды сумлення на Беларусі. Вядомы гісторык М.Каяловіч у свой час пісаў: "Ні ў адным польскім помніку я не сустракаў такога яснага і шырокага разважання пра свабоду сумлення (не для адных толькі адукаваных людзей, а для ўсіх), як у данясеннях і прашэннях Георгія Каніскага"⁶. Зразумела, што значны ўплыў на праваслаўнага архіепіскапа аказалі ідэі французскіх асветнікаў. У той жа час Георгій Каніскі не прымаў рэлігійнага радыкалізму Вальтэра і нават напісаў свой адказ на "Письмо г. Вольтера к учителям церкви и богословам", у якім супрацьстаяў распаўсюджванню "заразы бязвер'я". Хаця нельга сказаць, што Вальтэр быў атэістам. Яго творам уласцівы антыклерыкальны пафас, у той жа час французскі мысліцель не адмаўляў рэлігію і рэлігійнасць⁷.

Важнейшай катэгорыяй у поглядах Вальтэра на права і палітыку з'яўляецца свабода. Французскі мысліцель разумеў яе як свабоду асобы, але не як свабоду грамадства. Асновай і гарантам асабістай свабоды Вальтэр прызнаваў свабоду слова і свабоду друку. Вялікую ўвагу ён надаваў свабодзе сумлення, якую супрацьпастаўляў каталіцкай нецярпімасці. Рэгуляваць паводзіны індывідаў і адначасова забяспечваць выкананне правоў асобы, на думку Вальтэра, павінна заканадаўства. "Свабода, – адзначаў ён, – заключаецца ў тым, каб залежаць толькі ад законаў".

Гэтыя ідэі Вальтэра аказалі вялікі ўплыў на развіццё прававой і палітычнай думкі ў Рэчы Паспалітай у канцы XVIII ст. Вядома, што Чатырохгадовы сойм у студзені 1791 г. прыняў "Кардынальныя правы", у якіх замацоўваліся асноўныя прынцыпы канстытуцыйнага права. Рэч Паспалітая абвешчалася прававой дзяржавай, у якой вяршэнства належыць толькі закону, прынятаму соймам. Надзвычай важным належыць прызнаць арт.11 "Кардынальных правоў", у якім ішла гаворка аб свабодзе слова і друку, праўда, за выключэннем пытанняў, што датычацца каталіцкай веры.

Нягледзячы на тое, што Вальтэр выступаў за свабоду ў палітыка-юрыдычным сэнсе, калі ўсе грамадзяне аднолькава залежалі ад закону і аднолькава абараняліся законам, ён не быў прыхільнікам маёмаснай роўнасці людзей. У прыватнасці, права галосу ў пытаннях грамадскай важнасці могуць мець, на думку пісьменніка, толькі ўласнікі⁸. Тут можна правесці паралелі з законам Рэчы Паспалітай ад 24 сакавіка 1791 г., у якім бедная беззямельная шляхта пазбаўлялася права ўдзельнічаць у павятовых соймах і выбіраць дэпутатаў на агульны сойм.

Падаецца важным разгледзець таксама значэнне творчасці знакамітага юрыста і палітычнага мысліцеля Шарля Луі Мантэск'е. Яго асноўнымі работамі з'яўляюцца "Персідскія пісьмы", "Роздумы аб прычынах велічы і заняпаду рымлян", "Пра дух законаў".

Мантэск'е бачыў залежнасць законаў ад розных форм кіравання, якіх ён вылучаў тры: рэспубліканскую, манархічную і дэспатычную. Пры гэтым французскі мысліцель меркаваў, што прырода кожнай формы кіравання вызначае асноўныя, канстытуцыйныя законы, адпаведныя таму альбо іншаму дзяржаўнаму ладу.

Асаблівую ўвагу Мантэск'е надаваў суадносінам закона і свабоды. Французскі мысліцель лічыў, што палітычная свабода дасягаецца толькі там, дзе выключана магчымасць злоўжывання ўладаю, дзеля чаго патрэбны падзел улад у дзяржаве на заканадаўчую, выканаўчую і судовую. Падзел і ўзаемнае стрымліванне ўлад з'яўляюцца, паводле Мантэск'е, галоўнай умовай для забеспячэння палітычнай свабоды ў яе адносінах да дзяржаўнага ўладкавання.⁹

Ідэі французскага мысліцеля аб неабходнасці падзелу ўлад у дзяржаве былі ўспрыняты ў Рэчы Паспалітай. 3 мая 1791 г. быў прыняты "Закон аб урадзе", больш вядомы ў гістарычнай літаратуры як Канстытуцыя Рэчы Паспалітай. У раздзеле 5 канстытуцыі гаварылася аб тым, што "усякая ўлада ў чалавечым грамадстве бярэ свой пачатак у волі народа" і мусіць "складацца з трох улад", а менавіта: заканадаўчай, выканаўчай і судовай.

Можна сцвярджаць, што Канстытуцыя Рэчы Паспалітай грунтавалася на перадавых дасягненнях тэорыі дзяржавы і права. Відавочна, што палажэнне аб волі народа, як крыніцы ўсякай улады, замацаванае ў Канстытуцыі 3 мая 1791 г., сугучна вучэнню арыгінальнага французскага мысліцеля Жан-Жака Русо аб народным суверэнітэце, з пазіцый якога і асвятляюцца праблемы грамадства, дзяржавы і права ў гэтага выдатнага філосафа. Русо вядомы таксама як прыхільнік тэорыі грамадскага дагавору. Ён лічыў, што ў аснове грамадскага дагавору і правамоцтваў суверэннай дзяржавы ляжыць агульная воля, якую французскі мысліцель разумеў як агульныя інтарэсы.

Грамадскае пагадненне, на думку Русо, дае палітычнаму арганізму права на ўладу ў дзяржаве. Гэтую ўладу, што накіроўваецца агульнай воляй, ён і называў суверэнітэтам. Паводле канцэпцыі Русо, суверэнітэт адзіны, і гаворка можа ісці толькі аб адным суверэнітэце – суверэнітэце народа¹⁰.

Характарызуючы вучэнне Русо, амерыканскі даследчык Рын Клаэс Г. адзначае, што агульная воля ёсць вынік акта супольнасці, ва ўмовах якой кожны індывідуум добраахвотна адмаўляецца ад сваёй прыроднай свабоды. Ко-дэкс супольнасці, па словах Русо, "зводзіцца да адзінага патрабавання: поўнай перадачы кожным чалавекам сябе і сваіх правоў усяму грамадству". Праз грамадскае пагадненне правы асобнага чалавека перадаюцца калектыву і ўвасабляюцца ў агульнай волі, якая ператвараецца ў неаддзельнага і непаддзельнага суверэна¹¹.

Агульная воля, на думку Русо, павінна выяўляцца ў законе. Французскі мысліцель высока цаніў кіраванне на аснове законаў і называў яго рэспубліканскім кіраваннем. "Такім чынам, – пісаў ён, – я называю рэспублікай усякую дзяржаву, якая кіруецца на аснове законаў, якім бы не быў пры гэтым лад кіравання ёю"¹². Магчыма, што да такой думкі Русо падштурхнула вывучэнне прававой і палітычнай сістэмы Рэчы Паспалітай, бо назва гэтага каралеўства перакладаецца як "рэспубліка" або "агульная справа". Па выніках сваіх даследаванняў Русо нават выдаў трактат "Меркаванні пра спосаб кіравання ў Польшчы і праект яго змянення, складзены ў красавіку 1772 года".

Вялікае ўздзеянне ідэй Жан-Жака Русо аказалі на Тадэвуша Касцюшка трапіў у вір рэвалюцыйнай сітуацыі, якая склалася там. Менавіта ў тыя гады французскія асветнікі апублікавалі сваю знакамітую "Вялікую французскую энцыклапедыю". Уплыў поглядаў французскіх мысліцеляў эпохі Асветніцтва, і асабліва Жан-Жака Русо, на Касцюшку з усёй выразнасцю праявіўся ў перыяд вайны за свабоду Злучаных Штатаў Амерыкі і паўстання 1794 г.

Вядома, што пры падрыхтоўцы паўстання Касцюшка наведаў Парыж, дзе вёў перамовы з міністрам замежных спраў Францыі Лебрэнам. Рашэнне прасіць дапамогу ў Францыі было прынята эмігранцкімі коламі, сярод якіх найбольш вылучаліся дзяржаўныя дзеячы Рэчы Паспалітай Гуга Калантай і Ігнаці Патоцкі. Міністру замежных спраў Францыі быў перададзены мемарыял пра задачы рэвалюцыі ў Рэчы Паспалітай. Мемарыял з'яўляецца выдатным помнікам прававой і палітычнай думкі свайго часу. У ім выкладалася наступная праграма грамадскіх змяненняў у Рэчы Паспалітай: скасаванне каралеўскай улады, ліквідацыя ўплыву вышэйшага духавенства, права ўсіх незалежна ад паходжання і рэлігіі валодаць зямельнай уласнасцю, поўнае знішчэнне прыгоннага права, свабода і раўнапраўе для ўсіх грамадзян. Можна сказаць, што мемарыял абвясчаў тыповыя мэты народнай рэвалюцыі.

Погляды Касцюшкі, сфармаваныя пад уздзеяннем грамадскіх працэсаў у рэвалюцыйнай Францыі, выявіліся таксама ў іншых дакументах паўстання 1794 г., складзеных пры яго ўдзеле. Асаблівае значэнне маюць "Акт паўстання грамадзян, жыхароў Кракаўскага ваяводства", шэраг адозваў і "Паланецкі універсал", напісаны Касцюшкам сумесна з Гуга Калантаем. Характэрнай рысай гэтых помнікаў прававой і палітычнай думкі з'яўляецца няпоўнае вырашэнне сялянскага пытання. Так, "Паланецкі універсал", які пра-дугледжваў даванне асабістай свабоды сялянам без надзялення іх зямлёй і змяншэнне феадальных павіннасцей, з-за сваёй палавінчатасці не ствараў неабходных умоў для масавага ўдзелу сялян у паўстанні.

Усведамленне таго, што прыгоннае права супярэчыць законам прыроды, прыходзіць да Касцюшкі пад канец жыцця. Напэўна, у той час ён у думках прымірыўся з радыкалізмам Калантая і асэнсаваў прычыны паражэння паўстання 1794 г. Вынікам роздумаў Касцюшкі стаў яго "Тэстамент". Ён пісаў: "Глыбока ўсведамляючы, што прыгоннае права знаходзіцца ў супярэчнасці з законам і прыроды і дабрабытам народаў, гэтым сведчу, што знішчаю яго зусім і на вечныя часы ў маім маёнтку Сяхновічы, размешчаным у Брэска-Літоўскім ваяводстве, як ад свайго імя, так і будучых уладальнікаў. Прызнаю, такім чынам, усіх жыхароў вёскі, якія належаць да маёнтка, свабоднымі грамадзянамі і неабмежаванымі гаспадарамі надзелаў. Вызваляю іх ад усіх без выключэння лабораў, паншчыны і асабістых павіннасцей, якімі яны былі абавязаны ўладальніку маёнтка. Заклікаю іх толь-

кі да таго, каб для карысці ўласнай і Края намагаліся адчыняць школы і распаўсюджаць асвету..."¹³

На працягу ўсяго жыцця Тадэвуш Касцюшка быў прыхільнікам і паслядоўным прадаўжальнікам ідэалаў Вялікай французскай рэвалюцыі, прававых і палітычных ідэй Ж.-Ж.Русо, Ш.Монтэск'е, іншых прагрэсіўных дзеячаў.

Дактрына Русо можа разглядацца яшчэ і як адна з асноўных крыніц ідэйнай падрыхтоўкі французскай буржуазнай рэвалюцыі, асабліва на яе якабінскім этапе. Прававыя і палітычныя ідэі якабінцаў, а таксама французскіх сацыялістаў аказалі значны ўплыў на развіццё грамадскіх працэсаў у Беларусі (вядома, што ўдзельнікі паўстання 1794 г. падзяліліся на дзве групы: памяркоўных прыхільнікаў рэформ 1788–1792 гг. і радыкалаў-"якабінцаў", якія выступалі за ўсенароднае паўстанне і правядзенне грамадскіх пераўтварэнняў па ўзору Вялікай французскай рэвалюцыі). Адным з найбольш радыкальных дзеячаў таго часу на Беларусі быў Якуб Ясінскі. Заслугоўвае ўвагі і дзейнасць другога кіраўніка паўстання, які замяніў Касцюшку пасля яго ранення і палону, Тамаша Ваўжэцкага, таксама ўраджэнца Беларусі. Але гэта тэма асобнага даследавання.

¹ Конон В. Н. Просветительская эстетика в Белоруссии в XVIII – первой половине XIX века // Историко-философские исследования: Ежегодник. 1991. Мн. 1991. С.95.

² Юхо Я. А. Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі. Мн. 1992. С.218.

³ Там жа. С.210.

⁴ Wisner Henryk. Litwa i Litwini: Szkice z dziejow panstwa i naroda. Olsztyn, 1991. S.69.

⁵ Дышыневiч В. Н. Георгій Канiскi – абаронца Праваслаўя // Праваслаўе. №5. 1997. С.33.

⁶ Там жа. С.37.

⁷ Гл.: История политических и правовых учений: Учебник для вузов. М. 1996. С.278.

⁸ Там жа. С.280.

⁹ Там жа. С.288.

¹⁰ Там жа. С.297.

¹¹ Клаэс Г. Рын. Дэмакратыя і этычнае жыццё. Мн. 1996. С.113–114.

¹² История политических и правовых учений. С.298.

¹³ Островер Л. И. Костюшко. М. 1961. С.265–266.

С.М.АНАНИЧ

ХЕДЖИРОВАНИЕ НА ОСНОВЕ ФЬЮЧЕРСНЫХ КОНТРАКТОВ НА ТОВАРНЫХ БИРЖАХ

Торговля фьючерсными контрактами занимает в мировой практике биржевой деятельности видное место. Объясняется это в первую очередь тем, что фьючерсные контракты позволяют установить цену на определенные виды товаров и уменьшить риск как продавцов, так и покупателей от нежелательного изменения цен с помощью хеджирования. Термин "хеджирование" происходит от английского "hedging", что означает "ограждение, защита". В самом общем виде хеджирование можно определить как "страхование цены товара от риска либо нежелательного для производителя падения, либо невыгодного потребителю увеличения"¹.

Нужно отметить, что содержание понятия "хеджирование" в процессе развития биржевой торговли претерпело существенные изменения. Согласно традиционной трактовке, хеджирование – это "продажа (покупка) фьючерсного контракта против предшествовавшей покупки (продажи) равного количества того же товара, цена которого изменяется параллельно цене данного товара, с намерением прекратить обязательства по сделке на фьючерсном рынке путем офсетной (обратной) операции одновременно с завершением операции с реальным товаром и до наступления срока поставки по фьючерсному контракту"². Аналогичное определение встречается как в работах зарубежных авторов, так и российских³. Поэтому чтобы лучше понять сущность хеджирования, остановимся на основных моментах его классической трактовки.

Использование фьючерсной торговли для страхования ценового риска стало возможным в результате того, что для каждого биржевого товара постепенно сложились два взаимосвязанных, но функционально отличных рынка: на-

личный или местный рынок, где происходит обмен физическим товаром, и центральный фьючерсный рынок, где не осуществляется торговля наличным товаром, но выявляется рыночная цена. Хеджирование основывается на том, что изменения цен на реальные товары и цен на фьючерсы равны по размерам и направлению. И хотя на самом деле эти цены не всегда совпадают, считается, что пределы их колебаний примерно одни и те же.

Механизм хеджирования заключается в том, что рыночный субъект на фьючерсном и наличном рынке занимает противоположные позиции. Если он теряет как продавец реального товара, то выигрывает как покупатель фьючерсов на то же количество товара и наоборот. Следовательно, проигрывая на одном рынке, данный субъект обязательно выигрывает на другом (поскольку цены на обоих рынках движутся в одном направлении). В результате хеджер получает ту цену, которая его устраивает.

Хеджирование на фьючерсном рынке осуществляется в два этапа. На первом этапе хеджер покупает или продает фьючерсный контракт (открывает позицию). На втором этапе он страхует себя, идя на вторую сделку, по сути противоположную первой (закрывает позицию). При этом контракт по обеим позициям должен быть на один и тот же товар, в том же количестве и в тот же месяц поставки.

Итак, классическая доктрина в качестве главных отличительных черт хеджевых операций выделяет одновременность сделки на фьючерсной бирже и на рынке реального товара и их противоположную направленность. Однако такое определение не раскрывает особенностей практики и цели хеджирования, а главное – не дает ответа на вопрос о его экономической сущности.

В 50–60-х гг. американские экономисты (Х.Уоркинг, Д.Ратлидж, Р.Грей, Т.Хиеронимус) выдвинули свою теорию хеджирования, которая нашла широкое признание, в том числе и у российских авторов⁴. Суть ее заключалась в том, что цены на реальный товар и биржевые котировки изменяются не параллельно, а следовательно, не может быть и полного страхования прибыли. Участники биржевой торговли используют непараллельность движения цен для получения дополнительной прибыли.

Конечно, новая трактовка не отрицает полностью классической доктрины, однако рассматривает ее как определение одного из видов хеджирования – обычного или чистого хеджирования, которое имело большое значение в ранний период функционирования фьючерсных рынков, а при развитой биржевой торговле используется редко. Все же остальные виды хеджирования преследуют в той или иной мере цель не только страхования от неблагоприятного изменения цен, но и получения дополнительной прибыли по сравнению с прибылью от реализации на рынке реального товара. В целом хеджирование для всех физических и юридических лиц, не являющихся членами биржи, представляет собой особую форму коммерческой деятельности с обычной целью – получение наибольшей выгоды.

Полагаем, что наиболее правильным является определение А.А.Иващенко, согласно которому хеджирование – это "дополнение обычной коммерческой деятельности промышленных и торговых фирм операциями на фьючерсной бирже, обусловленными тем или иным образом потребностями производства и торговли"⁵.

Операция хеджирования по сути распадается на две сделки. Первая – это сделка с реальным товаром, которая обычно заключается вне биржи. По характеру она представляет собой широко известный договор купли-продажи либо поставки. При его заключении стороны опираются на действующее законодательство и в первую очередь на статьи 233–248, 256–262 Гражданского кодекса Республики Беларусь. Продавец и покупатель на договорной основе определяют все условия данной сделки. Результатом ее является переход права собственности на товар и передача указанного товара в натуре.

Вторая из входящих в операцию хеджирования сделок – фьючерсная. Она может заключаться только на срочной бирже. Ее отличительная особенность состоит в том, что объектом выступает не товар, а определенное

количество фьючерсных контрактов. Они представляют собой стандартные контракты, условия которых одинаковы для всех участников биржевой торговли за исключением цены, уровень которой определяется биржевым торгом.

Но продажа или покупка контракта – это лишь первый этап фьючерсной сделки. Поскольку цель ее состоит не в передаче или получении реального товара, а в получении разницы между ценами контракта в момент его заключения и в момент исполнения, то хеджер завершает операцию путем совершения офсетной сделки. Ее суть состоит в том, что владелец контракта, желающий отказаться от выполнения своих обязательств по нему, имеет возможность до истечения срока действия контракта совершить противоположную операцию: купить контракт, если до этого он его продал, или продать контракт, если до этого он его купил, уплатив или получив разницу между ценами контрактов. Эта разница и составляет прибыль или убыток участников фьючерсной торговли.

Среди хеджеров активнее всего биржевой механизм используют торговые фирмы (посредники). Они имеют прямую возможность заработать на биржевых сделках. В первую очередь это связано с тем, что, являясь перепродавцами реального товара, они получают информацию о его ресурсах у производителей, о потребностях – у покупателей, знают их взгляды на состояние рынка. Кроме того, при несбалансированности спроса и предложения, когда из-за высоких или низких цен покупатель или продавец реального товара не готовы к заключению сделки купли-продажи, посредники временно удовлетворяют спрос или предложение. В итоге они с помощью хеджевых операций снижают риски от последующего повышения или понижения цен и получают дополнительную прибыль.

Нужно отметить, что у нас в республике сложное положение товарных бирж позволяет посредникам взять на себя ряд функций этого института. Хорошо ли это? Думается, нет. Ведь потребитель, желающий приобрести товар, часто не имеет возможности узнать текущую цену, потому что для этого ему пришлось бы связаться со всеми, торгующими необходимой ему продукцией, а это довольно сложно. С другой стороны, деятельность посредника также сопряжена с известной долей риска. Ведь в случае падения спроса он не сможет подстраховать себя на фьючерсной бирже.

Кроме торговых фирм, хеджированием занимаются фирмы по первичной переработке и доработке товаров, а также фирмы, выпускающие готовую продукцию. Они реализуют свою продукцию по стабильным в течение сравнительно длительного периода ценам, которые зачастую регулируются государством. Стало быть, торговля фьючерсными контрактами выгодна и для тех предприятий, которые не вправе свободно распоряжаться производимой продукцией и устанавливать ее цену. С помощью хеджирования они имеют возможность уменьшить риск при повышении цен на сырье и приобрести его с наибольшей выгодой. Поэтому, на мой взгляд, участие во фьючерсной торговле принесло бы неоспоримую выгоду многим отечественным предприятиям как государственной, так и негосударственной форм собственности.

Хеджевые сделки, таким образом, могут заключаться в следующих случаях. Во-первых, когда изготовитель биржевого товара, планируя объем производства, хочет застраховаться от возможного понижения цен, которое может произойти после начала производства и до реализации продукции на рынке. Во-вторых, когда покупатель (например, посредник) после совершения покупки реального биржевого товара хранит его в течение определенного времени, а затем находит возможность выгодно перепродать. В-третьих, когда изготовитель, использующий биржевой товар в качестве сырья, покупает запас этого товара и хочет застраховаться от потерь, связанных с изменением цен на готовый продукт, либо, согласовав цену на готовую продукцию, опасается роста цен на сырье.

По технике осуществления операций различаются два вида хеджирования: короткий хедж или хеджирование продаж (продажа фьючерсных контрактов) и длинный хедж или хеджирование покупки (покупка фьючерсных контрактов).

Хеджирование продажей обычно используется для обеспечения продажной цены реального товара, который находится или будет находиться в собственности торговца-посредника либо фирмы, производящей или перерабатывающей сырье. При хеджировании продажей владелец реального товара (производитель или посредник), стремящийся предохранить себя от возможного понижения цен на этот товар в будущем, заключает фьючерсную сделку на продажу. При снижении цен он выкупает фьючерсный контракт, цена на который тоже падает, и получает прибыль на фьючерсном рынке, которая должна компенсировать недополученную выручку на рынке реального товара. Если цены возросли, владелец реального товара поступает аналогичным образом. В этом случае он понесет убытки на фьючерсном рынке, однако получит прибыль от продажи реального товара.

Хеджирование покупкой применяется в качестве средства, гарантирующего закупочную цену для торговцев, покупающих биржевой товар и затем поставляющих его по фиксированной цене, а также фирм, перерабатывающих и потребляющих сырье для производства продукции в случаях, когда ими уже установлена ее продажная цена. При повышении цен покупатель продает фьючерсный контракт, цена которого тоже возрастает, компенсируя тем самым дополнительные расходы, возникшие при покупке необходимого ему количества товара на наличном рынке. Если же цены падают, покупатель потерпит убытки от продажи фьючерсного контракта, но выиграет на покупке реального товара.

По целенаправленности выделяются следующие виды хеджирования: обычное (чистое), арбитражное, селективное и предвосхищающее⁷.

Обычное хеджирование совершается для избежания ценовых рисков и заключается в полном временном и количественном балансировании противоположно направленных обязательств на рынках реального товара и фьючерсном. Как уже отмечалось, чистое хеджирование отвечает классической доктрине. Оно характерно для раннего этапа развития фьючерсного рынка. Поэтому, на мой взгляд, отечественным субъектам хозяйствования, принимающим участие в торговле на товарной бирже, необходимо обратить внимание именно на этот вид хеджирования.

Арбитражное хеджирование, учитывающее затраты на хранение, осуществляется исключительно для извлечения выгоды из ожидаемого благоприятного изменения в соотношении цен реального товара и биржевых котировок с различными сроками поставки. При избытке товара это соотношение цен (котировка на длительные сроки поставки выше, чем на короткие), как правило, позволяет за счет хеджирования финансировать расходы по хранению товара.

Селективное хеджирование отличается тем, что сделка на фьючерсном рынке проводится не одновременно с заключением сделки на реальный товар и не на равное его количество. Осуществление сделки на бирже в значительной мере основывается на прогнозе направления и степени изменения цен реального товара. Так, если ожидается повышение цен, то селективный хеджер не будет страховать запасы своего реального товара, рассчитывая получить прибыль от повышения их стоимости.

Предвосхищающее хеджирование заключается в покупке или продаже фьючерсного контракта еще до того, как совершена сделка с реальным товаром. Этот вид хеджирования выступает в качестве предварительного заменителя торгового контракта, который будет заключен позже.

Перечень видов хеджирования не исчерпывается перечисленными. В частности, выделяются: множественное селективное хеджирование, которое осуществляется несколько раз в течение одного производственного цикла или на одну партию товара в зависимости от увеличения или уменьшения рисков, связанных с изменением цен; корректирующее хеджирование, откладывающее фиксацию цены на более поздний срок; рутинное хеджирование, к которому прибегают, в частности, фермеры, производящие зерно⁸. В.В.Гросс, кроме перечисленных видов, выделяет и перекрестное хеджиро-

вание⁹. Его суть состоит в страховании позиции на рынке данного реального товара путем занятия противоположной позиции на рынке другого товара. Целью данного вида хеджирования является страхование оборота таких товаров, для которых не существует срочного рынка или если биржа данного товара не имеет достаточной гибкости (т. е. обороты на ней слишком малы), от значительного колебания цен, а также в тех случаях, когда по иным причинам прямое хеджирование является неэффективным.

Интересную классификацию хеджирования не только по технике осуществления и цели, но и по другим основаниям предлагают В.М. Стаханов и М.Ю. Парамонов⁹. По степени регулярности или повторяемости хеджирование этими авторами делится на рутинное и целевое. Рутинное хеджирование проводится в одно и то же время года независимо от уровня цен. Целевое хеджирование они понимают как противоположность рутинному и подразумевают под ним избирательную систему хеджирования на бирже. Кроме того, в зависимости от обеспеченности капиталом эти авторы выделяют корректирующее и полное хеджирование. По их мнению, корректирующее хеджирование применяют при недостатке капитала. Полное хеджирование они рассматривают как антитезу корректирующему.

Приведенные определения хеджирования довольно убедительны. Но, на мой взгляд, нет оснований подразделять виды хеджирования по отдельным критериям. Скорее можно согласиться с наиболее распространенным подразделением всех названных видов только по цели, которую преследует хеджер, вступая в торговлю фьючерсными контрактами. Тем более, что в практике деятельности зарубежных бирж многообразие хеджирования не исчерпывается упомянутыми видами.

Как видим, хеджирование с помощью фьючерсных контрактов предоставляет широкий простор для маневра. Одним из основных его достоинств является снижение рисков неблагоприятных изменений цен. Фьючерсные контракты фиксируют только уровни цен. В случае неправильного прогноза от них можно быстро избавиться без дополнительных потерь. При покупке реального товара ошибку в прогнозе исправить уже нельзя. Кроме того, при заключении обычного договора купли-продажи или поставки продавец и покупатель принимают на себя определенные обязательства, за нарушение которых они несут ответственность друг перед другом в виде возмещения убытков или уплаты неустойки. Если же заключена фьючерсная сделка, продавец и покупатель не обязаны строго соблюдать все ее условия. В случае, когда одному из них из-за изменения экономической ситуации становится невыгодным осуществлять поставку или принять ее, он может легко освободиться от своих договорных обязательств путем офсетной сделки.

К числу преимуществ хеджирования относится и то, что фьючерсный контракт гораздо надежнее контракта на реальный товар, так как в этом случае продавец и покупатель рассчитываются между собой через расчетную палату. При неблагоприятном изменении цен продавец реального товара может отказаться от его поставки, объявив форс-мажор, т.е. невозможность выполнения обязательств поставки по независящим от него причинам. По фьючерсному же контракту он в любой момент может откупить его, но не имеет права объявить форс-мажор.

Еще одним преимуществом хеджирования является то, что его использование позволяет улучшить внутрифирменное планирование. Поскольку фьючерсные контракты действительны на многие месяцы поставки в будущем, предприятие может планировать на перспективу. Зафиксировав цену на бирже на достаточно длительный период, производитель может продавать свой товар в наиболее удобное время наилучшему покупателю, а потребитель — не привязывать себя к определенному поставщику и регулировать свои закупки реального товара по времени, сорту и качеству. В результате использование механизма фьючерсной торговли позволяет продавцам планировать свою выручку, а значит, и прибыль, а покупателям — затраты.

Осуществление хеджевых операций на товарной бирже становится возможным при появлении в торговле фьючерсных контрактов. Поэтому введение в Правила биржевой торговли ряда белорусских товарных бирж положений, регулирующих заключение фьючерсных сделок, стало важным шагом в развитии биржевого движения. Однако фьючерсная торговля, как и биржевая, в настоящее время у нас находится в положении застоя. Это объясняется рядом причин в основном экономического характера. Решить эту проблему законодательным регулированием фьючерсной торговли, на наш взгляд, невозможно. Все, что касается фьючерсных сделок, должно предусматриваться Правилами биржевой торговли. Эти правила устанавливаются самими биржами на основе анализа экономических возможностей разработки стандартных контрактов. Поэтому развитие фьючерсной торговли в республике – это задача скорее самих биржевиков, нежели законодателей.

¹ См: Иванов К.В. Фьючерсы и опционы М., 1993 С.37.

² См: Baer J. B., Woodruff G. P. Commodity Exchanges. New York; London, 1935. P.86.

³ См: Baer J. B. Saxon O. G. Commodity Exchanges and Futures Trading. New York, 1949; Bauer P. T. Yamey B. S. Markets, Market Control and Marketing Reform. London, 1968; The Professional Use of the Commodity Markets. London, 1976; Митрофанов А.М., Ступников А.А. Что нужно знать о товарной бирже. М., 1992. С.79; Герчикова И.М. Сабельников Л.В. Международные товарные биржи. М., 1980. С.40; Обухович В.С. Товарные биржи и их роль в рыночной экономике. Горки, 1995; Сафонова Л.А. Организация работы биржи. Новосибирск, 1992. С.26.

⁴ См: Иванов К.В. Фьючерсы и опционы М., 1993; Стаханов В.Н. Парамонов М.Ю. Товарная биржа. Ростов н/Д, 1994; Биржевая деятельность / Под ред. А.Г.Грязновой, Р.В.Корнеевой, В.А.Галанова. М., 1995; Боженко И.П. Биржевые операции с драгоценными металлами в капиталистических странах. М., 1991; Гросс В.В. Принципы организации и функционирования товарных бирж. Иваново, 1992.

⁵ Иващенко А.А. Товарная биржа (за кулисами биржевой торговли) М., 1991. С.119.

⁶ См: Герчикова И.Н., Сабельников Л.В. Международные товарные биржи. С.36; Кузнецова Е.В., Курочкина С.С. Товарные биржи. М., 1991. С.49; Биржевое дело: Учебник для вузов. М., 1997. С.250; Обухович В.С. Товарные биржи и их роль в рыночной экономике. С.14; Иващенко А.А. Товарная биржа. С.119.

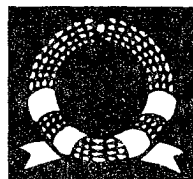
⁷ Кузнецова Е.В., Курочкина С.С. Товарные биржи. С.49; Иващенко А.А. Товарная биржа. С.121; Гросс В.В. Принципы формирования и функционирования товарных бирж. С.116; Боженко И.П. Биржевые операции с драгоценными металлами в капиталистических странах. С.43.

⁸ См: Иващенко А.А. Товарная биржа. С.123; Гросс В.В. Принципы формирования и функционирования товарных бирж. С.117.

⁹ См: Гросс В.В. Принципы организации и функционирования товарных бирж. С.117.

¹⁰ См: Стаханов В.Н., Парамонов М.Ю. Товарная биржа. С.208–209.

Нашы юбіляры

ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ ШИРОКАНОВ

Исполнилось 70 лет академику Национальной академии наук Беларуси, доктору философских наук, профессору Дмитрию Ивановичу Широканову.

Д.И.Широканов родился 10.05.1929 г. в д.Асаревичи Брагинского района в рабочей семье. Становление личности философа начиналось в Белгосуниверситете в 1947 г., когда студент философского отделения Д.И.Широканов делал первые шаги на пути к самопознанию и постижению истоков философской мудрости. Окончив с отличием в 1952 г. Белорусский государственный университет, Дмитрий Иванович продолжил обучение в его аспирантуре, успешно защитив в 1955 г. кандидатскую диссертацию. Вся последующая профессиональная деятельность будущего академика неразрывно связана с Академией наук Беларуси, где Дмитрий Иванович прошел путь от младшего научного сотрудника Института философии и права до директора этого института и крупнейшего представителя философской науки не только в стенах академии, но и в республике. В 1972 г. он защитил докторскую диссертацию, в 1974 – избран членом-корреспондентом АН

БССР, а в 1989 г. – действительным членом Академии наук. Сегодня Дмитрий Иванович Широканов, как и 37 лет назад, успешно возглавляет отдел логики и методологии научного познания Института философии и права НАН Беларуси.

Позади годы напряженного и плодотворного труда, написаны десятки книг и статей, подготовлено 10 докторов и 30 кандидатов наук, сделано очень много для того, чтобы классическая философская культура стала атрибутом мышления молодых сотрудников, аспирантов, студентов. С самых первых шагов своей творческой профессиональной деятельности Д.И.Широканов исследовал традиционно сложные, "спекулятивные" проблемы философии, постигая замысловатые сценарии развития категориальных структур философского мышления и таинственные иносказания языка классических философских произведений.

Подлинно новаторской является деятельность Д.И.Широканова по развитию проблем философии и методологии науки. Начиная с 70-х гг. эта проблематика становится центральной для его работ, в которых раскрываются и исследуются сложные метаморфозы взаимодействия философской методологии и реального процесса познания в естественных и гуманитарных науках.

Результаты своих исследований истории философской и социологической мысли Беларуси он обобщил в соответствующих разделах "Всемирной истории философии" и "Истории философии в СССР". Д.И.Широканов автор 116 научных работ, в том числе 4 монографий и 14 крупных монографических исследований. За коллективный труд белорусских ученых "Детерминизм, системы, развитие" награжден золотой медалью ВДНХ СССР.

Знакомясь с творческой эволюцией академика Д.И.Широканова, нельзя не заметить удивительной особенности – он никогда не старался быть на гребне философской моды, предпочитая легковесной популярности некоторую тяжеловесность фундаментального философского знания.

Но еще более впечатляюща способность Дмитрия Ивановича оставаться философом, по преимуществу, в реальных жизненных коллизиях, в общении с людьми, учениками, слушателями.

Интеллектуальная респектабельность и неизменная доброжелательность к новым идеям и их авторам создали ему имидж человека доброго и мудрого, пользующегося заслуженным авторитетом в научном обществе.

Дмитрий Иванович Широканов встретил свое 70-летие как человек, который не случайно посвятил свою жизнь философии, человек, который знает цену успехам и достижениям и способен приумножать мир подлинных ценностей в науке и жизни в наш непростой век.

А.И.Зеленков, Ю.А.Харин, П.А.Водопьянов

Н.В.Черченко, Е.В.Мельникова, Г.А.Шмарловская. **Мировая экономика**: Учебное пособие. Мн.: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 1998. 146 с.

Выход в свет рецензируемого учебного пособия в Республике Беларусь можно только приветствовать. Как известно, учебные пособия по данной дисциплине у нас фактически не издавались.

В учебном пособии Н.В.Черченко, Е.В.Мельниковой, Г.А.Шмарловской на основе использования новейших факторографических и статистических материалов, а также с учетом достижений экономической науки глубоко и последовательно освещаются мировое хозяйство и мировой рынок не только как экономические категории с присущими им атрибутами, но и в плане современных тенденций развития, что представляется особенно важным и ценным: феномен региональной интеграции в мировом хозяйстве дается параллельно со спецификой белорусско-российской экономической интеграции. Теория и практика, а также инструментарий международной торговли солидно методологически обоснованы, варианты торговой политики определены с учетом мирохозяйственной ситуации 90-х гг. не только в отраслевом, но и в географическом разрезе. К достоинствам работы можно отнести также структурирование мирового рынка на рынок товаров и услуг, рабочей силы с выявлением проблем миграции трудовых ресурсов в Республике Беларусь и соответственно – финансового рынка с определением его субъектов и объектов, анализом интернационализации банковской сферы и отслеживанием особенностей этого процесса в последнее десятилетие. В разделе, посвященном мировой системе, раскрываются не только ее основные элементы, включая валюту, курсообразование и валютный рынок, но, что не менее важно, – направления и инструменты валютного регулирования.

С методической точки зрения, положительным является то, что система категорий "Мировой экономики" изложена весьма четко

и лаконично, не выглядит громоздким математический аппарат, в конце каждой темы представлены вопросы для обсуждения. Все это, несомненно, позволит достигнуть высокой степени усвоения студентами учебного материала.

Вместе с тем нельзя не отметить и некоторые недостатки данного учебного пособия. Так, из поля зрения авторов выпало характерное для современной мировой экономики явление – свободные экономические зоны. С учетом начала функционирования их, в частности в Республике Беларусь, думается, такой раздел должен был быть включен в структуру учебного пособия. Кроме того, высокий научно-теоретический уровень учебного пособия вступает в противоречие с такой методической недоработкой, как отсутствие списка использованной и рекомендуемой литературы с разбивкой на обязательную и дополнительную. Также было бы целесообразно выделить и рельефно сформулировать систему дискуссионных вопросов, а также дилемм мировой экономики.

В целом же это содержательное, обстоятельно выполненное учебное пособие будет полезно широкому кругу читателей, преподавателям и студентам.

В.Л.Клюня

Философия / Под общ. ред. О.С.Терново-го. Мн.: "Універсітэцкае", 1998. 400 с.

В условиях быстрых и иногда неожиданных изменений в жизни нашего общества особое значение приобретает умение занимать четкую и обоснованную мировоззренческую позицию, определять способы решения насущных проблем. В этой связи у молодежи усиливается интерес к философии, ее мировоззренческой, аксиологической и методологической функциям. Помочь в этом может рецензируемое учебное пособие. Оно подразделяется на 5 глав: "Начало философских знаний", "Философское понимание мира", "Проблема метода в философии", "Познание.

Научное познание", "Социальная философия. Общество – система, которая развивается". Каждая из этих глав дает не только некоторую сумму знаний, но и выполняет определенную воспитательную функцию.

В первой главе авторы последовательно раскрывают развитие и изменение предмета философии и на этой основе подводят читателя к пониманию смысла и сущности философского знания. Здесь также дан обзор истории философской мысли и показаны некоторые закономерности ее развития.

Вторая и пятая главы посвящены проблемам онтологии и аксиологии, а также раскрывают мировоззренческую функцию философии. Во второй главе рассматривается философское понимание мира. Здесь авторы умело сочетают исторический подход с концептуальным анализом и раскрытием взглядов отдельных философов. Избранный прием является, на наш взгляд, удачным в методологическом плане и эффективным в методическом отношении, ибо обращение к конкретным философам помогает, с одной стороны, оживить абстрактные философские концепции, а с другой, – полнее и доходчивее раскрыть сущность философской проблематики, уделить особое внимание проблеме сознания как наиболее сложной и неоднозначно разрешаемой. Авторы, показав различные подходы к трактовке ее, утверждают, что ключевым в раскрытии действительной природы сознания и сущности идеального является диалектико-материалистическое решение основного вопроса философии.

В пятой главе сделана попытка показать специфику и особенности социальной философии. Глава написана добротно с использованием обширной философской литературы, изложены различные подходы и разные концепции отдельных философов по проблемам социального развития. Правомерным, на наш взгляд, является анализ общественного раз-

вития с двух позиций: общество – как развивающаяся система и общество, состоящее из отдельных развивающихся элементов.

В третьей и четвертой главах рассматриваются теоретико-познавательные проблемы. В главе "Проблема метода в философии" в четкой и лаконичной форме раскрывается суть диалектики, разбираются ее принципы, законы и категории, а также дается информация об ее альтернативе – метафизике. В четвертой главе анализируются различные формы познания, описываются этапы и структура познавательного процесса, дается характеристика некоторых методов и форм научного познания, рассматриваются особенности социального познания.

Эта нужная студенчеству книга все же не лишена недостатков. При переиздании этого пособия целесообразно было бы значительно увеличить объем историко-философского материала, расширить содержание главы IV за счет более детального рассмотрения методов и форм научного познания.

Если верно, как пишут авторы, что "пока существует человек, способный думать о смысле и цели своего бытия, философия в его жизни будет занимать наиболее важное место", то логичным было бы выделить в учебном пособии по философии специальную главу, посвященную человеку.

Язык и стиль учебного пособия достаточно популярно-доступный, но на отдельных страницах встречаются витиеватые, сложные, а порой и заумные конструкции.

В целом данная книга отвечает требованиям, предъявляемым к учебным пособиям, в значительной мере отражает основные проблемы философии, обозначенные в учебной программе вузов, и поэтому будет полезной и для студентов и всех, кто интересуется философией.

С.А.Радько, В.Н.Новиков